The background is a dark blue gradient. It features three stylized circles of varying sizes, each composed of concentric rings in shades of light blue and white. Two thin white lines intersect at the top left, extending diagonally across the page. The text is positioned in the lower-left quadrant.

Что мы знаем о современных российских пригородах?

ИМБТ СО РАН,
Филиал Фонда Розы Люксембург в
Российской Федерации

Федеральное агентство научных организаций
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРИГОРОДАХ?

Сборник научных статей по итогам
Всероссийского научно-практического семинара
(Улан-Удэ, 2–3 июня 2017 г.)

Ответственный редактор
к.и.н. *А.С. Бреславский*

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2017

УДК 616
ББК 60.5
Ч 80

Рецензенты

д-р ист. наук *М.Н. Балдано*
д-р геогр. наук *Т.Г. Нефедова*
д-р филос. наук *Е.Г. Трубина*

Ч 80 **Что мы знаем о современных российских пригородах?:** сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-7925-0464-6

В сборнике собраны тексты докладов участников Всероссийского научно-практического семинара, посвященного пригородам крупных городов современной России, источникам, направлениям и масштабам их роста, а также методам их изучения. Семинар был организован при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации.

What do We Know about Contemporary Russian Suburbs? (Edited Volume) / ed. by A.S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2017. – 220 p.

The book contains articles of the participants of the All-Russian Scientific seminar on the suburbs of major cities of modern Russia, the driving forces, directions and scales of their growth, and the methods for their study.

Данное издание осуществлено при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации и распространяется бесплатно.

УДК 616
ББК 60.5

ISBN 978-5-7925-0464-6

© ИМБТ СО РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2017

Бреславский Анатолий Сергеевич,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия
anabres05@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ:
ПРИГОРОДЫ И ПРИГОРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О семинаре и значимости пригородных исследований

Эта книга посвящена двум глобальным феноменам: пригородам и пригородному образу жизни в их российском срезе. Она включает в себя тексты докладов участников научного семинара «Что мы знаем о современных российских пригородах?», который был организован сектором социологии ИМБТ СО РАН при финансовой поддержке Фонда Розы Люксембург (филиал в Российской Федерации). Участники семинара – специалисты в области экономической географии, социологии и истории – высказались по разным вопросам, связанным с развитием пригородов крупных городов современной России: источникам пригородного роста, его сегментам и направлениям, масштабам и последствиям. Речь шла как об общегосударственных трендах (раздел 1), так и о региональных кейсах (раздел 2). Авторы объединил не только интерес к пригородной тематике, но и то обстоятельство, что каждый из докладов опирался на эмпирические исследования, в том числе в конкретных городах современной России. Отдельно в книге опубликованы статьи о развитии пригородной зоны Улан-Удэ (место проведения семинара, Россия) и особенностях (суб)урбанизации и пригородного развития расположенной неподалеку Монголии, которая имеет с Россией много общего, пройдя схожий путь городского строительства (раздел 3).

В современной России мы наблюдаем значимые изменения в морфологии, территориальной структуре крупных городов и их пригородных зон, в их внешнем облике, структуре населения и т. д. Однако эти изменения после распада СССР и их место в общественном развитии вплоть до последнего времени не становились предметом широких научных исследований. Отдельные работы в обозначенном предметном поле, результаты которых опубликованы и в настоящем сборнике, представляют лишь первые шаги на пути освоения такой обширной темы, как пригородное развитие современной России. Социальная и научная значимость данных работ вскрывается в связи с тем, что именно пригородный рост может стать определяющим фактором в текущем и будущем развитии более половины крупных городов в России, поскольку города становятся основным местом для жизни большинства россиян.

Выстроенные преимущественно в социалистический период, по вполне определенным принципам градостроительства, крупные города России

сегодня постепенно, а где-то очень динамично меняются. Кардинальное изменение условий, в которых они развивались в XX в., произошло в 1990–2000-е гг. Демократизация, переход к рыночной экономике, отказ от централизованного планирования, деиндустриализация и кризис сельских территорий, формирование рынка жилья, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, развитие частного строительства и пр. – все это предопределило новые тенденции в территориальном и демографическом развитии крупных городов и их пригородов. На наших глазах тут и там возникли коттеджные поселки, таунхаусы, микрорайоны домов усадебного типа, высотки, активно переобустраиваются под круглогодичное проживание советские городские и пригородные дачи, меняют свой облик и трудовую ориентацию села, поселки, малые города, расположенные неподалеку от крупных городских центров, формируются новые связи между большими и малыми городами в рамках крупных агломераций, в результате миграций активно перестраиваются системы расселения в регионах, в стране в целом.

Все эти процессы в России вполне укладываются в модель так называемой «постсоциалистической пригородной революции», которая охватила большинство крупных городов в обществах постсоциализма [Stanilov, Sykora 2014]. Содержание этой «революции» выражает рост частной застройки в пригородах крупных постсоциалистических городов после долгих лет государственных ограничений. Собственно с такого рода «взрывами» пригородного роста российских городов разного масштаба мы и имеем сегодня дело. Сразу стоит отметить: далеко не все крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост. Где-то пригороды растут вместе с городами, где-то быстрее или медленнее городских центров, где-то вопреки упадку своего города. Численность населения пригородов 45 % региональных столиц России вообще снижалась в период между 2002 и 2010 гг., о чем пишет Н.В. Мкртчян в разделе 1 данного сборника. Что происходит с этими территориями? Каково их будущее? Словом, не все так однозначно.

Отметим, в пространственно дифференцированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переобустройства старых приобрели, очевидно, многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, климатических условиях, истоках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах разворачивающейся субурбанизации – все это определяет разнообразие процессов пригородного развития в России, о котором мы пока знаем крайне мало.

В отдельных регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: мало- и многоэтажные, только жилье или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.), элитные, для среднего класса, бедных или смешанные, поли- или моноэтнические, застроенные

государством (под его контролем) или частным бизнесом, самими жителями самостоятельно, в том числе самовольно, запланированные или построенные стихийно и т. д. Где-то пригороды выстраиваются на ранее неосвоенных территориях, а где-то – на основе возникших ранее сел, деревень, поселков, малых городов, путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды формировались вследствие продолжающейся урбанизации, демографического роста «переполненных» городов, в результате притяжения в них сельского населения, населения малых городов, в других – вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели. Более конкретно говорить об источниках пригородного роста, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока также, увы, не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований.

Но несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах России, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты формирующихся пригородных зон, обозначить масштабы этих процессов, указать на их текущие и возможные последствия. Последствия – это то, что обычно привлекает внимание широкой общественности, когда речь заходит о городском и пригородном развитии на локальном уровне. Речь может идти о стихийном, нерегулируемом государством и муниципалитетами характере застройки, нерешенности проблем с транспортной доступностью, пассажирским сообщением, о развитии инженерной и социально-бытовой инфраструктуры, повышении нагрузки на города и пр. В более широком смысле стихийное стягивание населения в столичные (в том числе региональные) города, которое стало характерным явлением последних лет в России, вызывает беспокойство за развитие сельских территорий и малых городов.

В России новые системы расселения в схеме «город – пригород – село» пока недостаточно изучены как в общегосударственном, так и региональном смысле, хотя значимые работы выходят в свет [см., например, *Между домом...* 2016]. Известные проблемы со структурой и качеством, в частности российской статистики, уточнение, конкретизация количественных данных требуют дополнительных полевых обследований в регионах страны. В то же время специалистов, последовательно занимающихся изучением миграции населения, (суб)урбанизации, территориального развития в регионах, крайне мало. При наличии внушительных перспектив для анализа эта сфера социальных исследований пока слабо вовлекла региональных отечественных ученых, что порождает проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ.

В этом поле сосредоточилось много не только исследовательских, но и управленческих вопросов. Какова численность населения пригородных поселений в стране? Кто живет в пригородах? Следует ли регулировать

демографический и территориальный рост пригородных поселений? Какими способами? С какими проблемами сталкиваются пригородные сообщества и муниципальная власть? Как пригороды влияют на городскую инфраструктуру, рынок труда, транспортные коммуникации? Стоит ли присоединять пригородные поселения к городам? Разрабатывать специальные программы социально-экономического развития пригородных зон? Или рассматривать их в качестве отдельного субъекта в муниципальном, налоговом законодательстве? Формируется ли в регионах успешная практика по управлению пригородным развитием? Список можно продолжить. Кажется очевидным, что для взвешенного решения этих вопросов важно вначале перевести их из разряда управленческих в исследовательские. Но это в регионах происходит пока редко и зависит от местных инициатив.

Вышесказанное формирует лишь часть повестки пригородных исследований, социальная и научная значимость которых, как представляется, возрастает от года к году.

Пригороды и подходы к их изучению

В определении термина «пригород» (англ. – suburbs) в мире и в России, в частности, существуют известные проблемы со множественными различающимися смыслами, которые вкладывают в это понятие и связанные с ним территории рядовые жители, строители, законодатели, управленцы, исследователи и др. Помимо того что в разных странах и традициях это слово может включать в себя как положительные, так и отрицательные коннотации [Harris 2015, p. 660], оно может обозначать и совершенно разные территории и сообщества. Соответственно само понятие имеет различающиеся региональные прочтения [Clapson 2003; Stanilov, Hirt 2009; Harris 2010; Phelps, Wu 2011; Forsyth 2012; Dines 2013; Keil 2013].

В понимании феномена российских пригородов и пригородного образа жизни в нашей стране нам может помочь как классическая англо-американская парадигма, опирающаяся на опыт развитых стран, так и новые исследования в развивающихся и постсоциалистических странах, формирующие иной взгляд на природу этих явлений. Известно, самая длительная традиция в изучении пригородов сложилась на их «исторической родине» – в англо-американском мире, преимущественно в США и Великобритании [Palen 1995; Clapson 2003; Teaford 2008], где и сформировалась «эталонная» модель пригородов и пригородного образа жизни, широко растиражированная по всему миру. Именно в послевоенных Соединенных Штатах пригороды стали неотъемлемой частью национальной культуры и местом, где в отдельные годы проживало больше населения, чем в сельской местности и в городах [Jackson 1985, p. 4]. США к тому же до сих пор удерживают лидерство по количеству научных изданий в системе WoS, посвященных пригородам, несмотря на активный рост числа пригородных исследований в развивающихся странах Южной Америки,

Азии и Африки [Harris 2010], о чем мы уже писали ранее [Бреславский 2016, с. 81–83]. В то же время последние исследования в США указывают на кризис классической субурбанизации. Сегодня в число наиболее актуальных тем исследований пригородной жизни в этой стране наряду с задачами государственного регулирования, демографии, архитектуры вошли вопросы бедности и преступности, расовые и межконфессиональные проблемы [Duany, Plater-Zyberk, Speck 2000; Orfield 2002; Hanlon, Short, Vicino 2009, Murphy, Allard 2015]. Исследователи говорят о кардинально новом этапе в урбанизации и субурбанизации в США, об окончании периода «классической» субурбанизации, теряющей популярность в современном американском обществе [Gallagher 2014]. В России же она лишь набирает популярность, но ее будущее пока также туманно.

Одновременно пригородные исследования в развивающихся странах [см., например: Phelps, Wu 2011; Keil 2013] показывают нам, что природа, источники пригородного роста, морфология пригородных микрорайонов могут существенно отличаться и отличаются от классической англо-американской модели, опирающейся на опыт развитых стран. Бурно растущие города и пригороды стран Азии и Африки формируют новые, гибридные модели (суб)урбанизации, (пери)урбанизации, к которым нам следует отнести также внимательно, как и к их «классическим» аналогам. К тому в международную дискуссию по вопросам пригородного развития постепенно включаются исследователи постсоциалистических городов, пригородный рост которых также имеет свои специфические черты [Stanilov, Hirt 2009; Stanilov, Sykora 2014; Breslavsky 2017]. Все это многообразие процессов (суб)урбанизации в мире и подходов к их пониманию, определению и изучению нам еще предстоит соотнести с тем, что мы наблюдаем в современной России.

Вряд ли можно дать сегодня универсальное определение пригородов, которое устроило бы всех, поскольку параметры «пригородности» изначально очень условны и о них можно лишь договориться. Но можем ли мы договориться о российской трактовке этого термина?

Наиболее универсальные академические отечественные определения «пригородов», увязанные с научными подходами, сформировались еще в советской демографической и географической традициях. Их можно найти в базовых словарях и энциклопедиях. Так, например, советский демографический словарь 1985 г. определяет пригород как «поселение, расположенное вблизи крупного города и тяготеющее к нему в хозяйственном, культурно-бытовом, трудовом и других отношениях. В пригородах, как правило, проживает основная часть маятниковых мигрантов». Он же определяет пригородные зоны как «территории, окружающие крупный город и находящиеся с ним в тесной функциональной и другой взаимосвязи. П. з. являются частью городских агломераций. В П. з. размещаются пригороды, города-спутники, отдельные производственные, сельскохозяйственные, агропромышленные, промышленные, транспортные, комму-

нальные предприятия. Часть территории П. з. может быть использована в качестве сельскохозяйственных угодий. В СССР и других социалистических странах такие природные ресурсы П. з., как леса, озера, реки и др. объекты, охраняются государством и выделены в специальные зеленые зоны отдыха. В их пределах располагаются дачные и садовые поселки, санатории, детские лесные школы и другие оздоровительные учреждения. Генеральные планы развития крупных городов предусматривают рациональное использование П. з., образующих вместе с ними единый многосторонний комплекс. В капиталистических странах в зависимости от характера субурбанизации в пределах П. з. стихийно возникают районы трущоб (главным образом в развивающихся странах) или поселения зажиточных слоев общества, новые промышленные предприятия и центры деловой активности (в большинстве экономически развитых капиталистических стран)» [Демографический словарь 1985]. Схожее понимание «пригородной зоны» находим в российской энциклопедии по географии 2007 г.: «Территории, окружающие крупный город и находящиеся с ним в тесной взаимосвязи; нередко часть городской агломерации. Под пригородной зоной могут пониматься: прилегающая к городу территория, не имеющая четких границ; территория, имеющая утверждённый статус; периферийная часть городской агломерации» [География 2007, с. 407–408].

Как мы видим, главными критериями в определении пригородов считаются: 1) расположение за официальными границами города и 2) тесная, многосторонняя связь территорий с городом. Такие определения не ограничивают понятие «пригород» только жилыми территориями, как это было принято в классической англо-американской традиции [Harris 2015, p. 660]. То есть под пригородами понимаются все освоенные, находящиеся в тесной связи с городом, сегменты территории за его границами: жилые, производственные, торговые, транспортно-логистические, сельскохозяйственные (в том числе дачи), складские, рекреационные и т. п.

Также в разрез с классической англо-американской традицией, опирающейся на историю пригородов в развитых странах Западной Европы и США, указанные выше советско-российские определения допускают, что пригородами могут быть названы сельские территории на периферии крупных городов, а также гибридные территории, находящиеся в промежуточном положении между городом и деревней (по быту и образу жизни жителей, состоянию социально-бытовой и инженерной инфраструктуры). То, что называется *peri urban fringe* и не входит в классическое западное понимание «пригородов», формирующихся в результате субурбанизации, повышения благосостояния городского среднего класса, и называется английским словом *suburbs*.

Обозначенные выше справочные определения также включают в понятие «пригород» стихийные, неформальные, самовольные поселения, которые мы можем обнаружить не только в Африке и Латинской Америке,

но и в современной России [Карбаинов 2006; Алексеева 2010]. В англоамериканской традиции эти два понятия («suburbs» и «squatter settlements») противопоставлялись [Harris 2010, p. 21–22].

В немногочисленной русскоязычной академической литературе последних лет, которая посвящена вопросам пригородного развития в современной России, вопрос с определением «пригородов» в сущности не был пока дополнительно проработан, специально ставился лишь в отдельных работах [см., например: Доробеева 2015], как минимум о каком-либо консенсусе в этом деле речи не идет, договориться о терминах еще придется. В то же время фактически под пригородными территориями в России в логике прежних подходов и современного российского законодательства можно понимать муниципальные образования, не входящие в состав городов (городских округов), но расположенные на их границах и имеющие с ними устойчивые экономические и социально-бытовые связи.

Это определение, с одной стороны, позволяет четко отделить «пригородные» территории от «городских» в административном смысле, но с другой – надо признать, формально определяет характер «городских» и «пригородных» территорий, нивелируя многие их сходства и различия. Реалии территориального развития, фиксируемые нами в полевых исследованиях, подчас обрушивают всякие административные границы, что проявляется, допустим, в том, что отдельные городские окраины (микрорайоны) или сельские населенные пункты в границах городских округов по многим значимым параметрам не отличаются от пригородных поселений этих городских округов. К этим параметрам можно отнести: расстояние от общегородского центра, плотность расселения, этажность застройки, качество и образ жизни местного населения (как интегральный показатель, складывающийся из состояния социально-бытовой, инженерной инфраструктуры, доходов, структуры потребления, досуга населения, направленности местных жителей на городской рынок труда и пр.). В каждом конкретном городе в пределах России без формальных административных границ будет непросто отделить городские территории от «пригородных», что затрудняет формулировку единого подхода, столь значимого для задач сравнительного анализа.

Целесообразно ли использование дополнительных критериев в определении российских «пригородов»? С определенными оговорками можно использовать для их поиска, например, все ту же классическую англоамериканскую традицию, определяющую пригороды через два основных параметра: плотность расселения (которая обычно стремится к снижению от центра к периферии) и расположение на окраинах [Harris 2015, p. 660]. Мы видим, что понятие административных границ здесь нивелируется. Тогда в самом общем смысле под «пригородами» можно понимать все жилые микрорайоны/поселения, расположенные вне пределов городского многоэтажного ядра (центра) – на городских окраинах или рядом с ними. В этом смысле в пригороды войдут и периферийные внутригород-

ские территории малоэтажной застройки («внутренние пригороды») и поселения за пределами городов. Где заканчиваются пригороды в этой связи? – вопрос также условный. В каждом конкретном городе границы пригородной зоны могут быть выстроены и выстраиваются по-разному, исходя, например, из «показателя тесноты» хозяйственных, трудовых, социально-бытовых и прочих связей. На него будут влиять уровень развития сети автодорог, качество и доступность пассажирского сообщения между этими территориями и центральными городскими микрорайонами.

Это определение, нивелирующее административные границы, но обращающее внимание на плотность расселения населения / этажность застройки, требует еще нескольких уточнений. Во-первых, во многих прежде социалистических городах (не только в России, но и в Китае, Монголии, восточно-европейских странах) городские окраины застраивались не только и не сколько одно-, двухэтажными, сколько средне- и многоэтажными жилыми домами (стандартизированные «спальные районы»). Это отличает наши города от тех крупных западных, пригородами для которых служили в основном одноэтажные микрорайоны и городки (вспомним об «одноэтажной Америке», западноевропейских городах). Высотные же спальные микрорайоны есть практически в каждом крупном российском городе. Они могут быть расположены около центра или в значительном отдалении от него, на самых границах города. Включать их в «пригороды» или нет? – вопрос открытый. И ответ на него будет зависеть от задач исследования. Многие новые микрорайоны на периферии российских городов также строят сегодня в прежней, советской многоэтажной традиции: высотки здесь могут соседствовать с одно-, двухэтажными домами, коттеджами, таунхаусами, что затрудняет отделение «городской» территории от «пригородной» только по принципу плотности расселения. С другой стороны, практически в каждом крупном российском городе сегодня можно обнаружить значительные по площади сегменты малоэтажной застройки с низкой плотностью расселения, многие из которых по природе своего происхождения, образу жизни их хозяев будут похожи на «англо-американские» пригороды (коттеджи благосостоятельных горожан).

Инструментальное значение второго «англо-американского» критерия в определении «пригородов» – окраинное расположение – также нуждается в дополнительных уточнениях, особенно для российского законодательства. Ведь в связи с этим под «пригородами» мы можем понимать как внутригородские окраинные территории, так и загородные. Как определить тогда, где заканчивается центральная часть и начинаются окраины? Только ли по плотности расселения? Или, может быть, по физической удаленности окраин от центра, по времени, которое мы тратим на преодоление этого расстояния, уровню благоустроенности территорий (наличие центрального отопления, водоснабжения, тротуаров, освещения и пр.)? В каждом конкретном российском городе будет своя конфигурация сегментов, оригинальная морфология, несмотря в целом на единые принципы их

застройки в советский период. И даже в рамках одного конкретного города мы будем находить разные, по-разному обоснованные границы городских и пригородных территорий.

Если понятия «города», «городского округа» определено в Федеральном законе № 131 о местном самоуправлении, то такие термины, как «пригород», «городские окраины» пусть и встречаются в официальных документах, но не имеют в законе своего определения [Упоров 2016]. Подобная неинституционализированность пригородов уже вызывает ряд коллизий и проблем в управлении этими территориями, которые оказываются «в тени» своих больших городов [Григоричев 2013а, б].

Часто понятия «городские окраины» и «пригороды» используются как синонимы, обозначающие одни и те же территории и населяющие их сообщества. Особенно на повседневном уровне. С первого взгляда кажется, что это различие между часто похожими «городскими окраинами» и «пригородами» не принципиально, но оно оказывается жизненно важным, когда речь идет, допустим, о (меж)бюджетном финансировании инфраструктурных проектов, реализуемых на территории городских окраин и за их пределами. Муниципалитеты многих поселений за границами крупных городов испытывают сегодня возрастающую нагрузку, выполняя функции «спальных районов» для своих больших спутников. При этом они часто не получают дополнительной поддержки ни со стороны администрации своего пригородного муниципального района, ни со стороны города-центра, ни от бюджета региона и т. п.

Обозначенные выше определения имеют право на существование. Первое будет способствовать унификации предмета наших исследований для сравнительного анализа и необходимых обобщений. Второе – будет полезно для глубинной проработки локальных кейсов, понимания существенных черт пригородного роста в России и особенностей пригородного образа жизни в отдельных регионах страны. Пригородный образ жизни сам по себе заслуживает внимания исследователей, поскольку ценности и мотивы, которые он в себя включает, уже подтолкнули тысячи россиян к переезду в собственный дом на городских окраинах или за их границами. У этого образа жизни есть известные плюсы, а также минусы, о которых мы узнаем, изучая опыт других стран [Gallagher 2014]. И это опыт может быть учтен как в исследовательской работе, так и в управленческой практике.

Сегменты и источники роста российских пригородов

Структура пригородных территорий (за административными границами) большинства крупных российских городов имеет много общего. При всем разнообразии форм пригородных микрорайонов и поселений можно выделить следующие 7 основных направлений пригородного роста крупных российских городов в последние 20–25 лет (см. для сравнения также Stanilov, Hirt 2009: p. 89–91):

1. Строительство новых микрорайонов многоэтажных (от 3 этажей и выше) жилых домов.
2. Строительство коттеджей и коттеджных поселков, таунхаусов, в том числе закрытого типа.
3. Строительство домов усадебного типа.
4. Строительство дач – летних домиков и их перестройка в добротные жилые дома, пригодные для круглогодичного проживания (обычно в дома усадебного типа или коттеджи).
5. Застройка существующих деревень, поселков и малых городов в пригородных зонах крупных городов.
6. Рост самовольных, скваттерских поселений.
7. Развитие нежилой пригородной инфраструктуры: торговых и офисных центров, складских и промышленных строений, транспортных узлов, рекреационной инфраструктуры и пр.

К сожалению, не по всем сегментам-направлениям жилищного строительства в нашей стране ведется качественный статистический учет, в связи с этим мы не можем пока более конкретно говорить о масштабах и сегментах пригородного строительства, а также о том, кто живет в пригородах крупных российских городов в целом, был ли переезд для этих людей вынужденным или желанным решением и пр. На эти и другие вопросы могут дать ответ отдельные региональные исследования, которых, увы, пока совсем не достаточно, учитывая масштабы этого явления в нашей многоукладной стране.

То же касается определения источников – движущих сил роста пригородной застройки в российских городах после распада СССР, соотношения отдельных факторов, влияющих на характер пригородного развития в отдельных регионах. В самом широком смысле рост пригородной жилой и нежилой застройки крупных городов России в 1990–2015 гг. явился следствием а) продолжающейся урбанизации, роста городского населения, усиления роли крупных городов в региональных системах расселения и б) разворачивающейся субурбанизации, связанной с переездом горожан из центральных городских районов в пригородные. Рост частной жилой застройки на периферийных городских территориях в связи с развитием субурбанизации можно наблюдать и в тех российских городах и регионах, численность которых могла падать или меняться незначительно в последние 25 лет [Григоричев 2017а]. Более подробно об этом пишет Н.В. Мкртчян в своей статье в данном сборнике.

Надо отметить, что застройка пригородных зон крупных городов приобрела главным образом частный характер, поскольку значимые государственные и муниципальные проекты в области городского строительства в 1991–2015 гг. в основном касались единичных случаев (как, например, Владивосток перед саммитом АТЭС 2012 г., Сочи перед зимней Олимпиадой 2014 г., Москва в целом и др.). В целом же по стране именно частные, а не государственные инвестиции и частные застройщики были основны-

ми участниками пригородных строек. Итак, каковы же основные источники – движущие силы роста российских пригородов в последние 25 лет? Они схожи с теми, что фиксируют исследователи в других постсоциалистических странах [Stanilov, Hirt 2009; Hirt 2012; Stanilov, Sykora 2014]: децентрализация управления городами, историческое наследие в форме жилищного кризиса, повышение ценности пригородного образа жизни, а также внутренняя миграция населения.

1. Уход государства из управления городами после распада СССР в начале 1990-х гг. Децентрализация отношений в области городского планирования, отказ от жестких форм контроля в распределении земель, игнорирование генпланов стимулировало рост застройки пригородных территорий. Когда практика народнохозяйственного планирования была отменена, практически все полномочия по распоряжению городской землей были переданы городским муниципалитетам. Эти изменения утверждены новым законом о местном самоуправлении в России в 1995 г. Децентрализация, высокая либерализация отношений в управлении городами, ослабление государственного контроля стали причиной самовольного строительства без разрешительных документов и одобрения муниципальных властей. Не во всех регионах России процессы распределения и застройки городских и пригородных земель сразу были взяты под контроль, долгое время они развивались подчас стихийно, в логике рыночных отношений, не всегда положительно влияя на развитие территорий.

2. Жилищный кризис в российских городах. К концу 1980-х гг., несмотря на масштабные проекты по строительству стандартизированного жилья, в крупных отечественных городах очереди на жилье никогда не исчезали, многие горожане вынуждены были жить в стесненных условиях. Распад СССР, снятие запретов на частную собственность и частное строительство, развитие рынка жилья, строительных материалов, института ипотеки и долевого строительства привели к взрыву частного жилищного строительства на ранее неосвоенных землях. Ускоренная автомобилизация, постепенное повышение благосостояния населения, готовность рынка отвечать на разнообразные по уровню доходов и вкусовым пристрастиям жилищные запросы населения окончательно сняли существовавшие в 1990-е гг. барьеры в застройке пригородных территорий. При том что центральные микрорайоны наших городов не опустели, на городских окраинах и рядом с ними были выстроены многочисленные коттеджные поселки, индивидуальные дома усадебного типа, таунхаусы, новые многоэтажные микрорайоны, поселки и пр.

3. Инфраструктурный кризис городов. Широкое освоение горожанами периферийных городских территорий и пригородов в 1990–2000-е гг. также стало следствием того, что центральные и околоцентральные городские микрорайоны пережили в это время инфраструктурный кризис и в отдельных случаях даже разруху, поскольку средств у му-

ниципалитетов на поддержание и развитие инженерных сетей, социальной инфраструктуры в городах было недостаточно. Кроме того, платежи ЖКХ в условиях, когда доходы населения резко упали, стали для части людей неподъемными. Это подтолкнуло часть из них покинуть свои благоустроенные квартиры в центральных городских областях и приобрести частное жилье «на земле», в том числе на городских окраинах и за их пределами. К тому же здесь можно было получать продукты животноводства и растениеводства. Городские дачи в 1990-е гг. стали важным источником для выживания значительного количества городских семей. Стесненные небольшими квартирами, общежитиями горожане стали переобустраивать свои летние дачные домики в полноценные дома, коттеджи в зависимости от доходов и личных предпочтений. Эти процессы активно продолжаются и сегодня.

4. Внутренняя миграция. Города-столицы, города-ресурсные центры, особенно в слабоурбанизированных регионах России в последние 25 лет стали главными центрами притяжения для сельских мигрантов и жителей других, менее привлекательных городов. Сельско-городская миграция – это вполне объективное следствие кризиса сельского рынка труда, снижения качества жизни в сельской местности в 1990–2000-е гг., в результате чего местные жители массово переселялись в крупные города. Жители сел и малых городов внесли свой, в отдельных случаях очень ощутимый, «вклад» в рост пригородной застройки, дифференцировали жилищные рынки крупных городов. Стягивание населения в отдельные крупные города продолжается и сегодня, в результате чего не прекращается пригородный рост.

К сожалению, говорить об этих процессах в России более конкретно, без грубых количественных и типологических обобщений мы пока не можем в силу известной слабости российской статистики, а также малого количества региональных исследований. Лишь серьезная, последовательная работа в регионах страны способна дать сегодня более четкое представление о масштабах, сегментах, источниках и последствиях пригородного роста крупных городов в современной России. Как же развивается эта область исследований у нас в стране?

Пригородные исследования в современной России

Сразу отметим, что «пригороды» и «пригородный образ жизни» в отечественной социально-гуманитарной науке не стали пока предметом широких исследований, несмотря на активное развитие и усложнение обоих феноменов в России в последние два десятилетия. Международные дискуссии в связи с расширением географии пригородных исследований в 2000-е гг. за пределы Глобального Севера также проходит без широкого участия российских ученых. Если собственно городские исследования, а точнее, исследования в городах России постепенно увеличиваются, то пригородные – единичны и их число практически не растет. Слабо осмыслено само предметное поле, ощущается недостаток локальных и обоб-

щающих работ, не отточены методологические подходы и методики проведения полевых исследований. Пригороды попадают в фокус внимания отечественных ученых зачастую опосредованно, когда они изучают миграцию, системы расселения населения, (суб)урбанизацию и пр. (хотя и таких исследований немного), и очень редко как первичный объект для изучения.

Однако именно работы о внутренней (трудовой) миграции в России, об изменениях в системах расселения населения, как мы можем заметить, дают нам сегодня возможность говорить более-менее определенно о масштабах пригородного роста крупных российских городов, его источниках и региональных различиях [из последних работ отметим следующие: *Флоринская* и др. 2015; *Между домом...* 2016]. Упомянем статьи демографа Н.В. Мкртчяна, географов А.Г. Махровой и Е.В. Антонова в разделе 1 данного сборника, которые также задают общую картину и демографический контекст пригородного развития в современной России. В числе работ об общероссийских тенденциях выделим также статью В.И. Звягинцева и М.А. Неуважаевой, посвященную феномену «обратной миграции» в современной России [2015].

Но что же интересует российских исследователей, непосредственно изучающих пригороды крупных отечественных городов? Осуществим обзор исследовательских программ, которые реализуют отдельные специалисты.

Стоит начать, пожалуй, с исследований российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения, пригодные для постоянного проживания, может стать значимым направлением субурбанизации на всей территории России. По сути дачи – это заложённая в 1960–1990-е гг. основа для будущей субурбанизации в большинстве крупных городов России. Кроме того, дачи в нашей стране продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия в теплое время года. Отметим, что среди прочих направлений пригородного развития городов в России, о которых говорилось выше, именно дачная субурбанизация привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, например, скваттерские (самовольные) поселения, распространённые в некоторых городах страны, пригородные села и поселки в большинстве регионов пока еще остаются без своего исследователя.

Среди современных исследований российских дач выделим работы Н.Г. Нефедовой и ее коллег, содержащие значимые классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор исследований дач в советское время и в современный период [*Нефедова* 2001; 2008; 2011; 2012; *Браде* и др. 2013]. Н.Г. Нефедова указывает, в что дачи сегодня могут отражать процессы субурбанизации, служить местом отдыха и выступать в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного само-

обеспечения горожан. Анализируя особенности российской субурбанизации, она выделяет шесть типов дач столичных городов России, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки [Нефедова, Савчук 2014]. Итогом продолжительных исследований Н.Г. Нефедовой и возглавляемого ей коллектива стала также монография «Между домом и... домом», в которой подводятся итоги многолетних исследований дач в европейской части России [Между домом и... 2016; Бреславский 2017].

Следует подчеркнуть, что российские дачи стали предметом нескольких монографических исследований [Малинова-Тзиафета 2013], в том числе выполненных зарубежными авторами [Ловелл 2008; Caldwell 2011]. Вместе с тем, как отметил А.И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья [2014, с. 24].

Переходя к региональным исследовательским программам, следует начать, пожалуй, с Москвы и Санкт-Петербурга – двух крупнейших генераторов пригородного роста на карте России. Среди работ, напрямую затрагивающих проблемы субурбанизации в московской агломерации, выделим работы российских географов и особенно А.Г. Махровой, которые раскрывают особенности сезонной (дачной) субурбанизации в регионе, показывают, как новая коттеджная застройка формирует западный тип субурбанизации [Golubchikov, Phelps, Makhrova 2013; Махрова 2014а, б; 2015].

Процессы субурбанизации в Ленинградской области освещены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики [2012]. Отметим также коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксеновой и С.А. Крутиковой, посвященное пригородам Санкт-Петербурга [2012, с. 86–98], в котором проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде. Изучение закрытых пригородных сообществ, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» [Hirt 2012], особенно актуально для постсоциалистических, в том числе российских городов, в которых формируются новые пространства приватности. Выделим также статью В.П. Ремезковой, В.В. Гуткович и М.О. Спириной, посвященную анализу опыта субурбанизации Москвы и Санкт-Петербурга [Remezkova, Gutkovich, Spirina 2016] в контексте североамериканского опыта.

В европейской части России, за пределами московского и северо-западного регионов, судя по имеющимся в системе РИНЦ статьям, книгам и диссертациям, исследователей пригородов немного. Отметим социоло-

гические работы А.Ю. Казаковой, посвященные пригородам Калуги, в которых она рассматривает социальный портрет и особенности образа жизни местных жителей [2015а, б], а также сравнительные исследования 2014–2015 гг. В.Б. Звоновского, Д.Ю. Меркуловой и Ю.В. Соловьевой, посвященные новым пригородным поселениям Самары, Ростова-на-Дону и Кемерово, где основную массу поселенцев составляют здесь жители других районов «материнского города», которых связывают особые отношения солидарности [Звоновский, Меркулова 2015; Звоновский, Меркулова, Соловьева 2015].

Пригороды уральских городов не нашли пока своих постоянных исследователей. Отмечу лишь одно небольшое обследование, посвященное субурбанизации в Свердловской области [Чевтаева, Егунов 2014]. Среди сибирских исследователей выделим работы социолога, демографа К.В. Григоричева, который последовательно изучает разные аспекты развития пригородной зоны Иркутска. В своей монографии «В тени большого города: социальное пространство пригорода» [2013б], опираясь на собственные полевые исследования и материалы статистики, автор анализирует специфику формирования пригородных поселений, взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, складывание новой экономики и властной сферы через призму концепта транслокальности. Разные аспекты этой работы получили развитие в статьях автора, посвященных изучению места иностранных мигрантов в неформальной экономике пригородных поселений Иркутска [Григоричев 2016а; 2017б; Grigorichev 2016], концептуализации проведенных эмпирических исследований [Григоричев 2016б].

Иркутские пригороды попали в фокус внимания еще двух исследователей – И.Ю. Корюхиной и В.В. Куклиной [2014], которые на своих полевых материалах показывают, что такие характеристики, как безопасность и свобода приобретают важнейшее значение в конструировании пространства пригорода. Для их достижения используются различные способы и технологии ограждения в физическом пространстве, их ценность вербализуется в рекламе коттеджных поселков, однако их нехватка остро ощущается в процессе пребывания в пригороде.

При поддержке К.В. Григоричева в 2012 г. автор статьи начал знакомство с пригородными исследованиями, организовав полевую работу в пригородной зоне Улан-Удэ. Итогом стала серия статей и монография, в которых рассмотрены источники, направления, масштабы и последствия стихийного пригородного роста Улан-Удэ [Бреславский 2014; 2017; Breslavsky 2016].

Изучением пригородов еще одного сибирского города – Красноярска занимаются Л.А. Дорофеева и А.И. Шадрин, которых интересует маятниковая миграция населения, география коттеджного и дачного расселения, филиализация пригородной территории, вопросы ее комплексного развития [Дорофеева, Шадрин 2014; Дорофеева 2016]. Начинают свою работу

по изучению пригородов Тюмени А.В. Шелудков и С.В. Рассказов, опубликовавшие результаты своей работы по изучению разных социально-экономических ландшафтов пригородных сел Тюменской области [2017].

В регионах Дальнего Востока специалистов, более-менее последовательно занимающихся пригородными исследованиями, пока нет, однако в данном сборнике опубликована статья о пригородах Владивостока, которую в рамках подготовки к семинару представили социологи Дальневосточного государственного университета. Она иллюстрирует редкий для российских городов случай развития островной пригородной территории (о-в Русский, Владивосток). Среди дальневосточных исследований, позволяющих получить представление о процессах пригородного роста в регионе, упомянем работу Е.Н. Федоровой и Г.А. Пономаревой о Якутске и его пригородах [2014].

Перечисленные немногочисленные исследования выполнены в основном с опорой на методики социологии, демографии и экономической географии. Надо сказать, например, что исторических исследований, подробно раскрывающих картину пригородной жизни в России в средние века и позднее, также немного. Из последних работ можем выделить труды по экономической истории А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX – начале XX в. [2005], Д.С. Десятрева по пригородным поселениям дореволюционного Томска [2012]. Исторические исследования пригородов российских городов крайне важны для нас по понятным причинам: без знания исторических форм пригородных поселений, понимания исторического контекста, в котором они возникли и изменялись, невозможно корректно ставить и решать задачи в современных исследованиях. Не хватает нам экономических трудов, работ в области территориального планирования, архитектуры пригородных поселений, практики муниципального и государственного управления пригородным развитием. Отдельных отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса [Шубаева 2008; Медведева 2011; Муравьев, Позмогова 2012]. В то же время многие другие значимые темы (бедность, экономика пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без скольконибудь пристального внимания.

Анализ отечественных публикаций, касающихся развития пригородов крупных городов в современной России, приводит нас к следующим выводам. Начнем с того, что эти публикации отнюдь не многочисленны, как и специалисты, последовательно изучающие обозначенную проблематику, а также шире – процессы (суб)урбанизации в стране. Отметим, что основной блок публикаций приходится на изучение двух крупных городских агломераций – московской и Санкт-Петербургской и отдельных городов в европейской части России и Сибири. В то же время процессы трансформации пригородных зон большинства крупных городов страны, в том чис-

ле городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск и др.), до сих пор остаются без серьезного внимания со стороны региональных ученых.

С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам (в основном географов и социологов) сложно судить о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских пригородных исследованиях. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Узкая география работ не позволяет проводить сравнительный и сопоставительный анализ (суб)урбанизации на основе данных из разных регионов России.

Наблюдаемый рост застройки пригородов крупных российских городов, надо признать, сравнительно недавно попал в фокус внимания отечественных исследователей. Конструирование общего предметного поля, постановка исследовательских целей, анализ международных дискуссий в области *suburban studies*, поиск «работающих» концептов и подходов к пониманию «российского» поля пригородных исследований, разработка новых или корректировка имеющихся методик изучения пригородов, критический анализ источниковой базы исследований, сбор и систематизация регионального материала, обобщение, типологизация и сравнительный анализ региональных кейсов, обсуждение итогов проводимых исследований – вот далеко не полный перечень задач, которые стоят перед специалистами, занимающимися разработкой интересующей нас темы.

Наша общая задача заключается не только в том, чтобы расширить географию совместных исследований, но и начать на этой основе глубинную методологическую дискуссию о проблемах изучения пригородов и пригородного образа жизни в современной России. В этом нам может помочь как знакомство с англо-американской традицией *suburban studies*, так и с новыми исследованиями в развивающихся и постсоциалистических странах, число которых увеличивается с каждым годом.

Литература и источники

Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 4. – С. 128–139.

Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX в.: город и процессы урбанизации сельских окраин. – М.: Папирус Про, 2005. – 182 с.

Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Сер. географическая. – 2013. – № 2. – С. 19–29.

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 79–102.

Бреславский А.С. Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян? // Социологическое обозрение. – 2017а. – Т. 16, № 1. – С. 278–295.

Бреславский А.С. «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. – 2017б. – Т. 2, № 1. – С. 90–101.

География: научно-популярная энциклопедия. – М.: Россмэн-Пресс, 2007. – 624 с.

Григоричев К.В. Местные сообщества и местная власть в неинституционализированном пространстве (случай пригородов Иркутска) // Полиция. – 2013а. – № 1(68). – С. 103–116.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография. – Иркутск: Оттиск, 2013б. – 248 с.

Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. – 2016а. – № 4. – С. 137–153.

Григоричев К.В. Между городом и селом: концептуализируя сибирский пригород // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность / отв. ред. Л.Р. Ротермель и др. – Омск: Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, 2016б. – С. 149–162.

Григоричев К.В. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города // Мир Большого Алтая. – 2017а. – Т. 3, № 1. – С. 31–42.

Григоричев К.В. «Полугородские фермеры» и «китайцы-огородники»: постколхозная рента в неформальной экономике пригорода // Сибирские исторические исследования. – 2017б. – № 1. – С. 119–137.

Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX в., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 100–107.

Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. – М.: Советская энциклопедия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geography.su/demogr/alphoo16.shtml> (дата обращения: 11.04.2017).

Дорофеева Л.А., Шадрин А.И. Особенности трансформации пригородных территорий городских агломераций (на примере красноярской) // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сб. ст. Т. 1 / отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дишин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 117–121.

Дорофеева Л.А. К вопросу о термине «пригородная территория» // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием, посвящ. Всемирному дню Земли и 60-летию кафедры экономич. геогр. КГПУ им.

В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2015. – С. 147–150.

Дорофеева Л.А. Развитие пригородных поселков в красноярской агломерации // География и природные ресурсы. – 2016. – № 3. – С. 168–174.

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. Потенциал новых пригородов в формировании местного самоуправления // Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области: мат-лы I регион. науч.-практ. конф. – Самара: Артель, 2015. – С. 44–48.

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? // Социологический журнал. – 2015. – Т. 21, № 4. – С. 61–79.

Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. – 2015. – Т. 24, № 1. – С. 101–135.

Казакова А.Ю. Городские сельчане: социальный портрет населения пригородной зоны Калуги // Самоуправление. – 2015а. – № 9. – С. 15–19.

Казакова А.Ю. Мотивация пригородного образа жизни в современной российской провинции (на примере пригородов Калуги) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015б. – Т. 13. – С. 1141–1145.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск: ХНЦ ДВО РАН, 2006. – С. 129–154.

Корюхина И.Ю., Куклина В.В. Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 3. – С. 14–21.

Ловелл С. Дачники: история летнего жилья в России: 1710–2000 / пер. с англ. Л. Семеновой. – СПб.: Академический проект; ДНК, 2008. – 348 с.

Малинова-Тзияфета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). – СПб.: ЕУСПб, 2013. – 336 с.

Матвейшина М.Е. Развитие процесса субурбанизации на примере белгородской агломерации // Вестник Иркутского государственного технического университета. Сер. Архитектура и строительство. – 2015. – № 6(101). – С. 98–108.

Махрова А.Г. Особенности стадийного развития московской агломерации // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2014а. – № 4. – С. 10–16.

Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2014б. – № 4. – С. 49–59.

Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2015. – № 4. – С. 60–68.

Медведева Л.Н. Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2011. – Т. 150. – С. 139–148.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Михеева З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 16 с.

Муравьев А.А., Позмогова С.Б. Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2012. – № 3 (59). – С. 56–59.

Нефедова Н.Г. Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). – М.: ОГИ, 2001. – С. 374–399.

Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98–120.

Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2011. – № 15. – С. 161–173.

Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. – 2012. – № 3(48). – С. 204–216.

Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Сер. географическая. – 2014. – № 4. – С. 39–48.

Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология, география. – 2012. – № 1. – С. 86–98.

Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2014. – № 4. – С. 22–32.

Упоров И.В. Пригород как муниципально-правовое понятие // Современные тенденции развития науки и производства: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 января 2016 г.). Т. III. – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016. – С. 469–472.

Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. Аспекты агломерационного развития Якутска // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 39. – С. 18–25.

Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов // Институты развития демографической систе-

мы общества: сб. мат-лов V Уральского демографического форума с международ. участием / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2014. – С. 184–187.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. – М.: Дело, 2015. – 108 с.

Шелудков А.В., Рассказов С. В. Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области // Крестьяноведение. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 102–114.

Шибаева М.А. Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья // Предпринимательство. – 2008. – № 6. – С. 151–154.

Breslavsky A.S. The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities // Inner Asia. – 2016. – Vol. 18, Is. 2. – P. 196–222.

Clapson M. Suburban Century. Social Change and Urban Growth in England and the USA. – Oxford: Berg, 2003. – 235 p.

Caldwell M.L. Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside. – Berkeley. L.A.: University of California Press, 2011. – 201 p.

Dines M., Vermeulen T. (eds.) New Suburban Stories. – London: Bloomsbury Academic, 2013. – 256 p.

Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream. – New York: North Point Press, 2000. – 290 p.

Forsyth A. Defining suburbs // Journal of Planning Literature. – 2012. – № 27. – P. 270–281.

Gallagher L. The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving. – New York: Portfolio, 2014. – 261 p.

Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A.G. Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? // International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World? / ed. by N.A. Phelps, F. Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 177–192.

Grigoriev K.V. Migrant Localities: "Gated Space" or "Access Points"? // SibFU Journal. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9, Is. 4. – P. 783–794.

Hanlon B., Short J.R., Vicino T.J. Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US. – New York: Routledge, 2009. – 288 p.

Harris R. Meaningful Types in a World of Suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society / ed. by M. Clapson, R. Hutchison. – 2010. – Vol. 10. – P. 15–47.

Harris R. Suburbanization and Suburbanism // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition / ed. by J.D. Wright et al. – Oxford: Elsevier, 2015. – Vol. 23 – P. 660–666.

Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – 254 p.

Jackson K.T. *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. – Oxford: Oxford University press, 1985. – 398 p.

Keil R. (ed.) *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. – Berlin: Jovis Publishers, 2013. – 208 p.

Murphy A.K., Allard S.W. *The Changing Geography of Poverty // Focus*. – 2015. – Vol. 32, No. 1. – P. 19–23.

Orfield M. *American Metropolitcs: The New Suburban Reality*. – Washington DC: Brookings Institution Press, 2002. – 222 p.

Phelps N.A., Wu F. (eds.). *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 312 p.

Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. *Russian Way of Suburbanization: Moscow and Saint Petersburg Experience // Urban Studies and Practices*. – 2016. – Vol. 1, No. 1. – P. 24–38.

Stanilov K., Hirt S. *Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989-2009*. – Nairobi: UN Habitat, 2009. – 166 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*, Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 p.

Раздел 1
Развитие пригородов
в современной России:
социально-демографический
контекст

Мкртчян Никита Владимирович,
Институт географии Российской академии наук,
Москва, Россия
Mkrtchan2000@rambler.ru

ПРИСТОЛИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАЦИОННЫЙ БАЛАНС¹

На основе методики, учитывающей существующее административно-территориальное деление России на городские округа и муниципальные районы, выделены пристольичные территории для 78 региональных центров России. Сравнение численности жителей пристольичных территорий и населения собственно региональных центров на даты переписей 2002 и 2010 гг. показывает, что рост населения пригородов опережает центры. Миграционный прирост населения пригородов в 2012–2015 гг. складывался в основном за счет внутрирегиональной миграции.

Ключевые слова: региональные столицы, пристольичные территории, пригороды, миграция.

В России продолжается концентрация населения в крупнейших городах: они стягивают мигрантов из обширных малозаселенных сельских территорий и городских поселений более скромных размеров. Но вместе с крупными городами, которые чаще выполняют роль региональных столиц, прирастают жителями ближайšie к ним территории. Они могут именоваться как пристольичные территории, или пригороды. Рассмотрим, как шел процесс динамики населения пригородов и как он соотносится с динамикой населения центров, которые служат основной для их формирования и развития.

Применяемая методика выделения «пристольичных» (пригородных) территорий. Административно-территориальное деление не позволяет четко «делимитировать» пристольичные территории, или пригороды. Существуют два типа муниципальных образований (МО), по которым собирается и публикуется достаточно общая статистика: городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР). В основу выделения пригородных территорий положена возможность сбора статистических данных, позволяющих оценивать динамику численности их населения и миграционный баланс за ряд последних лет. В данной статье предпринята попытка выделения пригородных зон региональных столиц

---

¹ Автор благодарит Российский научный фонд, при финансовой поддержке которого была подготовлена данная статья (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме» Института географии РАН).

по достаточно формальным критериям, основной из которых – степень близости МО к непосредственно границам столичного города. Официальные или принятые в регионах перечни пригородных территорий не учитывались², также автоматически не считались пригородами границы городских агломераций, даже если они обозначены в соответствующих Схемах территориального планирования.

Региональные столицы представлены городскими округами, которые могут включать или не включать внутригородские районы, а также пгт и сельские населенные пункты (снп), входящие в население городского округа. При этом в пределах городского округа всегда можно вычлени́ть непосредственно население города, его составляющего, и остальных населенных пунктов. Например, ГО «Город Краснодар» составляют четыре внутригородских округа, а также 21 поселок, 5 хуторов и 1 станица [Закон ... 2004]. В результате ГО состоит из непосредственно Краснодара с населением 744,9 тыс. жителей и 87,7 тыс. сельского населения. В качестве региональной столицы рассматривается население только самого города, дающего название столичному ГО, без входящих в ГО иных населенных пунктов.

В каждом регионе столичный городской округ может граничить с территорией одного или нескольких муниципальных районов или в отдельных случаях – других городских округов. В качестве **пристоличной территории (пригорода)** в данной работе рассматривается в первом (1) случае только один муниципальный район, если столичный ГО находится «внутри» его территории, или (2) некоторое число муниципальных районов и городских округов, примыкающих к территории столичного ГО. Определить, насколько правомерно включение того или иного примыкающего района или ГО не просто. В каждом случае рассматривался характер пристоличного расселения (при помощи Yandex.map), если к территории столичного ГО близко примыкали территории со значительной застройкой, данное МО считалось пригородным. Принималась во внимание и конфигурация территории рассматриваемого района: если она велика, ее центр и основное население удалены от столицы, а примыкающая полоса незначительна, такое МО не считалось пригородным. Чаще всего пригородными считались 1–2 МР или ГО, сплошной застройкой примыкающие к столичному ГО. Схематические типы выделения пригородных территорий представлены в прил. 1, рис. 1.

Во всех регионах пригородные зоны территории соответствуют одному из четырех выделенных типов. Надо отметить, что тип 2 может включать только пристоличный район, если территория столичного ГО состоит только из территории непосредственно города (не включает иных отдельных поселений). Например, города Смоленск, Курган или Биро-

---

² За исключением пригородов Улан-Удэ.

биджан. Типы 3 и 4 могут состоять из нескольких МР и ГО, но не включать поселения, непосредственно входящие в столичный ГО ввиду их отсутствия, например, пригороды Тамбова определены Тамбовский МР и ГО «Котовск»; пригороды Саратова – Энгельский МР, включающий г. Энгельс, пгт Приволжский и сельские поселения, и Саратовский МР. Пригород может включать только население городского округа, если с территорией ГО граничат много МР, рассматривать их всех как пригороды нецелесообразно, а выделить один-два невозможно без детального исследования. При этом, например, в ГО «Город Калуга» сельское население составляет 14,8 тыс. чел., в ГО «Город Саранск» 19,4 тыс. проживали в пгт и 8,2 тыс. относились к сельскому населению.

Выделение и анализ динамики населения пригородных территорий осложняют административно-территориальные преобразования, достаточно интенсивно они проводились в 2000-х гг. и продолжатся по сей день. Так, в 2004 г. в состав ГО «Город Владимир» вошли населенные пункты бывшего Пригородного сельсовета Суздальского района (примерно 6 тыс. жителей), а также два пгт. – Юрьевец и Энергетик, общей численностью жителей на конец 2002 г. 17,6 тыс. чел. В 2010 г. (сразу после переписи) в ГО «Город Воронеж» были включены более двух десятков пригородных поселков, после чего численность его населения приблизилась к 1 млн. чел. В 2006 г. в Карачаево-Черкесии, непосредственно в пригородах Черкесска, образован Абазинский район, в который вошли 5 крупных населенных пунктов 3 муниципальных районов республики. В результате динамику населения пригородной зоны определить не представилось возможным. Отдельную сложность (пока не решенную в данной статье) представляет пример Тахтамукайского МР Республики Адыгея, который является пригородом Краснодар – соседнего региона.

К типу 1 пригородных зон отнесено всего 4 региона. Больше всего пригородных зон выделено включением населения одного пристольничного МР и при наличии населения столичного ГО, не относящегося непосредственно к населению столицы (всего 36, тип 2). Таковые встречаются во всех федеральных округах, чаще всего в Центральном, Северо-Западном и Северо-Кавказском. Крупные региональные центры, особенно с населением более 1 млн. чел., чаще всего формируют более сложно составленные пригородные территории (16 – тип 3, 22 – тип 4). Наиболее сложно было выделить пригородную территорию у Екатеринбурга, который граничит с большим числом ГО и МР и формирует крупную городскую агломерацию. Таких много также в Приволжском и Сибирском ФО.

В данной статье не рассматриваются пригороды в пределах крупнейших городских агломераций – московской и Санкт-Петербургской, их анализ заслуживает отдельного рассмотрения. Пригороды отдельных регионов выделены чисто формально ввиду практически отсутствия и статистической ничтожности таковых, например, в Ямало-Ненецком, Чукотском АО.

Динамика населения региональных столиц и пригородных территорий в 2003–2010 гг. проведена на основе сопоставления данных по включенным в пригородные территории муниципальным образованиям по итогам Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. За этот период между непосредственно городами – региональными центрами и их пригородами имели место значительные административно-территориальные преобразования (АТП). Ежегодно они публиковались в специальных бюллетенях Росстата [*Численность... 2004–2010*]. АТП, произведенные в 2003–2010 гг. в пользу региональных центров, составили, по нашей оценке, около 450 тыс. чел. Наиболее масштабные в указанный промежуток времени АТП имели место в пользу таких региональных центров, как Краснодар (+77 тыс.), Тула (+49 тыс.), Кемерово (+45 тыс.), Владимир (+31 тыс.), Улан-Удэ и Челябинск (по 27,5 тыс.), Тюмень (+25,5 тыс.). Всего искусственно приросли 23 региональных столицы, и только 3 ненамного уменьшили население. При этом некоторые небольшие АТП не удалось вычислить количественно (передача отдельных небольших снт).

За период 2003–2010 гг. население региональных центров увеличилось на 687 тыс. чел., или 1,8 %, но если бы не АТП, рост составил бы всего 246 тыс. чел., или 0,7 % (табл. 1). Население пристолечных территорий сократилось на 210 тыс. чел., или 2,5 %, что не удивительно, учитывая масштаб АТП в пользу региональных центров. Но в сопоставимых территориальных единицах без учета влияния АТП население пригородов увеличилось на 2,7 %. То есть пригороды демонстрируют значительный прирост естественным образом, а региональные центры в неизменных границах почти не растут и даже рост с учетом многочисленных АТП у них ниже, чем у пригородов.

Возможно, правомерно вместе с увеличением населения собственно региональных центров расширять и пригороды. Но в данной работе внешние границы пригородных зон за весь период нами не менялись.

Анализ данных по Москве и Московской области показывает, что опережающими темпами растет население ближайших к МКАД районов и городов Московской области [*Махрова и др. 2008; Мкртчян 2015*] и это без учета сезонной (дачной) субурбанизации [*Между домом... 2016*].

Экстремальные значения динамики населения пригородных территорий могут быть связаны с невозможностью корректного учета активно проводимых административно-территориальных преобразований между пригородной зоной и соседними, внешними территориями (например, в Карачаево-Черкесии), частично – с искажениями численности населения при переписях населения (Чечня, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария) [*Мкртчян 2011*]. Также влияет сама величина «пригородного» населения, если его мало, небольшой абсолютный рост может выражаться в большом показателе прироста.

Таблица 1

Изменение численности населения региональных центров
и их пригородных зон*

Показатель	Изменение численности населения в 2003–2010 гг., %	
	В неизменных границах (без учета АТП)	В измененных границах (с учетом АТП)
Региональные центры и их пригородные зоны В том числе:		
региональные центры	101,1	101,1
пригородные зоны	100,7	101,8
	102,7	97,5

* Расчеты автора на основе данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Примечание: не выделялись пригородные зоны для Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Ненецкого АО.

Динамика населения пристоличных территорий сильно различается. Если сравнивать динамику населения пригородов в актуальных (измененных) на 2010 г. границах, то наиболее быстрыми темпами (более чем на 20 %) в 2003–2010 гг. увеличивалось население пригородов Брянска, Краснодара, Уфы, Белгорода, Иркутска, Улан-Удэ³, Кызыла, Якутска (рис.). Несмотря на проблемы учета населения в ходе переписей, активно росло население пригородов Махачкалы, хотя, возможно, рост не был таким экстремально большим. В целом в 19 регионах пристоличные территории увеличили население за последний межпереписной период более чем на 10 %.

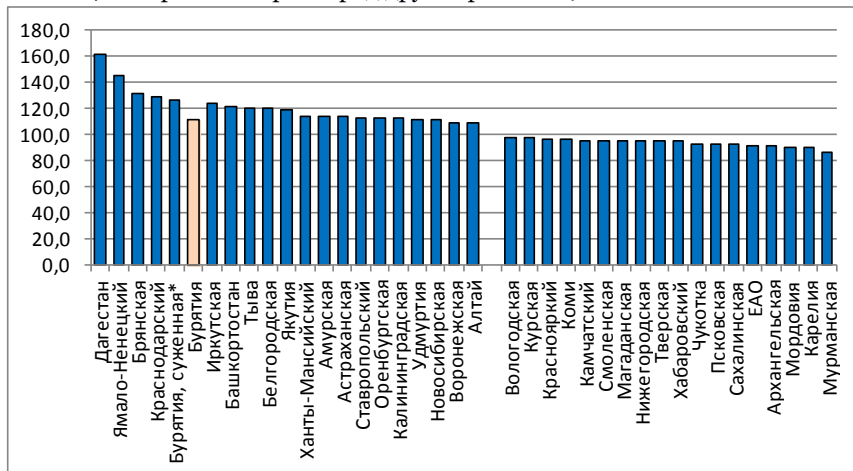
Напротив, уменьшалось население пригородов Петрозаводска, Саранска, Биробиджана, Пскова, Хабаровска, Твери. За редким исключением (Тюменская область) сокращение населения пригорода сопровождается негативную динамику числа жителей региональных столиц. За указанные годы более чем на 5 % уменьшилось пригородное население у 14 региональных столиц.

В целом в 25 регионах росло население и столицы, и пригородов (наиболее яркие представители этой группы регионов – Краснодарский и Ставропольский края, Белгородская, Воронежская, Калининградская,

---

³ Для Бурятии пригородная зона определена 1) включением населенных пунктов, принадлежащих «ГО Улан-Удэ», Иволгинского и Тарбагатайского МР и 2) «расширенная» – дополнительно включением Заиграевского МР. Последний вариант предложен в: [Бреславский 2014].

Новосибирская, Тюменская области, Бурятия). В 18 регионах рост пристоличных территорий шел «вопреки» уменьшению числа жителей столиц (например, Брянская, Калужская, Ивановская, Иркутская, Саратовская, Амурская области). В целом рост населения пригородных территорий отмечен в 55 % регионов страны. Среди оставшихся 45 % регионов в 13 при увеличении числа жителей столиц население пристоличных территорий снижалось (Красноярский край, Республика Коми, Челябинская, Вологодская области), а в 23 уменьшались и столицы, и пригороды (Нижегородская, Ярославская, Кировская, Курганская области, Хабаровский край и ряд других регионов).

* – только Иволгинский и Тарбагатайский МР.

Рис. Регионы-лидеры и аутсайдеры по показателю динамики пристоличного населения 2010 г. к 2002 г., % (расчеты автора на основе данных ВПН 2002 и 2010 гг.)

Как видим, разную динамику населения столиц и пристоличных территорий демонстрируют как города-миллионники, так и сравнительно небольшие по числу жителей столицы. Нет какой-то четкой привязки и к определенной части страны.

В целом опережающий рост пристоличных территорий обеспечивался общей позитивной динамикой численности населения, что характерно, например, для регионов Кавказа и юга Сибири, незавершенностью урбанизации и сравнительно с другими регионами – более поздним ее стартом. Не меньше влияет на динамику численности пригородного населения позитивный баланс миграции, например, в Белгородской, Новосибирской областях, Краснодарском крае. Однако субурбанизация по западному типу (переезд населения из центров городов в малоэтажное жилье в пригородной зоне) для российских пригородов, казалось бы, еще

практически нигде не отмечается (за исключением разве что московской [Мкртчян 2015] и Санкт-Петербургской агломераций). Хотя динамика населения пристоличных территорий заставляет задуматься если не о субурбанизации в «западном» виде, то о каких-то ее российских аналогах.

Миграция как фактор динамики населения пристоличных территорий. При анализе миграции в пригородных зонах, в отличие от общей динамики численности, возникают дополнительные информационные ограничения. Мы можем использовать данные только в целом по городским округам (более детальная информация отсутствует в базе данных муниципальных образований, размещенной на сайте Росстата). Поэтому миграцию населения, включенного в состав пригородов столичных ГО, мы анализировать не сможем, ограничимся оставшимися МО. Кроме того, в базе данных нет сведений по нескольким регионам – республикам (Дагестан, Тыва, Кабардино-Балкария, Чукотский АО), а также закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО). Последних в составе пристоличных территорий немного, из значимых – г. Северск Томской области.

В базе данных муниципальных образований нет информации за 2003–2010 гг., однако есть возможность воспользоваться статистикой по отдельным регионам. В табл. 2 приведены данные по отдельным регионам Центрального ФО. Видно, что в большинстве пристоличные районы, по сравнению со столицами, характеризуют более позитивный баланс миграции. В целом миграционный баланс центров и прилегающих к ним территорий во всех рассматриваемых регионах позитивный, в отличие от других МО данных областей [Мкртчян 2012].

Таблица 2

Миграционный прирост (убыль) в региональных центрах и пристоличных районах регионов ЦФО 2007–2009 гг. на 1 тыс. жителей

Область	Столица региона	Пригородные территории
1	2	3
Белгородская	7,3	21,3
Брянская	-2,4	6
Владимирская	6	4,6
Воронежская	6,8	5,3
Ивановская	1,3	6
Калужская	4,5	...*
Костромская	0,2	4,3
Курская	8,4	-11,4
Липецкая	3,1	-4,6
Орловская	-1,9	11,1

Окончание табл. 2

1	2	3
Рязанская	3,2	2,7
Смоленская	2,4	8,9
Тамбовская	0,6	11,1
Тверская	9,8	-3,9
Тульская	1	-2,6
Ярославская	6,5	9,5

Примечание: * – пристоличные районы не выделены.

Источник: Статбюллетени, публикуемые региональными органами Росстата в 2007–2010 гг.

В 2012–2015 гг. миграционный прирост населения региональных столиц и пристоличных районов (включают те же МО, что и в предыдущем разделе) был положительным (крупные города в России, за редким исключением, притягивают мигрантов [Карачурина 2013]), на 2/3 обеспечивался внутривнутри страновой миграцией, на 1/3 – международной (табл. 3). Небольшой отток населения в межрегиональной миграции складывался с московской и Санкт-Петербургской агломерациями, не включенными в данный обзор. В целом пристоличные территории имели более интенсивный миграционный прирост за счет внутривнутри региональной миграции.

Таблица 3

Миграционный прирост (убыль) по потокам в среднем за 2012–2015 гг., на 1 тыс. населения

Показатель	Всего	В пределах России	В том числе		международная
			в пределах региона	в другими регионами	
Региональные центры и их пригородные зоны*	6,7	4,4	4,6	-0,2	2,3
В том числе:					
столицы	6,2	4,0	4,2	-0,2	2,2
пристоличные МО	8,6	6,0	6,5	-0,5	2,6

Примечание: * – не выделялись пригородные зоны для Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Ненецкого АО и Калужской области, по р. Дагестан, Тыва, Чукотскому АО показатели в БДМО отсутствовали; расчеты автора на основе: [Численность... 2012–2016; Росстат...].

Есть 19 регионов, где пристоличные территории либо испытывают миграционной отток, либо растут темпами более чем вдвое меньшими, чем региональные столицы. В данном случае «пристоличность» явно не идет на пользу данным территориям, не дает им практически никаких плюсов по сравнению с иными МО данного региона. К этой группе относятся Якутия (что странно: в 2000-е гг. пригороды демонстрировали быстрый рост), Хабаровский край, Хакасия, Забайкальский край, Кировская область, Марий-Эл, Мордовия, Чувашия, Карелия, Тамбовская, Тверская и Владимирская области. Среди перечисленных нет ни одного региона, привлекательного для межрегиональных мигрантов, а внутрирегиональных мигрантов «перетягивает» ГО региональной столицы.

Есть несколько регионов, где интенсивно (более чем на 1 % в год) прирастают мигрантами как столица, так и пристоличные территории: Белгородская, Воронежская, Курская, Калининградская области, Краснодарский край в европейской части страны, Тюменская, Новосибирская области и Красноярский край – в азиатской. Многие из этих регионов являются крупными центрами притяжения межрегиональных мигрантов, а их центры интенсивно стягивают население с внутрирегиональной периферии. Отметим, что крупным городам и их пригородам в регионах востока страны в условиях «западного дрейфа» стягивать и удерживать население сложнее, чем регионам в европейской части.

В регионах третьей группы (всего 23) пригороды растут более чем вдвое сильнее, чем центры. К ним относятся, например, Иркутская, Омская области, Бурятия и Алтай в азиатской части страны, Брянская, Смоленская, Ярославская, Ростовская, Волгоградская области, Ставропольский край – в европейской. Именно здесь, по-видимому, развитие пригородов и собственно центра идет наиболее контрастно в силу разных причин: территориальных ограничений роста города, сравнительной дешевизны обустройства в пригороде [Бреславский 2014], расширения тесного, имеющегося в городе жилья [Григоричев 2013, с. 73], иных причин.

К сожалению, ограничения в статистике не позволяют оценить, каков миграционный баланс территорий, входящих в столичный ГО. По нашей методике, это – наиболее близкие «пригороды». Также мы не знаем, как миграция влияет на население территорий, вошедших в черту столиц в ходе многочисленных АТП («бывших» пригородов). Например, у Владимира пригороды почти не растут, но, может быть, это – результат того, что город вобрал в себя наиболее интенсивно растущие окраины? Тула совсем недавно (в 2014 г.) соединилась с быстрорастущим за счет миграции Ленинским районом (по 2 % в год) в один ГО. Все это осложняет анализ динамики населения пригородов и ее отдельных составляющих.

В регионах, лидирующих по интенсивности суммарного прироста населения пристоличных территорий, этот рост обеспечивает прежде

всего внутрирегиональная миграция (см. прил. 1, рис. 2). Только в Калининградской области она уступает место международной, а в Краснодарском крае – межрегиональной. Напротив, в регионах, где пригородные территории теряют население, этот отток в основном идет за счет межрегиональной миграции.

Можно выделить города, чьи пригороды демонстрировали уверенный популяционный рост как в 2000-е гг., так и в последние годы. Это Краснодар, Ставрополь, Воронеж, Калининград, Уфа, Оренбург, Астрахань (также к ним примыкают Белгород и Ростов-на-Дону) в европейской части страны, Иркутск, Улан-Удэ, Новосибирск (примыкает к этой группе Тюмень) – в азиатской. Конечно, «чемпионами» пригородного роста остаются Москва и Санкт-Петербург. Возможно, бурный рост пригородов демонстрируют и нестоличные города (например, Сочи, Новокузнецк или Стерлитамак), но мы их в данной работе не рассматривали.

* * *

Таким образом, за уже довольно долгий период времени пригороды крупных российских городов растут темпом, превышающим рост этих самих центров. И этот рост идет несмотря на то, что столицы отхватывают у «предместий» территории. Рост населения региональных столиц идет по причине продолжающейся урбанизации, выражающейся в концентрации населения в крупнейших городах. Но не всем хватает в этих городах места, поэтому формируются пригороды, выполняющие роль «спальных районов». Пригороды способны выполнять и иные функции, как можно наблюдать в западных странах, но идет ли этот процесс в России, пользуясь исключительно небогатым арсеналом статистических данных, сказать сложно.

В работе по пригородам Иркутска К.В. Григоричев склонен объяснять рост пригородов как проявление процессов субурбанизации (пригороды осваиваются преимущественно жителями областного центра) [2013, с. 30–31]. А.С. Бреславский, напротив, применительно к ситуации в Улан-Удэ трактует рост пригородов как почти исключительно традиционный урбанизационный процесс (в город и пригороды едут в основном вчерашние сельские жители) [2014, с. 165]. Исследователи московской агломерации, говоря о распространении субурбанизации западного типа, указывают о сдерживающем влиянии на нее дачного расселения и финансовых (уже в пригородах) ограничениях [Махрова и др. 2008, с. 329]. Как обстоят дела в пригородах иных региональных столиц – этот вопрос требует детального изучения. В данной статье сделана попытка оценить самые общие тенденции динамики населения пригородов региональных столиц в текущем столетии.

Литература и источники

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.

Закон Краснодарского края от 10 марта 2004 г. № 670-КЗ «Об установлении границ муниципального образования город Краснодар и наделении его статусом городского округа». Принят Законодательным собранием Краснодарского края 25 февраля 2004 г.

Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования». – 2013. – №3(41). – С. 23–36.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2011. – № 5. – С. 28–41.

Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. – 2015. – №3(49). – С. 107–116.

Мкртчян Н.В. Центро-периферийные миграционные взаимодействия в Центральной России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 483–498.

Росстат. База данных показателей муниципальных образований (БДМО) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 20.02.2017).

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января: стат. бюл. – М.: Росстат, 2004–2010.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: стат. бюл. – М.: Росстат, 2012–2016.

Махрова Алла Георгиевна,
Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
almah@mail.ru

СЕЗОННАЯ СУБУРБАНИЗАЦИЯ: ДАЧНЫЕ ПРИГОРОДЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

В работе проведен анализ тенденций развития сезонной субурбанизации в 2006–2016 гг., включая оценку масштабов и выявление региональных особенностей распространения. На основе анализа возможных подходов к типологизации дач выявлены основные типы дачных пригородов городов местного, районного и областного значения, размеры которых зависят от людности города-центра, типа застройки и функций города. В отдельные группы выделены столичные, пристоличные, курортные типы дачных пригородов и дачи в городе.

Ключевые слова: сезонная дачная субуанизация, садовые, дачные и огороднические товарищества, типы дачных пригородов.

Формирование дачных пригородов, возникновение и развитие которых шло параллельно с процессами индустриализации и стремительным ростом городов – центров промышленного производства, служит проявлением одного из характерных признаков российской урбанизации. В постсоветский период в развитии сезонных субурбий возникли новые тенденции, которые связаны как с изменением институциональных и социально-экономических условий, так и с реализацией новых жилищных стандартов граждан России, что приводит к трансформации старых форм сезонного расселения и появлению новых.

Анализ тенденций развития сезонной субурбанизации в разрезе садовых, огороднических и дачных объединений в течение последнего десятилетия (с 2006 по 2016 г.) с использованием предварительных данных сельскохозяйственной переписи позволяет дать оценку динамики параметров и масштабов сезонных владений, в том числе в региональном разрезе [*Всероссийская сельскохозяйственная... 2016*]. Он показал, что за этот период пространственные особенности географии размещения отдельных видов садово-дачно-огороднических товариществ в целом сохранились, хотя замечен ряд новых тенденций.

Садовые товарищества, как и 10 лет назад, остаются наиболее массовым сегментом «дачных» владений россиян. Однако их масштабы несколько уменьшились: количество поселков сократилось на 9 %, а площадь, занимаемых ими земель, – почти на 13 %. В разной степени, но почти в 2/3 регионах уменьшилось количество садоводств и размеры занимаемой ими площади, причем площади под садами сократились и в

тех регионах, где количество садоводческих объединений не уменьшилось. Среди регионов, где это связано с изменением их числа (за исключением Москвы), только в 6 из 14 субъектов рост количества садоводств происходил одновременно с увеличением занимаемых ими площадей (Калмыкия, Северная Осетия, Тульская, Сахалинская, Ярославская, Свердловская области).

При этом в пяти регионах (Ставропольский край, республики Коми, Тыва, Саха (Якутия) и Новосибирская область) увеличение площадей под садами происходило при сокращении количества садоводческих объединений, т.е. в результате увеличения размеров сохраняющихся садоводств, что может быть связано с избирательным развитием поселков с разным экономико-географическим положением в границах отдельных регионов. Среди регионов, которые выделяются наибольшим сокращением садоводств в относительном выражении (по количеству и занимаемым площадям) выделяется группа национальных республик Северного Кавказа и Сибири (Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Бурятия). Оставшаяся часть этих территорий представляет собой довольно разнородную группу, включая Хабаровский край, Новгородскую, Тамбовскую и Астраханскую области.

При этом в географии распространения садоводческих товариществ произошли небольшие изменения. Как отражение общемировой тенденции нарастания неравномерности в пространственном развитии увеличился уровень территориальной концентрации, несмотря на произошедшие административно-территориальные преобразования (появление Крыма и Севастополя, а также сокращение площади Московской области при ее росте у Москвы). К 2016 г. доля первой десятки регионов-лидеров по количеству садовых поселков возросла более чем на 1 %, а доля Московской области, на территории которой расположено свыше 10 тыс. садовых объединений, – на 0,7 %.

При этом состав первой десятки лидеров и аутсайдеров сохранился практически без изменений. Основные ареалы размещения садоводческих товариществ – регионы, где размещены крупнейшие агломерации и их пригороды, а также области – соседи второго порядка Москвы. По-прежнему нет садоводств в Ингушетии и на Чукотке, причем эти регионы являются представителями двух типов территорий, образующих группу аутсайдеров. Первый тип – это территории с неблагоприятными климатическими условиями, невысоким уровнем урбанизации и миграционным оттоком населения (Тыва, Магаданская область, Алтай, Хакасия, Еврейская АО), а второй – национальные республики Северного Кавказа, где в силу местных условий традиционно низкий спрос на дачные владения всех видов. Причем после расширения территории Москвы, когда столица покинула группу аутсайдеров, подразделение аутсайдеров на эти две части стало более выраженным.

Сегмент **огороднических объединений** оказался тем типом дачных владений, который за рассматриваемый 10-летний период сократился наиболее заметно. Количество огороднических товариществ, которые оказались наименее востребованными из-за снижения значимости их роли в обеспечении горожан продуктами питания, уменьшилось почти наполовину (до 3 тыс. ед.), а их размещение по территории страны стало еще более неоднородным.

Огороды как тип дачных владений полностью исчезли еще в 8 регионах, которые включают в себя не только территории, климатические условия которых не способствуют развитию огородничества (Бурятия, Камчатская область, Еврейская АО, Чукотский округ), или республики Северного Кавказа, где они традиционно слабо востребованы (Карачаево-Черкесия, Адыгея), но Ростовскую и Рязанскую области. При этом значительное число регионов, в которых наиболее существенно сократилось число огороднических поселков и размеры занимаемых ими площадей, расположено в зоне распространения серых лесных и черноземных почв в европейской части территории России, которая в 2006 г. выделялась как основная полоса огородничества.

Не менее странно выглядит состав регионов, где произошло увеличение масштабов огородничества и по числу поселков, и размерам занимаемых ими площадей (Новгородская, Тюменская области, Саха (Якутия), Ставропольский край). Новгородская область, новый лидер по огородничеству, с 2006 г. поднялась с 33-го места по числу объединений и с 20-й позиции по размерам занимаемой ими площади. Тюменская область, которая занимала соответственно 13-е и 9-е места, расположилась на второй строчке; в ней рост огороднических владений произошел за счет Ханты-Мансийского АО. Республика Саха (Якутия), замкнувшая тройку лидеров, переместилась из третьей десятки регионов. При этом сильнее всего сократились площади под огородами в Тамбовской, Липецкой, Тульской, Саратовской и Воронежской областях, где вероятность их сохранения казалась более высокой.

Возможно, все эти подвижки могут быть объяснены приоритетами региональных и муниципальных властей по статусу, получаемому «дачными» поселками в процессе их перерегистрации, которую в 2000-е гг. они проходили в обязательном порядке. В качестве аргумента такого предложения можно привести Новгородскую область, в которой масштабы сокращения садоводств и роста огородов имели близкие значения: число садоводческих товариществ уменьшилось на 356 при росте огороднических объединений на 365, а убыль площадей под садами составила 3,8 тыс. га при росте под огородами на 4 тыс. га.

Предварительные данные переписи 2016 г. из-за отсутствия данных в муниципальном разрезе пока не позволяют проследить, сохранилась ли еще одна прежняя тенденция, характеризующая пространственные

особенности распространения огородов, когда они тяготеют не к крупнейшим городам, а, напротив, к малым и средним.

Сегментом дачных владений, который показал наиболее высокие темпы развития, оказались **дачные объединения**: на 5 тыс. выросло число поселков этого вида, в первую очередь за счет быстрого развития организованных коттеджных поселков, в основном именно они получали статус дачных товариществ [Махрова, 2014б]. Почти вдвое увеличилось количество регионов с дачными поселками, что привело к уменьшению доли площадей под дачами в Московской и Ленинградской областях, которые хотя и сохранили свои лидирующие позиции, но уменьшили доминирование. Наполовину изменился состав регионов, входящих в первую десятку лидеров по размерам площадей под дачами (по количеству участков состав обновился на 2/3); еще более заметные подвижки произошли среди аутсайдеров. Эффект «низкой базы» проявляется в том, что в некоторых регионах количество поселков и размер площадей под ними увеличились в 100 и более раз (в Бурятии, Владимирской и Новосибирской областях – по числу поселков, в Бурятии, Свердловской и Новосибирской областях – по занимаемым площадям).

Тем не менее дачи, как и коттеджи, по-прежнему остаются уделом регионов, где расположены крупнейшие города и их пригородные зоны [Махрова 2014б; 2015]. Однако иначе как ролью субъективного фактора или приоритетами получения статуса при их перерегистрации сложно объяснить причину того, почему перепись показывает полное отсутствие дачных поселков в Самарской, Воронежской или Тверской областях при их стремительном росте в Дагестане или Бурятии.

Далее на основе разных источников информации, которые включают как результаты многочисленных полевых исследований, так и данные дешифрирования космических снимков, изучена специфика (дачной) субурбанизации в центральной и северо-западной частях Европейской России и на основе возможных подходов к типизации дач выявлены основные типы дачных пригородов.

Кольца дачных пригородов окружают фактически все города, что связано с проживанием большей части населения страны в многоквартирных домах, когда урбанизация немислима без рекреации: традиция проживания в городских квартирах генерирует потребность в дачах для выезда на природу, как это было еще с царских времен (Каганский 2003; Махрова, Кириллов 2014; Трейвиш 2014). Мощность дачных пригородов в первую очередь зависит от численности города-центра: чем она выше, тем больше будет садово-дачных и коттеджных поселков в его пригородной зоне. Свое влияние оказывает тип застройки и обуславливающие его экономические функции города. В малых и средних городах с одинаковой численностью населения плотная многоэтажная

застройка индустриальных и научных центров или городов-спутников генерирует более высокую потребность в дачах, чем застройка усадебного типа в городах с предприятиями местной промышленности, ориентированных только на обслуживание потребностей населения своего района.

По аналогии с административно-территориальной иерархией городов можно выделить дачные пригороды городов локального, районного и областного масштаба, которые образованы вокруг малых, средних и больших, а также крупных и крупнейших городов. Причем из-за неоднородности территории жители каждого населенного пункта и даже отдельного поселка имеют свой круг интересов в дачном сегменте их владений, при этом значимость аграрной функции для владельцев дач увеличивается со снижением размера города – места их постоянного проживания при одновременном уменьшении роли рекреационной функции в результате влияния среды проживания [Махрова 2014а].

Зависимость между людностью города и размерами его дачного окружения подтвердил анализ, проведенный в разрезе муниципальных районов областей центра и северо-запада (без Московской и Ленинградской областей), который показал, что среди основных факторов, влияющих на концентрацию таких поселков, оказывается численность населения ближайшего города [Махрова, Медведев, Нефедова 2016]⁴. При этом вторым важным фактором даже за пределами Московской и Ленинградской областей служит степень удаленности от Москвы или Санкт-Петербурга (коэффициент корреляции – 0,48). Как и можно было предполагать, учитывая принципы предоставления земель под садовые товарищества, которые составляют основной массив дачных владений горожан, степень антропогенного изменения природных ландшафтов оказалась практически незначительной, как и коэффициент корреляции с наличием крупного водоема⁵.

Связь между размером города и радиусом размещения дач его жителей показал и социологический опрос, проведенный в 2014–2015 гг., результаты которого базируются на опросе 651 респондента в семи городах страны (Йошкар-Ола, Сыктывкар, Тамбов, Вологда, Череповец, Петрозаводск, Кондопога). Отсутствие в выборке Москвы и Санкт-Петербург, а также других городов-миллионеров обуславливает то, что большинство

---

⁴ Расчеты выполнены Т.Г. Нефедовой.

⁵ Все четыре основных независимых фактора (численность населения ближайшего города, удаленность от Москвы и Санкт-Петербурга, степень антропогенного изменения природных ландшафтов, наличие крупного водоема) объясняют 64 % дисперсии распределения общего числа дачных участков вне московской и санкт-петербургской агломераций, при этом численность населения ближайшего города объясняет 52 % вариации [Махрова, Медведев, Нефедова 2016].

дач находится в ближнем диапазоне транспортной доступности. Во всех городах дачи респондентов концентрируются преимущественно в пределах 30 км зоны, которая сосредотачивает более 55 % дач, причем в Тамбове и Кондопоге этот показатель достигает свыше 70 %. Везде невелика доля 90 км зоны (не более 10 %), но Череповец, Петрозаводск и Кондопога выделяются повышенной долей 60 км зоны (20–25 %).

Еще одним косвенным методом оценки факторов формирования дачных пригородов может быть анализ карт размещения садово-дачных владений, в том числе выполненных на основе дешифрирования космических снимков [Махрова, Медведев, Нефедова 2016]. Так, подобная карта плотности размещения садовых и коттеджных поселков вне населенных пунктов центра и северо-запада европейской части страны очень хорошо отражает размеры дачных колец, сформировавшихся вокруг городов – с максимальными значениями для Москвы, повышенными – вокруг Санкт-Петербурга и существенно меньшими – вокруг других городов (см. прил. 2, рис. 1). Хорошо видны и «выплески» садово-коттеджных владений за пределы Московской области, особенно в направлении на Тверь, Владимир, Калугу, Тулу и Владимир. Мощный дачный ареал выделяется вдоль Волги на стыке Ярославской, Костромской и Ивановской областей [Там же].

Крупномасштабный анализ карт размещения садово-дачных поселков и количества дачных участков позволяет выявить внутрирегиональные различия, что сделано на примере Костромской области (см. прил. 2, рис. 2). Из-за ее удаленности от Москвы большинство садово-дачных участков принадлежит жителям области, при этом три четверти всех участков расположены в пригороде Костромы, что подчеркивает доминирование дачного окружения Костромы как крупнейшего города области. Кроме того, можно проследить влияние функциональной специализации отдельных центров на формирование дачных пригородов. Значительная часть старых товариществ расположена в районах, где дачи получали работники промышленных предприятий: например, в Галичском районе с дачами от Галичского автокранового завода или Буйском районе, где дачи давались от Буйского химического завода и строителям Костромской АЭС – жителям поселка Чистые Боры [Аверкиева, Нефедова 2016]. При этом, как уже было отмечено ранее, не удалось выявить существенной корреляции между локализацией дачных поселков и аттрактивностью природных ландшафтов, а также близостью к крупным водоемам, уже заметно тяготение части объединений к природным ландшафтам. Ориентация садово-дачных и коттеджных поселков постсоветского времени на близость к Волге была зафиксирована и в ходе полевых исследований некоторых ключевых муниципалитетов, причем не только вблизи Костромы и Красногоне-Волге, но и на юге удаленного Кадыйского района [Между домом... 2016].

В отдельный условно «столичный» тип выделены пригороды двух крупнейших городов страны – Москвы и Санкт-Петербурга, которые вместе с городским населением их областей генерируют огромную потребность в дачах, когда уставших от ритма большого города жителей этих мегаполисов тянет за город. Дачное окружение обеих столиц выделяется не только своей мощью, многообразием типов застройки и занятий, но опережающим проявлением многих новых тенденций в дачном расселении и трансформации образа жизни дачников.

Садово-дачные объединения москвичей, петербуржцев и жителей их пригородов образуют фактически еще одну альтернативную сеть расселения для сезонного проживания. В Ленинградской области по своей мощи она сопоставима с общим числом сельских населенных пунктов (2,9 тыс. ед.), а в Подмосковье – в 1,8 раза превышает число сельских поселений (соответственно 10,9 и 6,2 тыс. ед.). В Московской области эти поселки пронизывают всю ее территорию, в Ленинградской они сосредоточены в основном в ее северной части [Между домом... 2016]. Как и в пригородах других городов, бесстатусные садово-дачные и коттеджные поселки сильнее всего трансформировали сеть расселения в зоне ближних и средних пригородов Москвы и Санкт-Петербурга, где прослеживается сгущение сети временного расселения.

В секторальной структуре в Московской области по числу поселков, дачных домов и сезонному населению выделяется запад (около 30 % общего числа), в Ленинградской области роль западных районов Подмосковья выполняет ее север – Выборгский и Приозерский районы [Махрова 2014а]. При этом концентрация дачных поселков в черте города и в ближних пригородах приводит к тому, что радиус зоны активного дачного влияния Санкт-Петербурга значительно меньше, по сравнению с Москвой, даже с учетом поправки на их разный демографический потенциал, а центр-периферийный градиент намного круче. Так, 2/3 всех садоводческих участков и дачных домовладений находятся в первом поясе муниципалитетов, еще четверть сезонного жилья приходится на вторую зону и только 5 % – на муниципалитеты третьей и четвертой зоны.

Как показывают результаты социологических опросов по Москве и ряду других городов страны, в современных условиях сформировавшаяся еще в советское время модель постоянного проживания в городской квартире и на даче в теплый сезон стала еще более распространенной практикой, о чем свидетельствует рост популярности загородного жилья. Так, почти 60 % всех дач (новых и перестроенных старых) появилось у москвичей уже в условиях рыночной экономики, а около 30 % – в последние 10 лет, когда дачи перестали быть необходимыми для обеспечения «своими» овощами и фруктами [Махрова, Kirillov 2016].

Одновременно с этим в дачных поселках происходят важные трансформации, особенно заметные в пригородах обеих столиц. Старый жилищный фонд в ряде удачно расположенных товариществ, особенно

в стародачных местах (так же, как и в отдельных деревнях), заменяется коттеджами разного уровня, а они сами постепенно превращаются в загородные коттеджные поселки для постоянного проживания. Худшие по условиям садово-дачные объединения пока сохраняют свой статус сезонного жилья, но и тут идет активное строительство новых домов с автономными системами благоустройства, превращая их во внесезонные дома, которые начинают использоваться для проживания на постоянно-периодичной основе. Эти процессы стимулируют развитие стандартной субурбанизации западного типа, когда значительная часть домов в коттеджных, а также удачно расположенных садово-дачных поселках в зависимости от жизненного цикла семьи служит вторым или единственным постоянным жильем. Тем не менее, хотя свыше полумиллиона москвичей из 3 млн собственников дачного жилья владеют всесезонными домами, масштабы проживания загородом на постоянной основе пока существенно меньше, т. е. сезонная дачная миграция, по-прежнему определяет специфику субурбанизации в московской агломерации [Makhrova, Kirillov 2016].

Еще один тип дачных пригородов, который выделяется разнообразием дачного жилья и дачных поселков – **курортные дачи**. Как правило, они концентрируются в местах с особой аттрактивностью ландшафта: по морским побережьям, вдоль рек и озер, в предгорьях, вблизи заповедников. Компактные группы новых коттеджных поселков с соответствующей инфраструктурой (пляж, эллинги для яхт, горнолыжные спуски и др.) и вилами богатых россиян, огороженными высокими заборами с охраной, очень четко демаркируют такие места, где они образуют ареалы повышенной плотности дачного расселения.

В одних случаях они служат дополнением сети дачного расселения в пригородах крупного города-центра, например, в московской агломерации, где они представляют собой лишь узкий сегмент дачной недвижимости, которая выделяется своей ценой, внешним видом и статусом своих владельцев. В других они существуют почти автономно, не затрагивая дачного окружения городов, например, в Костромской области. В-третьих случаях они коренным образом трансформируют сеть дачного расселения, затачивая ее, как и всю инфраструктуру сервиса в целом, под запросы внешнего спроса, а не местных жителей, например, на Черноморском побережье Краснодарского края или Селигере.

Так, обилием курортно-пригородных поселков в окрестностях Москвы выделяется Дмитровское направление, в окружении Санкт-Петербурга – прибрежная полоса вдоль Финского залива и Ладожского озера. Немало подобных поселков в наиболее живописных районах соседних регионов вдоль рек Волги и Оки, а также на берегах оз. Селигер и на Валдае, и, конечно же, на побережье Черного и Азовского морей, где спрос на дачи формируют не столько местные жители, сколько москвичи, петербуржцы и жители ресурсных регионов [Makhrova, Nefedova, Pallot 2016]. Такие

специально построенные коттеджные поселки, в отличие от поселков в других регионах, приближенных к городам, особенно к столичным центрам, формируют компактные группы в наиболее живописных местах; для них фактор аттрактивности природных ландшафтов и близости к крупным водоемам играет уже ключевую роль.

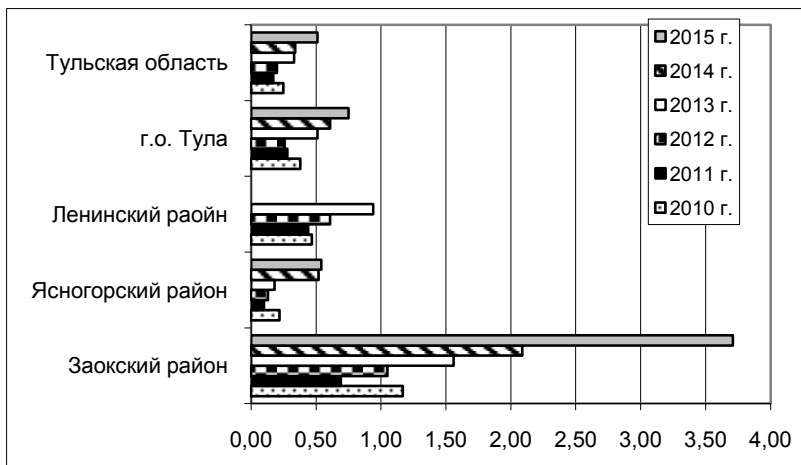
Активная застройка населенных пунктов, расположенных в таких привлекательных местах, также ведет к преобразованию типичной сельской застройки в рекреационную, а часть домов, особенно построенных в постсоветское время, используется для сдачи отдыхающим и туристам, формируя мощный рынок рекреационного жилья. Среди хозяев дачного жилья курортного типа высока доля нерезидентов данного места (региона). Так, по оценкам глав ряда черноморских муниципалитетов, в разных местах она составляет от 10 до 50 % [*Между домом...* 2016].

Еще один «**пристоличный**» тип дачных пригородов представлен дачами в приграничных районах областей – соседей первого порядка Московской и Ленинградской областей, где в пригородах малых и средних городов находятся многочисленные садово-дачные товарищества и организованные коттеджные поселки жителей обеих столиц. Участки в них или получались бесплатно от предприятий в советское время, или покупались в постсоветский период в новых поселках, или перекупались у местных жителей в старых дачных поселках [*Аверкиева, Бородина, Веденин и др.* 2015].

Привлекательность таких «удаленных» дач, которые в риэлторской практике называются «дальними дачами», связана с их относительной дешевизной, неплохой транспортной доступностью (пробки выходного дня начинаются на границе Москвы или Санкт-Петербурга и уже не особо важно, где располагается дача), красивая, почти неиспорченная природа и хорошая экология, исторические достопримечательности. Так, для москвичей наиболее привлекательны территории, где границы областей проходят ближе всего к Москве, что позволяет использовать дачи в выходные или для более продолжительного проживания. Особенно много таких поселков в районах, которые одновременно относятся к курортным пригородам, хотя в отличие от чисто курортных дач положение в таких местах предоставляют возможность их еженедельного посещения в выходные дни. Как уже отмечалось, такие дальние дачи больше тяготеют все-таки к природным аттракторам, особенно современные коттеджные поселки, хотя формально они и находятся в пригородах каких-то городов. В качестве примера можно привести Тульскую область, в которой москвичей особенно привлекает дачный отдых в окрестностях Оки, что прекрасно отражают душевые показатели ввода жилья. Среди муниципалитетов области они достигают максимального уровня в Заокском районе – главном ареале дачного расселения москвичей. Так, в 2013 г., до вхождения Ленинского района в состав городского округа Тула,

душевой ввод жилья в Заокском районе был 1,7 раз выше, чем в Ленинском районе, основной территории локализации дачного и индивидуального жилья жителей областного центра (рис.).

Дачное расселение в Тульской области служит прекрасной иллюстрацией того, как на примере территории одного региона можно проследить особенности дачных пригородов разных видов (см. прил. 2, рис. 3). Как и следовало ожидать, повышенным числом и плотностью садово-дачных товариществ выделяются муниципалитеты тульско-новомосковской агломерации.

Рис. Динамика душевого ввода в ряде муниципалитетов Тульской области, м²/чел.

В отличие от моноцентричных агломераций для нее характерна бóльшая территория зоны дачного расселения, которая имеет и более сложный рисунок за счет наложения зон дачных пригородов двух ядер – Тулы и Новомосковска, а также малых городов и поселков городского типа, входящих в состав агломерации. Здесь много сложившихся старых садово-дачных поселков с хорошими условиями транспортной доступности, расположившихся в живописном окружении, например Ревякино. Еще один ареал повышенной плотности выделяется на севере области, которая по своей сути является дальним Подмосковьем, где много дач москвичей. Это уже пристололичный тип дачных пригородов с выраженной курортной спецификой, что отражает особенности их размещения, когда пояс дач как бы нанизан на Оку.

Автономные соразмерные кольца дачных пригородов сложились вокруг малых городов-райцентров, в окружении которых число садово-огородно-дачных поселков нигде не превышает 100 (Ефремов, Белев,

Суворов, Плавск). Еще меньшее по своим размерам дачное окружение сформировано вокруг некоторых поселков городского типа (Арсеньеве, Чернь, Одоев) с населением свыше 5 тыс. чел. Единичные садово-дачные поселки находятся в периферийных районах юга области, на территории которых либо вообще нет городских поселений (Каменский), либо они представлены поселками городского типа с населением менее 5 тыс. чел. (Куркино, Теплое, Волово).

Еще один тип дачных пригородов – **дачи в городе**, которые с формальной точки зрения нельзя выделять в отдельный тип. Однако в структуре российских городов – это так называемые зоны внутренних пригородов или внутренней субурбанизации, образовавшиеся в результате расширения административных границ и включения в городскую черту бывших пригородов [Дружинин 2004; Махрова 2014а]. Одним из последних наиболее известных примеров такой практики служит увеличение территории Москвы в 2012 г. в 2,5 раза, что привело к росту числа садово-дачно-огороднических товариществ в составе города в 18 раз.

В целом такие дачные анклавы в большей степени свойственны крупнейшим городам, однако они встречаются почти повсеместно, что можно проследить на примере городов все той же Тульской области (табл.). По состоянию на 2006 г., по количеству поселков, расположенных в городе, выделяется Тула, однако ей совсем незначительно уступает Донской, в состав которого в качестве микрорайонов в 2005 г. вошли г. Северо-Задонск и 6 поселков городского типа. Включение в 2014 г. в состав городского округа Тула Ленинского района с его 350 объединениями утроило количество дачных поселков [Всероссийская сельскохозяйственная... 2007]. Таким образом, наличие дач в городе в значительной степени зависит от того, сколько времени прошло с момента расширения его границ. Кроме того, как показал проведенный социологический опрос, некоторые города выделяются повышенной долей дач в городах, что указывает на определенную «сельскость» этих центров: в Йошкар-Оле каждый пятый, а в Сыктывкаре каждый шестой респондент имеет дачу в пределах города.

В «старой» Москве за время, прошедшее с расширения территории города в 1960 г., территории бывших дачных массивов практически полностью захвачены многоэтажной застройкой, а сохранившиеся дачные массивы застроены коттеджами для постоянного проживания (Серебряный Бор, Сокол, Покровское-Стрешнево и др.). С присоединением территорий «новой» Москвы дачные массивы, включенные в состав столицы, опять оказались под ударом агрессивной застройки, что хорошо отражает направление структурных изменений нового жилищного строительства по Калужскому направлению, которое полностью вошло в состав «новой» Москвы. При сокращении числа и доли поселков с участками без подряда наиболее значительно выросли количество и доля среднеэтажных жилых комплексов и таунхаусов, жилье в которых ближе к

городскому жилью, а потенциальные покупатели менее чувствительны к изменениям в окружении [Махрова, Ткаченко 2013].

Таблица

Дачные поселки, расположенные в ряде городов Тульской области,
2006 г.

Город*	Количество поселков, ед.	Доля поселков в городе от общего числа поселков в зоне его тяготения, %	Численность населения, тыс. чел.
Тула	151	30,1	487,8
Новомосковск	67	45,6	127,2
Щекино	38	26,2	78,3
Донской	118	-	66,7
Алексин	49	34,3	58,7
Узловая	54	21,8	55,3
Ефремов	21	70,0	36,8
Богородицк	67	94,4	31,4
Кимовск	71	51,4	27,1

Примечание: * – названия городов приведены в порядке убывания численности их населения.

Сост. по: *Всероссийская сельскохозяйственная... 2006; Численность населения... 2007.*

В целом дачи, расположенные в черте городов с благоприятной социально-экономической ситуацией, пользуются значительным спросом для постоянного проживания. Это приводит к тому, что здесь в садово-дачных массивах активно идут процессы замены старого жилья коттеджами, что постепенно трансформирует их в районы с наиболее дорогим и престижным жильем. В условиях многоэтажных домов с высокой плотностью застройки они привлекают горожан возможностью жить в городе, но в своем доме с лужайкой, позволяя соединять преимущества городского и загородного образа жизни.

На другом полюсе находятся анклавы дач в черте малых и средних городов, застроенных преимущественно частными домами с приусадебными участками. Полудеревенский-полугородской образ жизни их населения не генерирует потребности в дачной рекреации, а аграрные функции дач с успехом выполняют приусадебные участки или огороды вокруг двухэтажных домов. В результате, как и в дачных массивах в окружении таких городов, дачи оказываются слабо востребованными (особенно для огородничества), постепенно застраиваясь обычными частными домами, если у местного населения есть потребность в участках для ИЖС.

Таким образом, анализ тенденций развития сезонной субурбанизации в разрезе садовых, огороднических и дачных объединений с 2006 по 2016 г. показал, что при сохранении пространственных особенностей размещения отдельных видов товариществ в целом заметен ряд новых тенденций. Во-первых, идет нарастание пространственной неравномерности в их размещении, что отражает изменение приоритетов в расселении населения и продолжение концентрации населения в крупных и крупнейших городах и их пригородах, что стимулирует спрос на дачи всех видов именно на этих территориях. Во-вторых, садовые товарищества, несмотря на уменьшение их масштабов, как и 10 лет назад, остаются наиболее массовым сегментом дачных владений россиян. В-третьих, огороднические объединения сократились наиболее заметно из-за снижения значимости их роли в обеспечении горожан продуктами питания, а их размещение по территории страны стало еще более неоднородным. В-четвертых, сегментом дачных владений, который показал наиболее высокие темпы развития, оказались дачные объединения за счет быстрого развития организованных коттеджных поселков, которые в основном получали статус дачных товариществ.

Кольца дачных пригородов окружают фактически все города, что связано с проживанием большей части населения страны в многоквартирных домах, когда урбанизация немыслима без рекреации. При этом мощность дачных пригородов в первую очередь зависит от численности города-центра, что было подтверждено как с помощью метода корреляционного анализа, так и с использованием методов количественной и качественной социологии и методов картографии, включая дешифрирование космических снимков; все это позволило оценить влияние фактора положения относительно Москвы и Санкт-Петербурга, attractiveness природных ландшафтов и близости к крупным водоемам, а также влияние экономических функций города.

По аналогии с административно-территориальной иерархией городов были выделены дачные пригороды городов локального, районного и областного значений, которые образованы соответственно вокруг малых, средних и больших, а также крупных и крупнейших городов. Кроме этой «линейки» дачных пригородов, привязанных к людности города-центра, на основе анализа различных подходов к типизации дач были выделены «немасштабные» типы дачных пригородов: столичный (вокруг Москвы и Санкт-Петербурга); пристольный (в областях-соседах первого порядка Московской и Ленинградской областей); курортный (в местах с особой attractivenessю ландшафта); дачи в городе.

Появление и довольно быстрое распространение организованных коттеджных поселков на рубеже веков в субурбии крупнейших российских городов, которые позволяют жить за городом на постоянной основе, становится наиболее зримым проявлением перемен, происходящих в дачном сегменте. Однако, несмотря на формирование коттеджных субурбий, наиболее важным и распространенным элементом в системе

сезонного расселения по-прежнему остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки, что обуславливает сохранение сезонного характера проживания в загородном жилье как типичное проявление российской специфики субурбанизации. Тем не менее масштабная автомобилизация вместе с развитием альтернативных форм занятости и наличием зимних дач стимулируют жизнь на два дома на постоянно-периодической основе, приводя к трансформации старых форм дачной мобильности. Свобода выбора изменяет ее традиционные практики, формируя особый стиль жизни и, как следствие, двудомности, что с большой степенью вероятности будет распространяться на пригороды не только крупнейших, но и большинства других городов страны.

Литература и источники

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Аверкиева К.В., Бородина Т.Л., Веденин Ю.А. и др. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2: Путешествие из Петербурга в Москву в XXI в. (по итогам экспедиции 2013 г.). – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.

Аверкиева К.В., Нефедова К.В. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 103–128.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 г. (предварительные итоги по краткой программе по муниципальным районам и городским округам). Вып. № 3. Т. 2–4. – Тула: Туластат, 2007.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. Предварительные итоги: стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2016. – 70 с.

Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. – 192 с.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. В 9 т. Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. по Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 430 с.

Каганский В.Л. Незамеченные революции. Дачный бум // Колокол. – 2003. – № 3, 4 (8, 9).

Махрова А.Г., Ткаченко Л.Я. Планы и реалии «новой Москвы»: продолжение или смена вектора развития // Экологическое планирование и управление. – 2013. – № 1(14). – С. 37–50.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 134–144.

Махрова А.Г. Особенности стадиального развития московской агломерации // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2014а. – № 4. – С. 10–16.

Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2014б. – № 4. – С. 49–59.

Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2015. – № 4. – С. 60–68.

Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2016. – № 2. – С. 64–74.

Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2014. – № 4. – С. 22–32.

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам. – М.: Росстат, 2007.

Makhrova A.G., Kirillov P.L. Seasonal Pulsation of Settlement Pattern in the Moscow Agglomeration under the Influence of Dacha and Work Commuting: Approaches to Studies and Assessment // Regional Research of Russia. – 2016. – Vol. 6, No. 1. – P. 1–8.

Makhrova A., Nefedova T., Pallot J. The Specifics and Spatial Structure of Circular Migration in Russia // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, Is. 6. – P. 802–818.

Антонов Евгений Викторович,

Институт географии Российской академии наук,

Москва, Россия

e-mail: antonov@igras.ru

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ФАКТОРЫ И РОЛЬ ДЛЯ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА ГОРОДОВ-ПРИГОРОДОВ⁶

Статья посвящена исследованию феномена трудовой мобильности населения как одной из форм адаптации к кризису локальных рынков труда (муниципальных образований, городов). На основе синтеза различных источников информации (переписи населения, обследований малого бизнеса и по проблемам занятости) рассмотрены география и факторы трудовой мобильности населения. Подробно проанализированы города-пригороды Урала, Сибири и Дальнего Востока и роль трудовых миграций для их населения.

---

⁶ Исследование выполнено в рамках программы Президиума РАН I.П13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие». Проект 3.4. Трансформация населенного пространства России.

Ключевые слова: трудовая мобильность, маятниковые миграции, отходничество, вахтовые миграции, рынок труда.

Полимастштабные исследования российского рынка труда

Изучению трансформационных процессов российского рынка труда в постсоветское время посвящено большое число исследовательских работ, выполненных преимущественно экономистами, для которых рынок труда является одним из классических объектов изучения, и в меньшей мере экономико-географами. Исходя из территориального охвата и уровня подобных исследований их можно подразделить на 3 основных категории (табл. 1).

Таблица 1

Уровни, направления и основные ученые-исследователи
рынка труда (РТ) в РФ*

Уровень исследований	Национальный	Региональный	Локальный (поселенческий)
Ключевые направления	Трансформация национального РТ, изменение структуры РТ и потоки ТР (ре-структуризация и реаллокация), особенности функционирования отдельных секторов РТ (корпоративного, некорпоративного, безработицы и др.), заработная плата, неформальная занятость, международная миграция	Структура РТ и ее динамика, неравенство в уровне оплаты труда, экономическая активность и безработица, неформальная занятость, межрегиональная трудовая миграция	Структура локального РТ, безработица, маятниковые трудовые миграции
Основные представители	Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, А.Г. Коровкин, Т.М. Малева	С.И. Смирнов, А.Ю. Ощепков, Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян	Ж.А. Зайончковская, Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов, Т.Г. Нефедова

Примечание: * – составлена автором.

К исследованиям верхнего (национального) уровня относятся обобщающие работы, рассматривающие ключевые особенности постсоветской

трансформации российского рынка труда в масштабах страны. Важнейший вклад в их изучение внесли исследования видных отечественных экономистов Р.И. Капелюшникова [2001], В.Е. Гимпельсона [2002] и А.Г. Коровкина [2001], а также возглавляемых ими исследовательских коллективов Центра трудовых исследований (ЦЭТИ) ВШЭ и лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН соответственно. В фокусе их исследований⁷ были общие проблемы трансформации отечественного рынка труда (например [Коровкин 2013]), особенности протекавших в нем процессов от других стран с переходной и рыночной экономикой [Капелюшников 2001]. Многочисленные исследования также посвящены более частным вопросам: изменению структуры рынков труда [Гимпельсон, Капелюшников 2015; Гимпельсон и др. 2014], изучению трудовых потоков [Шарунина, Гимпельсон 2015], производительности труда [Капелюшников 2014; Воскобойников, Гимпельсон 2015], феноменам безработицы, неформальной занятости [В тени регулирования... 2014], трудовой миграции [Зайончковская и др. 2010] и т. д.

Внимание к региональной проблематике РТ уделялось как в работах уже указанных авторов (например [Ощепков, Капелюшников 2015]), так и у других ученых в рамках теоретических (например [Чистова 2011]) и прикладных исследований (например [Смирнов 1999; Пономарева 2013; Флоринская и др. 2015]). Тематика региональных исследований РТ в основном связана с изучением территориальных особенностей его трансформации, проявления неравенства в заработной плате, кризисными явлениями, приводящими к росту безработицы и неформальной занятости. Значительный вклад в изучение динамики региональных рынков труда внесли проекты по их мониторингу (например, НИСП [Социальный атлас...]), особенно в периоды кризисов. В целом тематика исследований региональных рынков труда в отечественной экономической науке уступает по глубине и охвату изучения национального РТ.

Еще менее изученными являются локальные рынки труда на поселенческом уровне. Из-за отсутствия достоверной муниципальной статистики трансформационные процессы в них и текущее состояние анализируются в основном на примере конкретных поселений в рамках выборочных обследований (специальных социологических опросов) или регулярного мониторинга. К примерам такого мониторинга относятся, в частности, обследования рынков труда монопрофильных населенных пунктов [Власова и др. 1999; Любовный и др. 2001; Кузнецова 2003; 2004; Микрюков 2016]. Совершенствование муниципальной статистики и появление практики сплошных наблюдений за малым предпринимательством как важным субъектом локальных рынков труда с 2010 г. (интервал – каждые 5

---

⁷ Здесь приводятся лишь ссылки на некоторые обзорные работы последнего времени.

лет) позволяют надеяться на развитие этого направления в ближайшем будущем.

Одним из немногих относительно разработанных направлений изучения региональных и локальных рынков труда в экономической географии и региональной экономике является изучение внешней трудовой мобильности, которая проявляется в формировании физических потоков трудовых мигрантов, поддающихся формализованной оценке. Особенно велико внимание к двум основным разновидностям внешней трудовой активности – маятниковым миграциям и отходничеству (вахтовым миграциям). В последнее десятилетие исследования в этом направлении были единичными (например, изучение внешней занятости в 2001 г. по 4 малым городам Ж.А. Зайончковской и последовавшие на их основе работы [Флоринская 2001; Флоринская, Рощина 2003; Рощина 2008]), однако с появлением новых данных, в том числе Всероссийской переписи населения 2010 г. и обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ, трудовая миграция учитывается с конца 2000-х гг.), представление об этом явлении стало более комплексным.

Доступность информации о трудовых возвратных миграциях и актуальность темы привели к появлению ряда работ, большей частью посвященных изучению маятниковых миграций в городских агломерациях [Аверкиева и др. 2015; Махрова, Кириллов 2015; Акимджанов, Сафронов 2014; Чевтаева, Егунов 2014; Кузьмин и др. 2013; Мальцева 2012; Некрасова 2012; Шитова 2010; Шитова, Шитов 2008]). Менее разработанным направлением был анализ современного отходничества, однако в последнее время оно активно развивается [Великий 2010; Нефедова 2015а; Плюснин и др. 2013], в том числе и в отношении отдельных городов [Мкртчян, Флоринская 2016]. В ряде обобщающих работ последних лет на основе данных ОНПЗ предприняты попытки исследовать не только количественные и демографические характеристики трудовых мигрантов, но и географию возвратных трудовых миграций в России в целом [Мкртчян 2009; Нефедова 2015б; Флоринская и др. 2015]. Сплошные исследования, характеризующие трудовые миграции на локальных рынках труда муниципалитетов всей России, появились лишь недавно [Между домом... 2016].

Модели адаптации населения к кризису локального рынка труда

Процессы трансформации локальных РТ, в том числе городов, существенно активизировались в 1990-е гг. с наступлением глубокого социально-экономического кризиса по всей стране. Ключевым процессом, инициирующим перестройку структуры локального РТ, являлось активное сокращение численности занятых на крупных и средних предприятиях и в организациях (КСПО). В позднесоветское время и в начале рыночных реформ в учреждениях данного типа была занята подавляющая часть работников. Именно КСПО обеспечивали возможности трудоустройства в горо-

де с адекватной оплатой труда и социальными гарантиями, поддерживали за счет налогов экономику города и местные бюджеты. Динамика занятости на КСПО, таким образом, может служить важнейшим индикатором интенсивности трансформационных процессов.

Наибольшие численные и территориальные изменения в численности занятых на КСПО происходили до конца 1990-х гг. («шоковая» реакция на кризис) и с середины 2000-х (процессы рыночной оптимизации занятости и кризис 2008–2009 гг.). Суммарные потери значительно различались по городам в зависимости от отраслевой специализации экономики, составляя в среднем от 30 до 50 % от уровней начала 1990-х гг., при этом рост численности занятости смог продемонстрировать лишь каждый двадцатый город. Вторым важнейшим фактором трансформации являлась и продолжает оказывать влияние – это людность города (табл. 2). Наименьшее снижение численности занятых из-за особенностей структуры РТ (значительное количество государственных и бюджетных учреждений регионального уровня, здравоохранения, образования и т. д.) наблюдается в крупнейших городах с численностью свыше 250 тыс. чел., а максимальное падение – в небольших (от 25 до 100 тыс. чел.), часто моноотраслевых населенных пунктах со слаבודиверсифицированной экономикой.

Таблица 2

Динамика численности занятых на предприятиях и в организациях, % от уровня 1993 г. по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока*

Группа по численности населения, тыс. чел.	Год			
	1998	2005	2009	2013
Более 1000	88,0	82,0	70,7	71,0
500–1000	96,3	87,7	75,7	75,3
250–500	83,3	85,1	73,3	69,6
100–250	82,6	73,4	65,3	62,2
50–100	84,0	71,5	61,5	56,5
25–50	85,2	73,5	61,2	56,0
Менее 25	80,3	69,1	69,7	63,7

Примечание: * – рассчитано автором по данным БД Мультистат.

Сокращение числа работников КСПО может говорить как о кризисе экономики городов, так и о процессе оптимизации деятельности экономических агентов. В любом случае, оказавшись за пределами этих, по сути, корпоративных советских структур, работники предстали перед сложным выбором дальнейших действий. Стратегии адаптации населения к трансформационным процессам на РТ можно подразделить на два основных типа – активные и пассивные: к активному типу отнесены те, которые предполагают какие-либо действия, позволяющие населению остаться на рынке труда, к пассивным – приводящие к исключению из него (табл. 3).

Таблица 3

Формы адаптации населения к кризисным явлениям на рынке труда и экономике города*

Активные			Пассивные
Адаптация на местном рынке труда	Переориентация на внешние рынки труда	Переезд на новое место жительства	Уход с рынка труда
Малый бизнес и предпринимательство (МСБ)	Коммьютинг		Личное подсобное хозяйство
Теневая, неформальная занятость	Отходничество		Иждивение в семье
			Иждивение за счет государства
		Безработица	

Примечание: * – составлена автором.

Среди активных форм адаптации населения, предусматривающих сохранение прежнего места жительства, прежде всего, стоит выделить варианты адаптации на местном рынке труда и переориентацию на работу за его пределами. Приоритет в выборе той или иной формы адаптации зависит от множества факторов, в том числе экономико-географического положения города, его статуса, отрасли специализации, людности, институциональных условий, качества трудовых ресурсов и др. Многообразие возможных сочетаний этих факторов приводит к сложному сочетанию форм адаптации в городах. Тем не менее есть и некоторые типичные формы, свойственные для той или иной группы городов (например, с хорошим или исключительно плохим ЭГП, конкурентоспособной отраслью специализации или, напротив, кризисной и т. д.). В частности, для кризисных моногородов наиболее популярными (кроме переезда на новое место жительства) были пассивные формы адаптации, которые имели минимальное распространение в городах севера и Крайнего Севера; адаптация в малом бизнесе и теневом секторе более распространена в южных, аграрных регионах, а также в региональных столицах и их пригородах (см. подробнее [Антонов 2016]).

Кризис занятости и переориентация на «внешние» рынки труда привели к более широкому распространению таких традиционных видов активности, как отходничество и маятниковая трудовая миграция [Нефедова 2015б]. Если внутрирегиональная миграция между крупными городами и их пригородами относительно интенсивно протекала и в советское вре-

мя, то масштабы межрегиональных трудовых миграций, по всей видимости, существенно выросли в последние десятилетия. Таким образом, модель адаптации населения через рост трудовой мобильности имела место во всероссийском масштабе.

На возможности такого типа адаптации влияет множество факторов: пространственное положение населенных пунктов относительно внешних рынков труда и потенциальные уровни дохода на них, транспортно-географическое положение, уровень квалификации работников, фактор «традиций» и др. В соответствии с этими факторами в лучшем положении оказались регионы Европейской России с относительно высокой плотностью крупных городов, региональных столиц, окруженные городами-спутниками и сельскими пригородами. Важнейшими акцепторами трудовых мигрантов стали федеральные города (Москва и Санкт-Петербург) и окружающие их регионы, трудовой отход в которые частично смягчил кризис занятости на локальных рынках труда городов Европейской России.

Пространственное распределение трудовых миграций (как ближних / маятниковых, так и дальних, связанных с вахтой) как формы адаптации населения имеет свои особенности, которые будут рассмотрены далее.

Трудовая мобильность населения России и ее факторы

Для строгих количественных оценок и описания феномена внешней занятости на уровне муниципальных образований (районов и городских округов) существует несколько подходов [Между домом... 2016, с. 127–138]. Однако наиболее полный массив данных, необходимый для проведения анализа, поиска факторов трудовой мобильности на максимально полной выборке, предоставляет к настоящему моменту лишь Перепись населения 2010 г. (далее – Перепись).

Пространственная трудовая мобильность населения фиксировалась в нескольких ключевых пунктах Переписи. Важнейшие из них – о местоположении работы (вопросы № 11.2 и 11.3 в переписном листе): в населенном пункте проживания, внутри своего региона, за пределами своего региона с уточнением конкретного субъекта федерации. Остальные вопросы Переписи в комбинации с вопросами о местоположении работы позволяют сформировать «социальный портрет», изучить возрастные, гендерные, экономические и иные характеристики трудовых мигрантов.

Оценка достоверности данных Переписи основывается на следующих соображениях. Методология ее проведения предусматривала возможность заполнения переписных листов на основе административных источников при невозможности проведения личного опроса или отсутствия респондента [Федеральный закон... 2010]. В этом случае должны были быть заполнены только основные графы переписных листов (пол и возраст), однако, по всей видимости, значительная часть дополнительных вопросов, в том числе и о месте работы, была заполнена переписчиками «по своему усмотрению» [Андреев 2012]. Можно предположить, что переписчики при

этом либо оставляли графу о местоположении работы пустой, либо указывали (для людей в трудоспособном возрасте), что место работы расположено в населенном пункте проживания, что избавляло их от необходимости дополнительно «выдумывать» ответы на уточняющие вопросы. Отсюда следует, что общее число людей, работавших за пределами своего населенного пункта, Переписью занижалось. Сильнее всего это проявляется в крупнейших городах и в некоторых регионах Северного Кавказа (где достоверность результатов Переписи вообще ставится под сомнение [Белобородов 2014]). При этом к данным о наличии, основной работы за пределами своего населенного пункта и тем более в конкретных регионах выезда можно относиться с большой достоверностью, поскольку видимых причин «сочинять» эти сведения для неопрошенных людей для переписчиков не было. В целом достоверность и полноту данных о трудовой мобильности населения по материалам Переписи можно охарактеризовать как максимальную из всех имеющихся источников (или, по крайней мере, сравнимую с ОНПЗ).

На основе данных Переписи представляется возможным оценить влияния базовых географических факторов на внутрирегиональную дифференциацию трудовой мобильности населения. В качестве таких факторов выступают тип населения (сельское, городское) и пространственное положение муниципалитета относительно ближайшей региональной столицы. Предполагается, что для муниципалитетов большинства регионов России эти два фактора по отдельности или в совокупности будут являться основными детерминантами, обуславливающими трудовую мобильность населения. В конечном итоге исследование нацелено на выделение нескольких типов регионов, в которых изученные факторы будут проявляться с различной силой.

По данным Переписи 2010 г., из 64,47 млн чел., имеющих работу, у 85,5 % она находилась в населенном пункте их проживания, у 6,94 млн чел. (10,8 %) – в другом населенном пункте региона, у 2,41 млн чел. (3,7 %) – в другом регионе. Здесь и далее условимся называть две последние группы внутри- и межрегиональными трудовыми мигрантами соответственно, а трудовую мобильность будем оценивать через долю населения, работающего за пределами своего населенного пункта.

В целом по стране трудовая мобильность населения составляет лишь 14,5 %, но в отдельных регионах может достигать 25 % и более (см. прил. 3, рис. 1). Еще сильнее дифференциация трудовой мобильности внутри регионов: по некоторым муниципалитетам западной части России ее уровень может превышать и 70 % (см., прил. 3, рис. 2).

Максимальная трудовая мобильность наблюдается в регионах Европейской России, где расположены крупные городские агломерации и основные акцепторы межрегиональных мигрантов (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край). Высоки значения трудовой мобильности в республиках Северного Кавказа и Поволжья (особенно Марий Эл и Чува-

шия). Меньшей трудовой мобильностью населения характеризуются регионы севера, Сибири (кроме юга Западной Сибири) и Дальнего Востока.

Фактор типа населения (типа населенного пункта) в трудовых миграциях

Интенсивность трудовых миграций зависит от многих факторов, но влияние лишь небольшого числа из них возможно обнаружить только исходя из данных Переписи. Привлечение других источников социально-экономической информации затруднено отсутствием стандартизированных наборов качественных данных на момент проведения Переписи. Даже после трудоемкой процедуры сбора и обработки информации для всех муниципальных образований России (более 2,2 тыс.) ее будет недостаточно для проведения сплошного исследования. В этой связи от анализа потенциальных детерминант трудовой мобильности по данным сторонних источников мы вынуждены отказаться.

На первый взгляд, наиболее очевидным и простым фактором трудовой мобильности должен быть тип населенного пункта – сельского или городского как важнейшего фактора социально-экономической дифференциации территории. Предполагается, что в городах возможности для трудоустройства потенциально выше, чем в сельской местности, особенно испытывающей кризис сельскохозяйственной занятости. В пользу этой гипотезы говорит факт большей пространственной мобильности сельского населения почти во всех регионах страны. Исследование на уровне муниципальных образований подтверждает ее значимость в целом для РФ: линейный коэффициент корреляции (ЛКК) между долей сельского населения и интенсивностью трудовых миграций составляет 0,6 для 2202 муниципалитетов, при этом значительно различаясь по регионам и частям страны. Высокий ЛКК (выше 0,5) отмечен в большинстве регионов Центральной России, Урала и Северного Кавказа, что позволяет с определенными допущениями сделать вывод о сильном влиянии типа поселения на внутрирегиональную дифференциацию трудовой мобильности.

К регионам-исключениям в европейской части РФ относятся Московская и Мурманская области, Краснодарский край, республики Адыгея, Ингушетия, Калмыкия. На большей части Сибири и Дальнего Востока (кроме Тюменской, Кемеровской, Амурской областей, ХМАО, Приморского края) при значительно большей трудовой мобильности сельского населения, чем городского, какой бы то ни было строгой зависимости на уровне муниципальных образований не обнаруживается. Видимо, там на трудовую мобильность населения, при ее низких уровнях, определяющее влияние оказывают иные факторы, прежде всего позиционный. В сочетании со слабостью транспортной инфраструктуры, большими расстояниями, разреженной сетью населенных пунктов вообще и крупных городов, в частности, он повышает издержки пространственных перемещений, особенно для маятниковых миграций. Кроме того, в некоторых регионах с относительно успешным сектором сельского хозяйства (Краснодарский и

Алтайский края, Омская область и др.) емкость сельских рынков труда в последние 20 лет не испытала катастрофического сжатия, не вызвав процессов масштабного трудового отхода сельского населения в города и другие регионы, как это было, например, в Нечерноземье.

Позиционный фактор в трудовых миграциях

Влияние позиционного фактора на трудовую мобильность населения исследуется на основе маятниковых трудовых миграций населения.

Перепись не содержит сведений о частоте и ритме совершения внутри- и межрегиональных миграций. Поэтому невозможно с полной уверенностью утверждать, что все внутрирегиональные миграции являются маятниковыми и что у всех межрегиональных миграций более длинный ритм (не ежедневный). В данном случае мы все-таки исходим из предположения, что основу маятниковых миграций составляют внутрирегиональные, а также те, которые совершаются из первого (иногда второго в зависимости от конфигурации) по порядку пограничного района соседнего региона в исследуемый. Допустим также, что все трудовые мигранты из Московской области в Москву и из Ленинградской области в Санкт-Петербург являются маятниковыми, что в действительности не так (по данным ОНПЗ 2012 г., в Москве ежедневными «маятниками» трудились 91,4 %, еженедельными – 6,5 %; в Санкт-Петербурге – 75,2 и 14,7 % соответственно). Следовательно, результаты, полученные нами для Московской и Ленинградской областей, не вполне надежны, и в отношении этих регионов требуется привлечение дополнительных источников. Для остальных регионов мы оцениваем возможные ошибки как незначительные.

Данные о маятниковых миграциях делают возможной количественную оценку пространственного распределения их интенсивности в зависимости от расстояния до ближайшего регионального центра. Оно рассчитано между геометрическими центрами муниципалитетов по прямой на поверхности Земли с привлечением корреляционного анализа. Интенсивность большинства взаимодействий в пространстве изменяется нелинейно, поэтому в качестве аппроксимирующей кривой для описания соответствия взята не прямая, а логарифмическая кривая (т. е. две переменные исследуются на предмет не линейной, а логарифмической корреляции). Если распределение интенсивности маятниковых миграций в муниципалитетах будет хорошо описываться логарифмической кривой (с коэффициентом детерминации более 0,5 или, иначе, с ЛКК по модулю 0,7 и более), то будем называть такое распределение правильным. Это будет означать, что на интенсивность маятниковых миграций влияет почти исключительно один региональный центр, а остальные крупные поселения (в силу их отсутствия в регионе или по каким-либо иным причинам) не вносят в это распределение существенных возмущений. В случае отсутствия значимой взаимосвязи между логарифмом расстояния и интенсивностью маятниковых миграций (ЛКК менее -0,5) можно говорить о сложно устроенной системе этих миграций внутри региона с несколькими субцентрами

и другими «возмутителями» правильного распределения. Такое распределение будем называть для краткости неправильным. Исключим также из анализа все региональные центры, поскольку нет смысла рассматривать маятниковые миграции в зависимости от расстояния до других региональных центров.

По результатам расчета ЛКК для всех муниципальных образований *правильное* распределение было обнаружено в 17 регионах (прил. 3, рис. 1), средние значения соответствия (ЛКК в пределах $-0,5...-0,7$) имели еще 35, полное отсутствие взаимосвязи (ЛКК менее 0,3 по модулю) – лишь 10 регионов. Это доказывает, что в целом влияние позиционного фактора на маятниковую мобильность у большинства регионов велико и может рассматриваться в качестве ключевого для ее внутрирегиональной дифференциации наравне с фактором соотношения сельского и городского населения.

Примером, иллюстрирующим полное отсутствие взаимосвязи распределения маятниковых трудовых миграций с положением относительно ближайшей региональной столицы, может служить Кемеровская область с двумя крупными центрами (города Кемерово и Новокузнецк) и несколькими городами меньших размеров.

Города «фрагментируют» потенциальное однородное поле трудовых миграций, создавая вокруг себя «хинтерланд» трудовых ресурсов, который обычно представляет из себя соседний сельский муниципальный район. В отличие от других крупногородских агломераций, например Московского столичного региона, трудовая мобильность населения собственно городов невелика, и основу всех маятников составляет именно сельское население, что принципиально выделяет Кемеровскую область. Для подобных полицентричных регионов, безусловно, для описания внутрирегионального распределения трудовой мобильности требуется создание более сложных моделей на основе данных по конкретным поселениям (которые также доступны в базе данных Переписи), морфологии дорожной сети и сети расселения.

Выявленное влияние двух факторов на интенсивность трудовых миграций позволяет разделить регионы России на четыре типа (см. прил. 3, рис. 3). К первому типу (I) отнесены те регионы, где распределение трудовой мобильности по муниципалитетам объясняется с большим соответствием (ЛКК выше 0,7 по модулю) одной из исследованных зависимостей. Число регионов этого типа – 35. Ко второму типу (II) отнесены регионы со значимым, но статистически меньшим подчинением обоим факторам (ЛКК в пределах $0,5-0,7$ по модулю). К этому типу относятся 11 регионов. Принадлежность субъекта РФ к первому или второму типу регионов свидетельствует о том, что распределение трудовой мобильности населения на их территории практически полностью можно объяснить исходя из структуры населения (сельского или городского) и/или удаленности от

ближайшего регионального центра, не привлекая каких-либо других факторов: экономических, социальных, географических и т. д.

Третий тип (III) объединяет регионы, в которых наблюдается значимое соответствие (ЛКК колеблется в пределах 0,5–0,7 по модулю) распределения трудовой мобильности по муниципалитетам одному из факторов – позиционному или типу населения. В этот тип попадают 23 региона. К регионам четвертого типа (IV) отнесены 12 субъектов РФ, в которых ни удаленность от регионального центра, ни тип населения муниципалитета не могут объяснить распределение трудовой мобильности. Принадлежность региона к III или IV типу говорит о том, что там для объяснения трудовой мобильности населения стоит исследовать и другие факторы. Например, обратить большее внимание на такие особенности сети расселения (помимо его деления на сельское и городское и положения региональных столиц), как роль и дислокация крупных городов, состояние городского и сельского рынка труда и др. Регионы, отнесенные к этим двум типам, представляют наибольший интерес для дальнейших исследований трудовой мобильности населения.

Адаптация на внешних рынках труда в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке трудовая мобильность населения в целом оказывается существенно ниже, чем в европейской части страны (см. прил. 3, рис. 4). Основные причины для этого – гораздо более низкая плотность крупных городов, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, при слаборазвитой транспортной инфраструктуре и лимитированной емкости рынка труда. Ближние трудовые миграции в такой ситуации становятся объективно возможными лишь для небольшой части населения, непосредственно проживающей в ближайших пригородах региональных столиц и индустриальных центрах.

Модель адаптации населения к кризису локального рынка труда среди городов этой части страны, таким образом, имеет слабое распространение: в городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока на внешних рынках труда заняты лишь около 3,6 % трудоспособного населения (см. прил. 3, рис. 5), большая часть из которых осуществляют ближние внутрирегиональные миграции. Межрегиональная трудовая мобильность ограничена в первую очередь относительно низким спросом на трудовые ресурсы и удаленностью крупнейших акцепторов трудовых мигрантов.

Для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока традиционно еще с советских времен существовал крупный («внешний» по отношению к основной полосе расселения) рынок труда «северов»: нефтегазовых регионов Западной Сибири, сырьевых регионов Восточной Сибири и северо-востока. В настоящий момент «хинтерландом» нефтегазовых округов Тюменской области являются регионы Урала (частично и Поволжья) и юга Западной Сибири (см. прил. 3, рис. 6), другие регионы-аттракторы привлекают трудовых мигрантов в основном из соседних субъектов федера-

ции. В постсоветское время, несмотря на масштабное переформатирование добывающей промышленности, этот относительно емкий рынок труда «северов» (третий по величине после Москвы и Санкт-Петербурга) демпфировал кризисные явления и продолжает играть важное значение для трудоустройства населения в масштабах всей страны. Однако его размеры существенно уступают рынкам труда крупных агломераций и региональных центров: во внутрирегиональную миграцию в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока вовлечено, по разным оценкам, от 7 (Перепись населения 2010 г.) до 5 раз (ОНПЗ 2014) больше населения⁸, чем в межрегиональную (в России внутрирегиональная миграция превышает межрегиональную в 3 раза). Таким образом, в трудовых миграциях в азиатской части России гораздо большую роль играют именно ближние внутрирегиональные миграции. А это в свою очередь говорит, что в Азиатской России для такого типа адаптации, как внешняя трудовая мобильность, чрезвычайно важным фактором является конфигурация сети расселения, прежде всего плотность и величина региональных центров, формирующих вокруг себя зоны маятниковых миграций.

К востоку от Урала плотность и численность населения городов быстро убывает, а среднее расстояние между ними начинает возрастать (рис. 1). Заметными на общероссийском фоне являются сгустки населения в городах юга Западной Сибири и Дальнего Востока, Прибайкалья, в которых складываются благоприятные условия для инициации маятниковых миграций. Вместе с тем среднее расстояние между ближайшими городами в Западной Сибири в 2–3 раза больше, чем в европейской части, а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке еще выше (за исключением локальных концентраций городов в Красноярском крае и юге Дальнего Востока), что препятствует развитию ближних внутрирегиональных трудовых миграций на этих территориях.

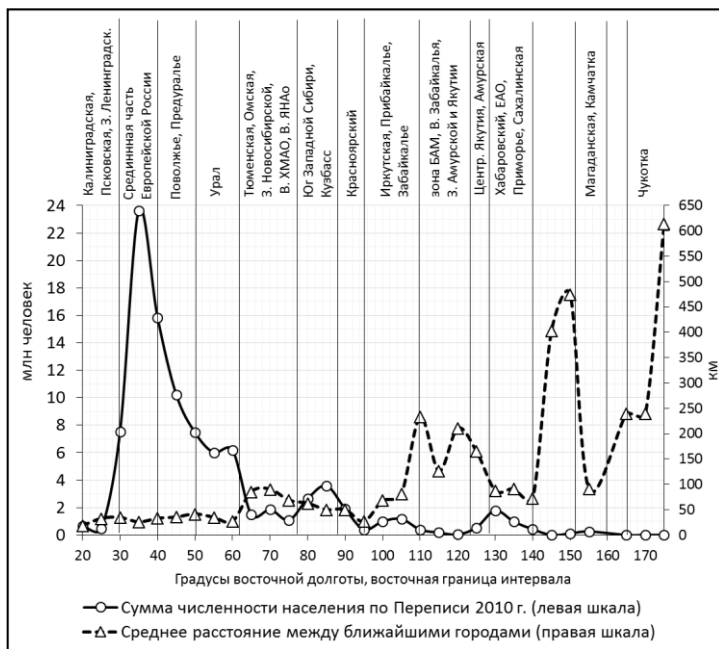
Среди городов-акцепторов трудовых мигрантов на востоке страны особо выделяются региональные центры (рис. 2). Они аккумулируют примерно 70–75 % входящего потока трудовых миграций. Крупнейшими акцепторами являются столицы регионов Урала и юга Западной Сибири как образующие крупные городские агломерации (Екатеринбург, Пермь, Барнаул, Новосибирск и др.), так и со слаборазвитыми агломерациями (Тюмень, Омск и др.), но значительным сельским населением пригородов. Среди нестолических центров притяжения выделяются центры нефте- и газодобычи (Нижневартовск, Новый Уренгой, Бузулук, Когалым, Сургут и др.), металлургии (Норильск, Магнитогорск, Новотроицк, Нижний Тагил).

---

⁸ Данное значение приводится для всего населения. Для городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, по Переписи 2010 г., количество внутрирегиональных трудовых мигрантов примерно в 4 раза больше, чем межрегиональных.

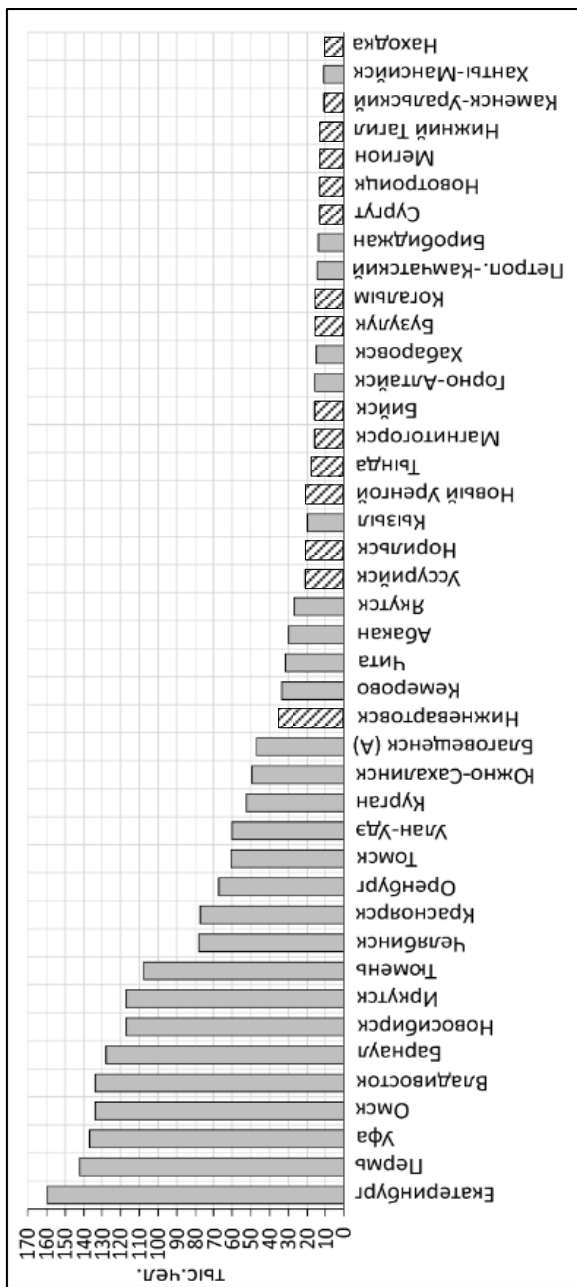

Центрами притяжения также могут быть и транспортные центры в относительно густонаселенных районах (например, Находка) и даже за их пределами, если город является важным транспортным узлом (как, например, Тында, обслуживающая БАМ).

Рис. 1. Распределение населения городов России и среднее расстояние между ближайшими городами по широтным интервалам (рассчитано автором по данным ВПН-2010)

Далеко не все городские округа имеют положительный баланс трудовых миграций. В числе доноров трудовых мигрантов в основном пригороды крупных городов (Копейск, Калтан, Сосновоборск и мн. др.), некоторые города-базы, обслуживающие добычу полезных ископаемых (Муравленко, Лангепас, Пыть-Ях). Заметную часть (по количеству) городов нетто-доноров трудовых мигрантов составляют небольшие города, испытывающие кризис локальных рынков труда, находящиеся за пределами ближних поясов агломераций, но не на экстремальном удалении от них (например, Сорск, Шарыпово, Карабаш, Реж и др.).

Рис. 2. Оценка притока трудовых мигрантов в городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока (для потоков свыше 10 тыс. чел.). Штрихом выделены города – региональные центры (расчитано автором по данным ВПН-2010 и СНДСМП-2010)

Трудовые миграции населения можно рассматривать под разным углом – с точки зрения экономических, социальных, бюджетных эффектов для населения и городов-акцепторов/доноров трудовых мигрантов. Первостепенным представляется вопрос, что дают трудовые миграции собственно работникам и членам их семей: это вынужденный вариант адаптации для выживания, либо эффективный способ приложения труда в городах с высокопроизводительными рабочими местами, обеспечивающий достойный уровень жизни работнику? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, неоднозначен и зависит, в первую очередь, от типа трудовой мобильности и вида занятости.

Если рассматривать города-доноры мигрантов, то наибольшие позитивные эффекты, по всей видимости, должно иметь население пригородов крупнейших региональных столиц, осуществляющее ежедневные маятниковые миграции. Это утверждение основано на предположении, что «позитивным» ответом населения на адаптацию данного типа в городах-донорах будет желание оставаться в них, располагая достаточными финансовыми ресурсами от трудовой деятельности за пределами города. Косвенным индикатором можно считать ввод жилья в городе: если жильё строится, то население, выражаясь фигурально, голосует и «ногами», и «рублем». Низкие душевые уровни ввода жилья могут одновременно означать как сравнительную непривлекательность такого рода инвестиций для населения, так и недостаточные уровни дохода для их осуществления.

Рассуждая аналогично, можно рассмотреть также сочетание миграционного прироста и интенсивности трудовых миграций. Среди всех городских округов-пригородов особо выделяются некоторые города из ближних поясов агломерации Екатеринбурга (Березовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Арамилы и др.), Челябинска (Копейск), Новосибирска (Бердск), Тюмени (Ялуторовск, Заводоуковск), Красноярска (Дивногорск, Сосновоборск), Абакана (Черногорск), Южно-Сахалинска (Анива) и др. Эти города извлекают максимальную выгоду из своего близкого положения к быстроразвивающимся региональным столицам. Платежеспособный спрос, генерируемый относительно высокими зарплатами в крупном городе, обуславливает высокую инвестиционную активность населения на рынке недвижимости (с учетом более низкой стоимости «входа» на него в пригородах), этому способствует и миграционный приток из других муниципалитетов региона и даже из-за его пределов. В городах-пригородах, таким образом, реализуется комбинированный тип адаптации через миграцию в них и трудоустройство на внешнем рынке труда.

Близость к региональной столице, однако, не всегда подобным образом влияет на пригороды. Если региональный центр относительно «слабый» (например, Курган, Биробиджан, Благовещенск), либо недостаточно развита транспортная инфраструктура (например, Южно-Сахалинск), это приводит к тому, что в большинстве городов, расположенных вблизи этих

региональных столиц и связанных с ними интенсивными трудовыми миграциями, наблюдается заметный миграционный отток населения.

Для большей части остальных городов-доноров мигрантов адаптация путем переориентации на внешние рынки труда, по всей видимости, является механизмом выживания населения, а его долгосрочной стратегией – переезд на новое место жительства. Основная причина – их относительно удаленное положение от внешнего рынка труда за пределами 1 – 1,5 часовой транспортной доступности от региональной столицы (например, Невьянск, Артемовский) или невысокие емкость и уровень заработной платы в нестоличных городах-акцепторах (например, для жителей Карпинска в Краснотурьинске). Временные и транспортные издержки в этих городах в результате существенно снижают привлекательность трудовых миграций и делают их конкурентными только в случае отсутствия иных вариантов адаптации.

При отсутствии возможностей для осуществления маятниковых и ближних трудовых миграций альтернативным видом адаптации на внешних рынках труда является т. н. «отходничество», или вахтовая трудовая миграция. Этот тип трудовой активности сопряжен с максимальными экономическими и социальными издержками для работников (более высокая стоимость проезда и жизни, оторванность от семьи и дома, потеря трудовых навыков, незащищенность от произвола работодателей на неофициальных рабочих местах и др.).

Позитивные эффекты от трудовой мобильности населения непосредственно для городов незначительны (по сравнению с занятостью на месте), особенно для городов-доноров. Поскольку по существующему законодательству НДФЛ уплачивается по месту работы, а не проживания занятых, то муниципальный бюджет лишается доходов в виде НДФЛ. При этом горожанин продолжает пользоваться социальной, коммунальной, транспортной и прочей инфраструктурой по месту жительства, создавая дополнительную нагрузку на муниципальный бюджет. С другой стороны, для города хорошо, что человек имеет хоть какой-то источник доходов и часть его тратит по месту проживания, создавая спрос в экономике. В целом же позитивные эффекты от внешней занятости для бюджетов городов минимальны, как и в случае с теневой занятостью. Несколько большее положительное влияние от внешней занятости наблюдается в городах-пригородах, которые благодаря реализации комбинированного типа адаптации из миграции и внешней трудовой мобильности извлекают дивиденды от активного жилого строительства и быстрого роста оборота торговли и услуг благодаря платежеспособному спросу мигрантов.

Максимальный позитивный эффект наблюдается в городах-акцепторах трудовых миграций. Помимо налоговых поступлений они локализуют дополнительный спрос на товары и услуги, приобретаемых и получаемых мигрантами во время своего пребывания в городе. Однако могут

проявляться и негативные экстерналии, прежде всего связанные с обострением транспортной проблемы и в ряде случаев ростом социальной напряженности. Указанные отрицательные эффекты не приводят к каким-либо попыткам ограничить трудовые миграции в крупные города со стороны их администраций, которые понимают очевидные плюсы от такого внешнего взаимодействия.

Литература и источники

Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фаддеев А.М. Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Известия РАН. Сер. географическая. – 2015. – № 4. – С. 24–38.

Антонов Е.В. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х гг.: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2016. – 247 с.

Акимжанов Х.Р., Сафронов С.Г. Социально-экономическая трансформация территориальной структуры карагандинской агломерации // Региональные исследования. – 2014. – № 2(44). – С. 86–96.

Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. – 2012. – № 11. – С. 21–35.

База данных показателей муниципальных образований России (БДПМО) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 10.01.2016).

База данных «Экономика городов России» портал «Мультистат» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.multistat.ru/> (дата обращения: 10.01.2016).

База данных Переписи населения 2010 года – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/dataCatalogueExplorer.xhtml> (дата обращения: 10.01.2015).

Белобородов И.И. Всероссийская перепись населения: искажение этнической реальности // Научный Интернет-журнал «Семья и демографические исследования» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5271/> (дата обращения: 15.04.2015).

В тени регулирования: неформальная занятость на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшника. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 535 с.

Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44–49.

Власова Н.И., Кузнецова Г.Ю., Лычева Т.М., Любовный В.Я. Проблемы занятости в монопрофильных городах России // «Современное состояние и перспективы занятости и рынка труда России»: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – М., 1999.

Воскобойников И.Б., Гимпельсон В.Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 30–61.

Гимпельсон В. Е. Экономическая активность населения России в 1990-е гг. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2002. – 47 с.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е гг. // Вопросы экономики. – 2015. – № 7. – С. 87–119.

Гимпельсон, В. Е., Жихарева, О. Б., Капелюшников, Р. И. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/04/14/1320874545/WP3_2014_02_fff.pdf.

Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б., Иванова Т.Д. Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. – М.: Макс-Пресс, 2010. – 94 с.

Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства (СНДСМП-2010) в 2010 г. по регионам Российской Федерации в разрезе муниципальных образований – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/region.htm (дата обращения: 09.12.2015).

Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.

Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 36–61.

Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 320 с.

Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 4. – С. 79–96.

Кузнецова Г.Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2003. – 285 с.

Кузнецова Г.Ю. Социально-экономические трансформации монопрофильных поселений в переходной экономике // Региональные исследования. – 2004. – № 1. – С. 33–44.

Кузьмин А.И., Носов А.А., Давиденко А.Н., Илинбаева Е.А. Опыт теоретического и эмпирического исследования маятниковой трудовой миграции в регионах России // Журнал экономической теории. – 2013. – № 3. – С. 259–264.

Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю., Лычева Т.М. и др. Методические рекомендации по формированию территориальных специальных программ содействия развитию занятости в монопрофильных городах // Библиотека местного самоуправления. Вып. 41. – М.: МНФ, 2001. – 128 с.

Мальцева Е.С. Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 1, № 40-3. – С. 41–44.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная миграция расселения в московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. – 2015. – № 1(47). – С. 117–125.

Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – С. 504.

Микрюков Н.Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2016. – 26 с.

Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. – 2009. – № 11. – С. 149–164.

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 103–123.

Некрасова Е.В. Оптимизация внутренней миграции как механизм решения проблем моногородов Свердловской области // Экономика региона. – 2012. – № 2. – С. 315–320.

Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Московского гос. университета. Сер. 5. География. – 2015а. – № 2. – С. 93–100.

Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2015б. – № 3. – С. 41–56.

Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/ros-stat_main/ros-stat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 10.02.2016).

Ощепков А. Ю., Капелюшников Р. И. Региональные рынки труда: 15 лет различий. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – 73 с.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. – М.: Новый хронограф, 2013. – 373 с.

Пономарева А.И. Влияние миграций на региональный рынок труда (на примере Краснодарского края) // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 9. – С. 60–71.

Роцина Т.Г. Работа на выезде как фактор повышения уровня жизни населения (на примере малых городов России): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – 24 с.

Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. – М.: Гелиос АРВ, 1999. – 317 с.

Социальный атлас российских регионов. Тематические обзоры. Региональные рынки труда – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://atlas.socpol.ru/overviews/labor_market/ (дата обращения: 18.05.2017).

Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» (в ред. Федеральных законов от 28.11.2009 № 293-ФЗ, 27.07.2010 № 204-ФЗ). Ст. 6, п. 3.

Флоринская Ю.Ф. Новые формы занятости населения малых российских городов // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Прил. к журналу «Миграция в России». – 2001. – С. 67–78.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда: науч. докл. Вып. 8. – М.: РАНХиГС, 2015. – 106 с.

Флоринская Ю.Ф., Рощина Т. Г. Трудовая миграция как стратегия выживания населения малых городов России // Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран / отв. ред. Ж. Зайончковская. – Кишинев: Молд. ГУ, 2003. – С. 196–201.

Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов. Институты развития демографической системы общества: мат-лы V Уральского демографического форума / под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – С. 184–187.

Чистова М.В. Моделирование и управление региональным рынком труда. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2011. – 176 с.

Шарунина А. В., Гимпельсон В. Е. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 19, № 3. – С. 313–348.

Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Дубна, 2010. – 51 с.

Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 112–122.

Раздел 2
Пригороды крупных
российских городов

Григоричев Константин Вадимович,
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия
grigorichev@yandex.ru

СУБУРБАНИЗМ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ КАК МЕХАНИЗМ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Статья посвящена анализу развития субурбанизма как образа жизни в региональных центрах востока России. На материалах полевых наблюдений и интервью в Омске, Барнауле, Иркутске, Хабаровске рассматривается развитие субурбанизма на основе дач, загородных поселений и частного сектора сибирских городов. Предлагается взгляд на субурбанизм как механизм постсоветской трансформации городов – региональных центров провинциальной России.

Ключевые слова: субурбанизм, Сибирь, постсоветские трансформации.

Формирование новых пригородных пространств и распространение пригородного образа жизни в российской провинции стало не только новым, но и довольно неожиданным феноменом и для властно-управленческих структур, и для академических исследователей. Российский субурбанизм, формирующийся, с одной стороны, в условиях прочно устоявшегося дихотомического описания пространства через оппозицию города и села, а с другой – под большим влиянием специфики советской урбанизации, реализуется в огромном количестве вариантов, типизация которых оказывается весьма проблематичной. Попытки вписать складывающиеся субурбии российских городов в модели, предложенные американским или европейским опытом, как мне представляется, нередко становятся поиском некоего идеального типа пригорода, попыткой увидеть диахронное следование траекториям, сложившимся в других условиях и на иной почве.

Вызывающий острую полемику даже в богатой североамериканской традиции такой подход в российских условиях превращается в конструирование образа субурбии, существующей, по ироничному замечанию Роберта Фишмана, «лишь на планете Голливуд», где «города в полной мере урбанизированы, а пригороды нет, и добросовестные исследователи точно знают, где что находится» [Fishman 1994, p. 35]. Реальные же формы российской субурбанизации оказываются чрезвычайно разно-

---

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание №28.9753.2017/18.9).

образны и крайне редко формируют «чистый» тип пригородного поселения и сообщества. В пределах одного и того же населенного пункта пригородной зоны зачастую соседствуют различные формы пригородного поселения – от стихийной застройки до закрытых коттеджных поселков и малоэтажных микрорайонов. Изменчивые сами по себе эти формы организации пригородного пространства могут сочетаться самым причудливым образом, формируя чрезвычайно подвижное, «текущее» в баумановском понимании [Бауман 2008] пространство, размывающее сложившиеся ранее границы, мобильности, повседневные практики.

Это обстоятельство, как мне кажется, позволяет взглянуть на феномен российского субурбанизма в перспективе постсоветского транзита, определившего отход от «твердого тела» советской традиции к подвижной и непостоянной современности. Моя основная мысль, которую я попытаюсь обосновать в этом тексте, заключается в том, что распространение пригородного образа жизни в российской или, по крайней мере, сибирской провинции¹ стало одним из ключевых механизмов превращения советского города и его пригородной зоны в город «несоветский». В рамках этого процесса советская система организации пространства и социальных взаимодействий, институализированная в рамках «государственного упрощения» [Скотт 2005] как через комплекс управленческих практик, так и языки описания (статистический, нормативный), размывается в логике складывания повседневности через сопротивление предписанной норме [де Серто 2013]. Такой взгляд, как мне представляется, дает возможность не пытаться выявить вектор развития российской субурбии в контексте сложившихся ранее вариантов субурбанизма, а погрузить субурбанизацию в логику процесса постсоветских трансформаций и как институциональных изменений, и как эволюции практик повседневности.

Свой анализ я строю на материалах полевых наблюдений и интервью в Иркутске, Омске, Барнауле, Хабаровске, проведенных в 2009–2016 гг. Определяя субурбанизм как образ жизни [Fava 1956; Walks 2013], я рассматриваю его появление в сибирских регионах, прежде всего, с точки зрения эволюции социального пространства региональных центров и их субурбий. Иные городские поселения, включая большие (более 200 тыс. жителей) города регионального значения, в рамках этого текста остаются вне фокуса моего внимания в силу недостаточности эмпирического материала. Структура текста определяется выделением трех основных сфер, в рамках которых я рассматриваю распространение субурбанизма:

---

¹ Я выделяю сибирские регионы не в силу установленной или предполагаемой специфики развития здесь субурбанизма, а исключительно из-за отсутствия оснований для сравнений с нестоличными регионами европейской части страны в силу крайне неширокого круга публикаций по проблематике российских пригородов [Бреславский 2016].

1) трансформация дач (садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ); 2) субурбанизация населенных пунктов, включенных в сферу влияния города; 3) эволюция частного сектора городов как вариант «внутреннего пригорода». Все приводимые в тексте цитаты из интервью анонимизированы по согласованию с респондентами.

Дачи: от шести соток к gated communities

Дачи определяются исследователями как вариант сезонной субурбанизации [Махрова 2015] и реже – «квазиурбанизации» [Голубчиков, Махрова, Фелс 2010], существенно изменяющий систему размещения населения в летний период и формирующий мощный поток маятниковой миграции в пригородной зоне. Не являясь исключительно российским феноменом, дачи именно в России определяют характерный «советский» ландшафт пригородов крупных городов и одновременно сохранение советских практик взаимодействия горожан с внегородским пространством. Владение дачей, выступавшей ранее важнейшим элементом самообеспечения и рекреации для городских семей, по-прежнему мотивируется в интервью с близких позиций: *«По крайней мере, картошка у меня всегда есть, проживу»* (жен., 56 лет, Иркутск); *«Не нужно мне никакого моря, все-равно не потяну, у меня дача есть»* (муж., 40 лет, Барнаул); *«Европа – это хорошо, но без дачи я свихнусь, я здесь отдыхаю по-настоящему»* (жен., 48 лет, Хабаровск). В качестве особого мотива можно обозначить «связь с землей» как механизм сохранения идентичности: *«Надо в земле покопаться обязательно. А то забудем, откуда мы в городе»* (муж., 54 года, Иркутск).

Важно, что обозначенные мотивы определяют сохранение не только практик взаимодействия с внегородским пространством, но и целенаправленного сохранения связи с сельской средой и традицией, особенно характерное для горожан первого и второго поколения. Вместе с тем практическим всеми информантами – владельцами дач с различных позиций аргументируется сезонный характер таких взаимодействий и связей: наличие жилья в городе (*«Я бы круглый год здесь жила, но там [в городе. – К.Г.] тоже присмотр нужен»* (жен., 56 лет, Иркутск); постоянная занятость в городе (*«Мне же на работу каждый день мотаться»* (муж., 43 года, Барнаул); отсутствие личного автотранспорта или нежелание пользоваться им зимой.

Временность проживания на даче, ее статус как второго жилья в сочетании с отсылками к советской традиции определяют и систему взаимодействий внутри дачных сообществ. Фактически она воспроизводит практики формирования и функционирования таких сообществ, сложившихся более 30 лет назад: от преимущественно немонетарных имущественных отношений (прежде всего, услуг) до неформальных властно-управленческих практик. Отсылками к советским практикам организации дачных сообществ остаются даже в лексике владельцев дач: «председатель», «правление», «отработки», «межевание» и т. п., сохраняющие в значительной мере «колхозные» коннотации.

Распространение практик круглогодичного проживания на даче или, по крайней мере, возникновение условий для этого проживания (капитальные дома с необходимой инженерной инфраструктурой) приходится на середину – вторую половину 1990-х. Наиболее заметным проявлением этого процесса стало появление коттеджной застройки, которую А. Махрова определяет как вариант сезонного субурбанизма [2015, с. 63], а К. Хамфри – как форму элитного потребления [Humphrey 2002], связанного не столько с реальным использованием имущества, сколько с признаками повышенного социального статуса. В большинстве случаев такие коттеджи выступали неотъемлемым атрибутом статуса «нового русского» и не предполагали не только постоянного проживания, но сколько-нибудь регулярного использования. Они лишь номинально создавали альтернативу городскому образу жизни, основанному на коммунальной квартире в городе и даче в пригороде [Humphrey 2002, p. 198] Появление такой коттеджной застройки скорее вписывалось в габитус нового «состоятельного класса» [Бурдые, 1993], но не меняло повседневности основной массы обитателей города и пригорода.

Тем не менее уже к концу 1990-х в сибирских регионах формируются коттеджные поселки круглогодичного проживания, среди жителей которых присутствовали далеко не самые зажиточные слои населения. Многие из них, построенные на территориях, выделенных под СНТ, формально сохраняют этот статус до сих пор. Ярким примером может служить дачный поселок Миловиды, расположенный в нескольких километрах от границы Иркутска, включающий преимущественно домовладения круглогодичного проживания с характерной визуальностью «коттеджных поселков» 90-х, и сохраняющий формальный статус СНТ. Застроенный практически сразу с ориентацией на постоянное проживание, этот поселок уже организацией внутреннего пространства задавал условия для формирования стиля жизни, близкого к «классическому» субурбанизму с его относительной социальной однородностью и почти исключенной возможностью «встречи с чужаком» [Baldassare 1992; Walks 2013].

Однако более распространенными практики круглогодичного проживания в СНТ становятся с момента разрешения регистрации по месту жительства на дачах. Благоустроенные дома на территориях садоводческих товариществ становятся не сезонным/вторым, а первым, а иногда и единственным жильем. Этот процесс хорошо фиксируется визуально в силу заметного контраста с ландшафтом СНТ и зафиксирован полевыми наблюдениями в Хабаровске, Иркутске, Барнауле, Омске, что позволяет предполагать его широкое распространение в дачных массивах крупных региональных центров. В ряде случаев СНТ становятся основой для стихийной организации загородных поселков постоянного проживания, формирующихся в рамках бизнес-проекта застройщика, но на основе стихийной самоорганизации сообщества [Григоричев 2015]. Во всех

выявленных случаях, проживание в таких СНТ определяется респондентами как особый стиль жизни, не тождественный городскому или сельскому: «*как в городе, но не в городе*» (жен., около 30–35 лет, Иркутск), «*на природе, но с городскими удобствами*» (жен., около 55 лет, Омск), «*ни к селу, ни к городу*» (жен., около 35 лет, Иркутск).

Особым случаем дачного субурбанизма, на мой взгляд, становятся старые дачные массивы, вошедшие в черту городов еще в конце 1970–1980-х гг. Подобные массивы, расположенные на непригодных для многоэтажной застройки участках (Иркутск), или отделяющие застройку 1940–50-х гг. от кварталов 1970–80-х гг. постройки (Барнаул), создают почти идеальные условия для жизни «*в городе, но не в городе*» (жен., около 55 лет, Омск). Такие СНТ, расположенные в наиболее рекреационно-привлекательных местах, становятся локальностями «дорогих домов» с видом «на воду», собственной небольшой пристанью и, как правило, с достаточно высокой степенью изоляции. Менее привлекательные для состоятельных горожан дачные массивы становятся зонами расселения небогатых, часто маргинальных, но далеко необязательно люмпенизированных групп. Стиль жизни здесь оказывается достаточно далеким от образов «одноэтажной Америки» и в большей степени воспроизводит черты фавел.

При всем разнообразии вариантов дачного субурбанизма достаточно очевидным представляется общий вектор развития их сообществ: во всех случаях складывающиеся здесь сообщества формируются по типу *gated communities*. В отличие от классического представления о таких сообществах, как о месте и образе жизни верхнего (upper) и среднего класса [Blakely, Synder 1997], формирующиеся поселки и их сообщества складываются преимущественно из представителей нижнего слоя среднего класса: «*менты, продавцы, силовики, коммерсы, работяги, интеллигенция всякая*» (муж., около 35–40 лет, Иркутск). За счет регулирования состава населения и целенаправленного конструирования сообщества дистанция от окружающего пространства, необходимая для жизни в «своем мирке», *gated living* [Brunn 2006], формируется в большей степени изнутри, что обеспечивает едва ли не большую изоляцию, чем в коммерческом коттеджном поселке. И во всех случаях трансформирующиеся подобным образом дачные массивы все дальше уходят от образа и набора практик «шести соток» в пользу закрытых малоэтажных поселков, воспроизводящих пригородный образ жизни.

Село городского типа и город за городом: горожане в негородском пространстве

Наиболее заметной приметой развития субурбий и субурбанизма в сибирских регионах стала миграция горожан на постоянное жительство в пригородную зону. Формы освоения пригорода переселенцами из региональных центров чрезвычайно разнообразны. На мой взгляд, можно выделить четыре основные: закрытые малоэтажные поселки, нерегули-

руемая перестройка ближайших к городу сельских поселений, стихийная застройка земель вне населенных пунктов, микрорайонная застройка.

Загородные поселки постоянного проживания, застраиваемые по более или менее регулярным планам как коммерческий проект и обеспечивающие отграничение территории поселка (физическое и/или символическое) от окружающего пространства, типологически наиболее близки понятию закрытого сообщества (*gated community*), устоявшемуся в англоязычных исследованиях [Low 2003]. Интенсивность развития этой формы субурбанизации показывает активное включение такой загородной недвижимости в риэлторские операции. Летом 2015 г. иркутский сайт-агрегатор предложений недвижимости «Ивенст38» информировал о более чем 30 подобных поселках, распределенных в зависимости от цены по категориям «элит», «бизнес», «универсал», «эконом» [Коттеджные...] Разделение предложений по указанным ценовым категориям свидетельствует, на мой взгляд, с одной стороны, о достаточно широком и сложно структурированном спросе на загородную недвижимость, а с другой – на отход от представлений о подобном жилье как форме элитного/статусного потребления. Проживание в загородном коттеджном поселке из признака высокого статуса стало выбором стиля и ритма жизни, организации жилого пространства.

Менее революционной, но также хорошо заметной формой проникновения горожан в пригородную зону стал процесс перестройки деревень. Купленные в ближайших к областному центру поселениях деревенские дома уже с середины «нулевых» в большинстве случаев не используются как сезонное жилье (вариант дачи), а перестраиваются для круглогодичного проживания, превращаются в первое, а в ряде случаев и единственное жилье. Единичные поначалу подобные домовладения уже к исходу 2010-х гг. радикально изменили и архитектурных облик пригородных деревень и состав жителей: *«Кто живет? Городские, конечно! Вокруг меня, считай, деревенских уже практически не осталось»* (муж., 38 лет, Иркутск, житель пригородного села). Как показывают полевые материалы иркутского, барнаульского и омского кейсов, в наиболее привлекательных для горожан селах пригорода (расположенные по федеральным или крупным региональным автодорогам в радиусе 25–35 км от областного центра, обладающие развитой для села инфраструктурой, в том числе с одной-двумя полными средними школами) значительная часть усадеб приобретены переселенцами из города.

Изменение состава жителей радикально меняют систему отношений в локальных сообществах, вытесняя на периферию традиционные сельские иерархии и заменяя ее новой структурой статусов, основанной на значимости карьерной позиции и неформальных связях в городских сообществах. Замкнутая локальная система взаимодействий, свойственная сельскому социуму, замещается здесь транслокальными связями с

городом. Новая система отношений определяет развитие нового набора практик, создающихся и реализуемых здесь и сейчас как ответ на неизвестную ранее ситуации «ни города, ни села». Аprobация новых практик порождает в пригородных сообществах сложный синтез формализованных отношений города (фиксация договорных отношений, монетизация взаимных услуг, блат как специфическая черта советского города) и традиционную слабо монетизированную систему отношений сельских сообществ, сохраняющую как важную составляющую элементы дарообмена в классическом прочтении М. Мосса [1996].

Однако массовость миграции горожан в пригородные поселения быстро выявила ограниченность пространства этих сел, что привело к бурному освоению земель, находящихся вне черты населенных пунктов. Стихийная усадебная застройка на землях, относящихся к категории земель сельскохозяйственного назначения, привела к росту фактической площади многих пригородных сел в несколько раз. Основой для этого стало введение в оборот в новом качестве земли, распределенной между бывшими членами колхозов после ликвидации хозяйств. Корреляция между формами сельскохозяйственных предприятий, существовавших до начала 1990-х, и динамикой стихийной застройки на таких землях прослеживается вполне отчетливо во всех изученных кейсах. Позднее, когда спрос на участки под застройку стал очевиден, развивается система неформального оборота земли в пригороде, в которой первоначальные владельцы колхозных земельных паев уже не играют решающей роли [Тимошкин, 2017].

Строительство дома и усадьбы за пределами формальной черты пригородных поселений погружает горожанина в пространство своеобразного фронта, где взаимодействие с природой (бывших земель сельхозназначения) и локальным сообществом ведется на свой страх и риск. Ситуация фронта, свойственная мировым городам и крупным мегаполисам [Сассен 2013], для «нормального» советского города и горожанина была не характерна. Исключения представляли лишь молодые города в период их строительства, однако уже для второго и последующих поколений жителей город как фронт становится лишь героической историей, полностью уходя из современности. Жители же застроенных «сельхозземель» оказываются одновременно включены и в «нормальную» повседневность города, где они проводят большую часть будних дней, и в жизнь фронтального пригорода, где ежевечерне и каждый уикенд решают проблемы, бесконечно далекие от типичного горожанина.

Во всех обозначенных вариантах повседневность пригорода приводит к выработке качественно нового стиля жизни, задаваемого, прежде всего, специфическим бюджетом времени. Собственный дом и усадьба определяют заметные временные затраты на их поддержание, «привязывающие» жителя пригорода: *«Я к дому привязан. Мне после работы не в бар «на пиво», а домой ехать нужно. Вроде, все по мелочам,*

ничего всерьез не сломалось, но все время что-то делать нужно. Дом есть дом. Привязывает к себе» (муж., 38 лет, Иркутск). Такая «привязка» меняет и практики рекреации: типичным времяпрепровождением жителя пригорода становится отдых в пределах своей усадьбы, активный отдых «на природе» в непосредственной близости от своего населенного пункта. С другой стороны, городская занятость накладывает жесткие ограничения на возможности ведения подсобного хозяйства, типичного для сельского поселения. В усадьбах пригородных поселений, где преобладают переселенцы из городов, почти невозможно найти масштабных огородов и скотных дворов. Уходят подобные сельские практик и из повседневности коренных сельских жителей, втягивающихся в процессы субурбанизации: городская занятость определяет отказ от масштабного подсобного хозяйства, мягко, но неумолимо приводя к отказу от элементов самообеспечения: *«Муж как начал работать в городе, так пришлось от скотины отказаться – кто его на покос отпустит на неделю? Потом и огород забросили, так несколько грядок осталось. Сначала было жалко денег тратить на то, что сами [выращивали. – К.Г.], но потом привыкли»* (жен., около 35 лет, Иркутск).

Во всех случаях, как мне представляется, в пригородных поселениях складывается специфический образ жизни, не вписывающийся в дихотомическую модель «город – село» физического и социального пространства. Наполняя поляризованное пространство новыми промежуточными сущностями (от форм застройки поселений до специфических бюджетов времени и практик повседневности), формирующийся субурбанизм сибирской провинции все менее соответствует «карте пространства», номинированной еще советским административно-территориальным делением и стереотипным восприятием «сельского» и «городского» образа жизни.

Пожалуй, наименее заметно уходит от городских практик повседневность жителей загородных микрорайонов, строящихся с претензией на соответствие модели окраинного города (Edge City). Однако в этой модели освоения загородного пространства элементов субурбанизма почти не остается: почти не предлагая собственной инфраструктуры занятости, такие микрорайоны превращаются, скорее, в отдаленные городские «спальники». Показательно, что жители таких микрорайонов активно выступают за включение их в состав городского округа, что разительно контрастирует с позицией жителей иных загородных поселений. С другой стороны, не менее показательны провалы бизнес-проектов строительства небольших микрорайонов из 4–5-этажных домов на значительном (несколько километров) удалении от городской черты. Отсутствие каких-либо перспектив для включения в состав города в сочетании с типично городской организацией жилого пространства (квартира) не позволяют определить здесь модель жизненного уклада: уже не город, еще не пригород.

Частный сектор: от городской стигмы к внутреннему пригороду

Эволюция частного сектора российских городов, стремительно протекающая последние 10–15 лет, остается крайне слабо отрефлексирована в академическом тексте и едва ли не меньше – в управленческой практике. Описанный как механизм слободизации российского города [Глазычев 1995], задающего тренд рурализации городской среды [Нефедова 2013] и городских отношений, выстраиваемых мигрантами из села [Карбаинов 2007], этот сегмент российского города остается таким в комплексе стереотипных представлений. Для исследователей и горожан – это своего рода стигма, родимое пятно советского города, определяющее «не городской» облик его более или менее заметных частей. Для городских властей и планировщиков-градостроителей – это узел сложно разрешимых проблем (от инфраструктурных до криминальных) и одновременно – резерв городского пространства для перспективного развития. Всех их объединяет представление о частном секторе как о явлении временном, которое неизбежно должно быть заменено подлинно городской средой. Важно, что среди жителей многоэтажных («подлинно городских») кварталов бытует устойчивое представление о жителях частного сектора как о маргинальной группе, часто люмпенизированной и криминальной.

Действительность, однако, все дальше уходит от таких представлений. Полевые работы во всех четырех обозначенных кейсах показали схожий вектор и динамику эволюции частного сектора. Прежде всего визуально фиксируется изменение архитектурного ландшафта: одноэтажный неблагоустроенный «деревенский» дом перестает быть господствующим типом, уступая место двухэтажным домам из современных материалов с локальными системами водоснабжения и водоотведения. Подобная перестройка ведется как коренными жителями частного сектора, так и приезжими из иных населенных пунктов и, что особенно важно, из других частей города, нередко со сменой квартиры на частное домовладение.

Выбор такого проживания вполне рефлексивен: в интервью респонденты аргументируют выбор такого жилья и такого образа жизни не через вынужденность решения, а через преимущества, которые дает такое решение. Позволю себе привести развернутую цитату из интервью: *«Почему дом, спрашиваешь? А зачем квартира? Вот что я мог купить – ну «трешку», квадратов на 80. А здесь у меня по документам жилия [площадь. – К.Г.] – 80, второй этаж – вроде как мансарда нежилая. Никто же не будет проверять, что у меня туда отопление заведено. Сам топлю, сам развожу трубы, куда нужно мне. Вода, «каналья» [канализация. – К.Г.] – все как в квартире, только что раз в год нужно септик почистить. Но это 3 рубля [3 тысячи рублей. – К.Г.], вон через дом у ... [имя знакомого. – К.Г.] «бочка» [ассенизаторская машина. – К.Г.]. Гараж, сам видишь – не толкаясь, пара машин, и работать можно.*

Зимой печка, в тепле все делаю. А город, город вон он¹» (муж., около 65 лет, Иркутск). Приведенная цитата раскрывает почти весь спектр аргументов в пользу выбора жизни в частном секторе. Не останавливаясь на очевидных моментах, отмечу, что важнейшим преимуществом такого образа жизни, не вербализированном, но контекстуально присутствующем во всех аргументах, является наличие широкого спектра неформальных практик. В отличие от жилья в многоквартирном доме, частный дом существенно расширяет возможности для функционирования практик, лежащих в «серой» зоне и не являющихся в полном смысле криминальными. В приведенной выше цитате видно, что фактическое расширение жилой площади произведено не за счет прямого хищения энергии (дом отапливается локально за счет собственника), а путем сокрытия некриминальной деятельности.

Еще одним аргументом в пользу проживания в перестроенном частном секторе, встречающемся в большинстве интервью, является узость, даже некоторая закрытость локальных сообществ. Совершенно типовые высказывания «здесь все меня знают», «здесь все друг друга знают», «здесь чужих нет». Фактически через них воспроизводится одна из ключевых характеристик субурбанизма как образа жизни – низкая вероятность встретить чужого [Walks 2013]. В сочетании с постепенным исчезновением неблагоустроенности жилья как важнейшего признака частного сектора советских городов этот сегмент современного крупного российского города все больше становится «несоветским».

Эволюция частного сектора может идти, как и развитие внешнего пригорода, самыми разнообразными путями. Помимо стихийной перестройки, не меняющей в целом пространственную организацию, в усадебной застройке появляются закрытые пространства, живущие по модели «gated community». В миллионном Омске, сохраняющем огромные массивы частного сектора, выявлено как минимум 7 организованных коттеджных поселков, построенных на основе выкупленных домовладений в частном секторе. В этом случае выкупленные постройки полностью сносились, а пространство застраивалось по единому плану. Другой вариант, также зафиксированный в Омске, – перестройка нескольких усадеб в полноразмерные коттеджи с сохранением исходной пространственной организации (улиц и переулков, границ усадеб), но отделенной забором и шлагбаумами на въезде с основной улицы.

Во всех случаях частный сектор становится не только местом жизни, но и районом ведения мелкого бизнеса, полноценной альтернативой «гаражной экономике» [Павлов, Селеев 2015]. Это не только небольшие магазины, кустарный ремонт или производство силами одной семьи, но и вполне заметные бизнес-проекты: мини-гостинцы и развлекательные

---

¹ Интервью взято в частном домовладении, расположенном примерно в 400–500 м от многоэтажной застройки.

центры (Хабаровск), мастерские по изготовлению дополнительного оборудования для машин повышенной проходимости, центры ритуальных услуг (Омск), производство мебели, предоставление услуг специализированного транспорта (Иркутск) и др.

Таким образом, частный сектор из стигматизированного наследия советской урбанизации, слободизировавшего российские города, постепенно, фрагментарно и неравномерно превращается в зону достаточно комфортного проживания. Фактически такие трансформации превращают частный сектор в специфический вариант пригорода, который с долей условности можно обозначить как внутренний пригород. Ключевым его признаком является воспроизводство здесь не урбанизма, а субурбанизма как базовой модели повседневности. Жители такого внутреннего пригорода воспроизводят практики не горожан в первом поколении («городских сельчан»), характерных для частного сектора, а горожан в сельской местности («пригорожане»), которые широко встречаются в новых пригородах изученных городов.

Темпы этого процесса не одинаковы не только в различных городах, но и в разных частях одного города. Так, и в Омске, и в Иркутске можно найти как участки частного сектора, полностью воспроизводящие стереотипное представление о слободизированном советском городе, так и локальности, достаточно точно вписывающиеся в представление о внутреннем пригороде. Однако наблюдается это процесс в каждом из рассмотренных случаев. Это позволяет, как мне кажется, говорить о том, что частный сектор становится одной из перспективных зон распространения субурбанизма в российских городах. В отличие от случаев в США и иных странах классического субурбанизма, российскому горожанину далеко не обязательно выезжать из города, чтобы сменить городской образ жизни на пригородный. Достаточно изменить свое пространство, вписав его в логику иного образа жизни.

* * *

Субурбанизм как новый образ жизни распространяется в сибирской провинции достаточно широко и уверенно. Настаивать на повсеместности и тем более однотипности и синхронности этого процесса на основе четырех, пусть даже очень показательных, кейсов невозможно. Безусловно, необходимо говорить о широкой вариативности этого процесса в российских условиях. Специфика регионов и предшествующего развития региональных центров в значительной мере определяют и особенности развития пригородных пространств и сообществ пригородной зоны и частного сектора в логике path dependence. Однако сам факт наличия субурбанизации как нового для провинциальных городов процесса очевиден.

Процесс этот динамичен и неоднороден как по скорости протекания, так и по внутренней структуре. Даже выделенные три сферы развития субурбанизма как образа жизни весьма условны и далеко не всегда

предоставляют достаточные условия для развития постоянных загородных поселений. Так, часть СНТ остается типичным пространством «шести соток», несмотря на соседство с иным товариществом, где развивается полноценный загородный поселок. Значительные участки городского частного сектора остаются маргинальным пространством, далеким как от городского образа жизни, так и субурбанизма. Наконец, коттеджные поселки нередко остаются элементом статусного потребления, демонстрирующего дистанцию от основной массы горожан, как например, закрытый коттеджный поселок в одном из городских парков в центре Омска.

Таким образом, можно наблюдать процессы формирования практик повседневности, не характерных ни для города, ни для сельской местности в чистом виде, существование которых в дихотомическом пространстве советского города и села было невозможным. Иными словами, распространение субурбанизма стало одним из механизмов постсоветской трансформации советской системы организации и описания пространства города и пригорода. Специфичные формы субурбанизации, их причудливость и изменчивость, как мне представляется, хорошо отражают логику функции субурбанизации в России как одного из механизма постсоветской трансформации.

Распространение пригородного образа жизни порождает новые институты и широкий набор практик, отличающих современный крупный провинциальный город Сибири от города советского, с его достаточно жесткой логикой развития, вписанной в «твердое тело» генерального плана. Многообразие и подвижность «пригородных форм жизни» хорошо укладывается в баумановскую логику перехода от «твердых тел» традиционализма к текучести современности, которой может быть описан процесс постсоветского развития города.

Однако идея субурбанизма и пригородного образа жизни не только задает логику подвижности, но и предлагает вектор развития для города и горожан. Яркой иллюстрацией этой идеи, на мой взгляд, является зафиксированный в омском кейсе визуальный оксюморон: коттеджный поселок, где большинство усадеб сочетают продолговатые почтовые ящики с эмблемой федеральной почтовой службы США и посадки картофеля на «ничейной земле» между оградой коттеджа и дорогой. Если первые символизируют идею субурбанизма как некоей цели движения, то вторые – прошлое, которое определяют специфику пути к этой цели.

Литература и источники

- Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 239 с.
- Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. Социология. Этнология. – 2016. – № 1. – С. 79–102.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 2. – С. 137–150.

Глазычев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М., 1995. – С. 63–88.

Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки) // Вестник Московского гос. университета. Сер. 5. География. – 2010. – № 3. – С. 48–54.

Григоричев К.В. Воображенное сообщество: конструирование локальности в неинститутизированном пространстве пригорода // Лабиринт. – 2015. – № 1. – С. 46–56.

Де Серто М. Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013. – 330 с.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 136–140.

Коттеджные поселки Иркутска. Сайт компании Инвест38 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://invest38.ru/cottage?&sort=rate&page=> (дата посещения: 16.05.2017).

Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского гос. университета. Сер. 5. География. – 2015. – № 4. – С. 59–67.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 82–222.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.

Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современной промышленной деятельности // *Universum: Общественные науки : электрон. научн. журн.* – 2015. – № 3(13) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013> (дата обращения: 18.05.2017).

Сассен С. Старые границы и новые пограничные возможности: город как зона фронта [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – Режим доступа: http://2013.strelka.com/blog_ru/sassen-cities-as-frontier-zones/?lang=ru (дата обращения: 16.05.2017).

Скотт Дж. Благими намерениями государства. – М.: Университетская книга, 2005. – 568 с.

Тимошкин Д.О. «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 149–165.

Baldassare M. Suburban Communities // *Annual Review of Sociology.* – 1992. – Vol. 18. – P. 475–494.

Blakely E.J., Synder M.G. Fortress America: Gated Communities in the United States. – Washington DC and Cambridge, MA: Brookings Institution Press & Lincoln Institute of Land Policy, 1997. – 208 p.

Brunn, S. Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear // *GeoJournal.* – 2006. – Vol. 66. – P. 5–13.

Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review. 1956. – Vol. 21, No. 1. – P. 34–37.

Fishman R. Urbanity and Suburbanity: Rethinking the “burbs” / R. Fishman // American Quarterly. – 1994. – Vol. 46, No. 1. – P. 35–39

Hampfrey C. The Unmaking of Soviet Life. Everyday Economies after Socialism. – Itaca&London: Cornell University Press, 2002. – 265 p.

Low S.M. Behind the Gates: Life, Security, and the Pursuit of Happiness in Fortress America. – New York: Routledge, 2003. – 275 p.

Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. – 2013. – Vol. 50(8). – P. 1471–1488.

Казакова Анна Юрьевна,

Калужский государственный университет

им. К.Э. Циолковского,

Калуга, Россия

kazakova.a.u@yandex.ru

ПРИГОРОДНАЯ ЗОНА КАЛУГИ: СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ, ТИПЫ ОБИТАТЕЛЕЙ И ВАРИАНТЫ СУБУРБАНИЗМА

Статья представляет основные итоги монографии автора «Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития», основанной на данных количественных эмпирических исследований пригородной зоны Калуги. Поскольку система пригородного расселения в российских регионах неоднородна, анализ ее структуры и динамики, преимуществ и недостатков, социальных типов населения позволяет обозначить и региональную специфику, и общероссийские тенденции становления субурбанизма.

Ключевые слова: поселенческая структура, субурбанизм как образ жизни, мотивация и детерминация; социальный тип обитателя.

Работа посвящена выявлению критериев субурбанизма – пригородного образа жизни – и региональной специфики его становления. Основные методологические посылы работы следующие.

Независимо от конкретного сегмента социальных групп или жилищных классов, использующих пригород как селитебную территорию или место осуществления другой активности, пригородный образ жизни характеризуется пространственно-временной расчлененностью, различными проявлениями сезонности, потреблением городских ресурсов и стремлением к автономии, доходящей до изоляционизма. В силу этого в любую историческую эпоху социальными субъектами функционирования пригорода являются постоянные, временные, сезонные жители и гости. От степени их социальной однородности и комплементарности их

субкультур зависит конфигурация типичных активностей, теснота и структура соседских взаимодействий, территориальная идентичность жителей.

Исторически сложилось сосуществование на территории пригородных зон России нескольких обособившихся в качестве культурных форм стилей жизни: элитарный стиль «барской усадьбы или дворца», современного особняка; «дачничество», которое еще нельзя считать субурбанизмом в полном смысле, поскольку имеет место сезонная цикличность в попеременном использовании двух типов пространств, и «зимородство» как собственно пригородный образ жизни, связанный с распределением жизненных ритмов в обоих типах пространства одновременно. Почти не получили развития в России ни академические городки-кампусы, ни классические фавелы, хотя распространение трущоб выражено повсеместно в ветшающем жилфонде агрогородов и рабочих поселков. Самоизолирующиеся сообщества в виде колоний, коммун, общин на базе сельских поселений обнаружить трудно, но похоже, они никогда не исчезали в России, принимая различные формы в зависимости от эпохи и содержания интересов, становящихся основой объединения. Несмотря на все разнообразие исследовательских типологий, мы полагаем, универсальные элементы субкультуры пригородов независимо от их классовой, исторической, архитектурной дифференциации все же существуют, поскольку они обусловлены общими закономерностями функционирования пригородов, их положения в физическом пространстве и территориальностью жителей.

Противопоставление субурбанизма урбанизму принципиально и существенно, мы, действительно, имеем право говорить о наличии особой субкультуры пригорода, отличающей его от города и деревни. В попытках концептуализации субурбанизма в России наибольших успехов добилась на сегодняшний день не социология, социальная психология и даже не культурология, а история. Именно историки пытаются проследить историческую преемственность древнерусского посада и современного предместья, осуществить периодизацию развития российских пригородов, учитывая при этом особенности их материальной и духовной культуры. Ключевое основание этой дифференциации, по нашему мнению, определяется позиционной (структурной) маргинальностью пригорода в городском пространстве как проекцией маргинальности жителей, отмеченных стигмой «ненормальных» как позитивного, так и негативного оценочного смысла.

Исследования в Калуге

Сбор эмпирических данных проводился нами в границах муниципального образования «Город Калуга» в 2011, 2013–2015 гг. в рамках трех проектов РГНФ, в соответствии с тематикой которых менялись аспекты научной проблематики и используемые методики.

Данные 2011 г. показали, что для разных сегментов обитателей пригородов, выделяемых по признаку постоянства проживания, характерны неодинаковые стратегии демографического, трудового, досугового и покупательского поведения. За счет определения доминирующих вариантов мотивации пригородного образа жизни мы выявили социальную обусловленность (стимулирующие и сдерживающие факторы) развития пригородного образа жизни различных социальных страт, ключевые проблемы населения пригородной зоны, снижающие уровень его удовлетворенности жизнью и оказывающие негативное влияние на территориальную идентичность и образ города. В целом территориальное поведение жителей пригородной зоны Калуги, обусловленное стратификационными, социокультурными и инфраструктурными факторами, существенно отличается от жителей «внутреннего города».

Оценка динамики развития пригородной зоны Калуги в 1990–2000-е гг., позволила в 2013 г. выявить специфику миграционных и ротационных социально-демографических процессов за истекшее двадцатилетие; определить общие тенденции увеличения/уменьшения численности населения пригородов, а также присутствие в сельских поселениях областного центра элементов лишь формирующегося в России пригородного образа жизни.

Калужские пригороды – преимущественно сельские поселения, достаточно однородные по источнику/инициатору происхождения, функциональному назначению, географическому расположению, ландшафту, благоустроенности и транспортной доступности, развитию хозяйственно-экономической деятельности организаций. Поэтому описание социально-демографического и социоэкономического состава, а также типового «социального портрета» (профиля) населения пригородной зоны Калуги с помощью кластерного анализа подчеркивает в первую очередь дифференциацию пригородов и внутреннего города, хотя в процессе анализа учитывалось и внутригрупповое варьирование.

Ключевые дифференцирующие признаки населения пригородной зоны – жилищно-бытовые условия, риски (социальные, экологические, техногенные, природные, криминальные и пр.), с которыми сопряжено проживание в городе и пригороде, уровень престижа, который основан отчасти на отражении объективных условий жизни, отчасти на механизме стигматизации. Основным результатом исследования стала верификация положения о наличии специфических для городской и сельской территориально-поселенческой общности локальных (обусловленных местом в социальном пространстве) жизненных рисков, различном уровне жилищно-ресурсной обеспеченности и разном культурном стандарте жилищных условий, что и становится одним из факторов формирования особого – отличного и от городского, и от сельского – пригородного образа жизни, объединяющего постоянное и сезонное население пригородной зоны.

В 2015 г. вопрос территориальной идентичности горожан рассматривался нами в контексте мобилизационного потенциала локальных сообществ и культурно-исторического потенциала территорий их проживания. Верифицируя широко распространенное мнение о духе «общинности», который сильно выражен в пригородных локальных сообществах, мы признали его спекулятивным, почерпнутым из американской литературы и не согласующимся с современными российскими условиями (прежде всего, в виду высокой социальной разнородности соседства).

Наряду с барьерами, сдерживающими пригородное расселение и социально-экономическое развитие пригородов, мы рассмотрели и ресурсы повышения привлекательности пригородов с учетом возможностей как постоянного, так и сезонного их использования в качестве селитебных территорий и мест различных видов активности для разных социальных групп.

Обработка данных и подготовка текста монографии осуществлены в 2015–2016 гг., в 2017 г. издание подготовлено ООО «Вузовское образование» (Саратов) к размещению в ЭБС IPRbooks. Структура работы не соответствует хронологии сбора данных: она подчиняется логике аналитического поиска ответа на вопрос, можно ли в пригородах современной Калуги обнаружить индикаторы классического пригородного образа жизни, сформировавшегося в послевоенной Америке. В главах, на которые разбит текст, рассматриваются отдельные признаки – атрибуты пригородного образа жизни (точнее, их калужские «аналоги»). Основная часть книги состоит из 12 глав, шесть из которых были опубликованы в виде самостоятельных научных статей в рецензируемых журналах, а одна, дополненная повторно-сравнительным исследованием, стала главой коллективной монографии «Исследования субурбанизации и пригородного образа жизни: реферативно-аналитический обзор»; «Пригородная зона Калуги: функции и динамика поселенческой структуры»; «Городские сельчане: социальный портрет населения пригородной зоны Калуги»; «Миграционная проницаемость и риск утраты культурной самобытности»; «Эффективность ТОС в оценках жителей: факторы дифференциации»; «В поисках “среднего класса”»; «Уровень жизни и его устойчивость»; «Качество жилья и надежды на его повышение»; «Пригород как зона эксклюзии»; «Низкое качество жизненной среды и территориальная идентичность»; «Сосед как источник опасности. Территориальные связи в городе и пригороде»; «Мотивация пригородного образа жизни в условиях пригородной эксклюзии»; «Культурный потенциал преодоления территориальной стигмы».

Анализ проблем развития современных калужских пригородов позволяет сделать ряд выводов, которые, вероятно, характерны для провинциальных пригородных поселений и других российских регионов.

Калужский пригород сегодня составляет специфическую функциональную зону, отличающуюся от других частей городского пространства по характеристикам всех компонентов жизненной среды: природному, технико-технологическому, информационно-коммуникативному, социальному. Пригородные домохозяйства старше, «болезненней», многочисленней, беднее, пессимистичней, чем внутри городской черты.

«Фронтирность» пригорода [Григоричев 2013] в калужских условиях становится особенно очевидной с учетом того, как меняются границы пригородной зоны и численность ее населения. Резкие «спады» или «взлеты» числа населения отражают не столько закономерности социально-экономического развития, сколько поглощение городом близлежащих населенных пунктов, изменение административных границ городской черты. Это означает, что пока демография пригородов является лишь отражением и продолжением демографии «внутреннего города». Так, например, «исчезновение» 1900 жителей поселка Резвань в промежутке с 2002 до 2011 г. означает всего лишь их групповой переход в статус «собственно городских» жителей. Численность сельского населения Калуги остается относительно постоянной величиной на протяжении десятков лет, не позволяя говорить ни о депопуляции, ни об интенсивной субурбанизации пригородной зоны.

О субурбанизационной тенденции можно говорить применительно к короткому отрезку времени с 2009 по 2011 г., когда относительный годичный прирост сельского населения Калуги (%) опережал прирост городского в 142, 3, 13 раз соответственно. В этот период проектировались, закладывались и заселялись коттеджные поселки, рассчитанные на разные слои населения, в том числе эконом-класса с ориентацией на молодые семьи, работающих по найму квалифицированных специалистов, вводились в эксплуатацию новые предприятия, в том числе иностранные. Но с 2012 г., несмотря на включение в административную черту бывшего пгт Куровское, насчитывавшего более 3 тыс. жителей, вновь наметилась убыль сельского населения на фоне стабилизации численности городского. Из рис. 1 (см. прил. 4) видно, что линии, отражающие развитие города и пригорода до 2012 г., имеют собственную траекторию, а с 2012 г. приходят как бы в отношения обратной зависимости: если растет численность городских жителей, убывает численность сельских, и наоборот. Анализ естественной и миграционной убыли/роста населения города показывает, что и в 2011 г., и в последующие годы пригород рос исключительно за счет миграции, а колебания связаны с внутригородскими ротациями (переезды горожан в пригород, и наоборот). За счет миграции в 2014 и 2015 гг. население пригородной зоны выросло: сельское население Калуги на 01.01.2013 г. составляло 15793 чел., на 01.01.2014 г. – 16 221, на 01.01.2015 г. – 16 207 чел. Но доля пригородного населения в общей численности горожан остается почти одинаковой.

Таким образом, сегодня в калужских пригородах субурбанизации нет. Пригород растет за счет въездной миграции, становясь «донором» успешно адаптировавшегося населения для внутреннего города.

Калужане остро переживают миграционный риск утраты самобытности, что актуализирует защитные механизмы в первую очередь у жителей пригородов и исторического центра, которые являются наиболее консервативной, заинтересованной в стабильности, маломобильной частью городского населения. Вместе с тем именно пригород выступает основной «адаптационной площадкой» для въезжающих в город мигрантов, и доля автохтонного населения в различных частях пригородной зоны колеблется в пределах 25–35 %. Пригородная зона, таким образом, – наиболее вероятная зона возникновения острых межэтнических конфликтов, вплоть до возможных вспышек насилия. Для этого мы видим три основных причины: самая высокая миграционная проницаемость (доступность для «оседания» мигрантов), самый низкий уровень жизни (как говорилось ранее, чем ниже уровень жизни и выше уровень безработицы территориально-поселенческой общности в целом, тем выше внимание к мигрантам, а обе эти проблемы являются наиболее острыми именно в пригородной зоне), самая высокая обеспокоенность сохранностью культурного наследия на фоне чувства собственной «выброшенности» за пределы культурно-коммуникативного пространства города. Миграционная угроза, с одной стороны, консолидирует территориально-поселенческую общность, становится ее интегративным фактором, повышает эффективность деятельности ТОС, с другой – служит дополнительным фактором снижения привлекательности жизни в пригороде для части его обитателей. «Свое» (автохтонное) население стремится покинуть пригород, не рассматривая его как благоприятное место жительства.

Помимо внешней миграции, пригород «подпитывается» также сезонными жителями и выходцами из районов области, стремящимися переселиться в областной центр. Дачники, сезонные жители составляют в числе обитателей пригородной зоны примерно 34–40 %.

Хотя в 2013 г. каждый третий сезонный житель задумывался о том, чтобы сделать загородное (второе) жилье основным либо выстроить его заново, в 2014 г. наш анализ субъективного экономического благополучия калужан показал, что современный калужский пригород никоим образом не является средоточием «среднего» класса. Пригород предстает как зона социальной эксклюзии, где сегрегация осуществляется по медико-демографическим и жилищно-имущественным основаниям, формируя самый низкий в городе высокоустойчивый уровень жизни, не дающий надежд на его сколько-нибудь заметное улучшение. Даже с учетом возможного повышения уровня индивидуального благосостояния у отдельных категорий жителей пригородов их доля, согласно

автопрогнозам 2014 г., в ближайшее время не превысит 12 ± 5 %. Это значение, характеризующее ожидания наиболее обеспеченной части жителей пригородов, совпадает и с полученными нами в 2013 г. данными, позволявшими приблизительно оценить долю состоятельных жителей внутреннего города, находившихся тогда в процессе строительства загородного жилья, для того чтобы осуществить переезд (14 %). Но на фоне роста всеобщего неблагополучия, скатывания в нищету основной массы односельчан и усиления въездной миграции они скорее начнут формировать замкнутые изолированные и достаточно агрессивные сообщества, чем составят «подушку безопасности» против деградации поселения в целом.

Как показано в главе «Сосед как источник опасности», типично «сельский» социальный контроль усиливает подозрительность коренных жителей и старожилов по отношению к соседям, заставляет их придирчиво и недружелюбно воспринимать приезжих, особенно в условиях низкого уровня жизни и вынужденной праздности. Но ожидать «исхода» в пригороды обеспеченных слоев городского населения не приходится. Нужная социально-экономическая база пока не сформировалась и в Калуге в целом.

На момент проведения опроса в 2014 г. молодые, трудоспособные, физически активные работающие калужане, прогнозировавшие у себя рост доходов в 2015 г., одновременно были достаточно удовлетворены и своими жилищными условиями. Надежда их улучшить зависела преимущественно от тех же факторов, что и надежда на общий рост материального благополучия, и, как мы выяснили, субъективный фактор оптимистичности и активности респондента не мог существенно исказить картину прогнозной динамики. Изменение жилищных условий калужан зависело в первую очередь от объективных факторов, а сочетание возможности и желания (положительный ответ на вопрос о планах по улучшению жилищных условий у респондентов, чей уровень жизни соответствовал «относительному достатку» и «обеспеченности») характеризовало не более 6 ± 5 % горожан (включая жителей пригородов).

С учетом выявленной нами толерантности населения к низкому качеству жилищных условий, осторожности в обращении с жилищными займами, к которым прибегают в рамках не стратегии повышения качества жизни, а стратегии избегания риска, даже при самых благоприятных обстоятельствах 11 % жителей, одновременно способных и стремящихся улучшить жилищные условия, могут выбрать пригород как место постоянного жительства только в двух случаях: как меньшее из двух зол (если безопасность внутреннего города будет стремительно падать) или как перспективную для реализации «анархо-индивидуалистических» установок «серую» зону внеинституциональности (вышеупомянутая концепция пригорода как фронта). А в последнем случае едва ли можно

ждать от хозяев-индивидуалистов заботы о «коллективном благе» локальных пригородных сообществ.

Собранные нами данные согласуются и с теми, которые получают исследователи в других регионах России. В статье Т.Ф. Волковой, посвященной развитию пригородной зоны Пензы, рассматриваются потребительские характеристики пригорода как селитебной зоны, в ряду которых социально-экономическое равенство соседей занимает последнее место. «Сложилась вполне определенная картина предпочтений жителей города к формированию жилой среды в пригороде. Очевидно, что она отличается от предпочтений жителей крупнейших (столичных) городов ... Результаты обследования продемонстрировали доминирующее значение наличия индивидуального участка, охраняемость территории. Большое значение имеют городские функции, перенесенные в пригород (торговый центр, школа, места хранения личного транспорта). “Равное соседство” для этой территории пока не имеет большого значения» [2015, с. 54–55]. В числе мотивов, которыми руководствовались сезонные обитатели калужских пригородов, в том числе ориентированные на переезд, в 2013 г., упоминания социальных связей, потребности в неформальном дружеском общении, соблюдение традиций своей социальной группы почти не фигурировало. Редкие упоминания встречались только в ответах постоянных жителей – уроженцев пригородных поселений. Но противоречия наших данных 2013 г. и согласующихся с ними пензенских данных 2014 г. нашим выводам о настороженно пристальном отношении городских сельчан к соседям, которые сделаны по итогам исследования 2014 г., мы не видим. «Равное соседство» действительно недооценивается жителями внутреннего города на стадии выездов и подготовки к переезду в пригород. Давление урбанизма ведет к тому, что горожанин покидает город не в поисках «себе подобных», а в поисках одиночества. Но уже на стадии адаптации к новой жизненной среде социальная неоднородность с позиций эскапизма как ведущего мотива переезда оказывается фактором, дополнительно снижающим качество этой среды.

На этом фоне развивается и усиливается «приватизм» как ключевая, ведущая установка и базовый паттерн взаимодействий для основной массы жителей пригородной зоны. Приватизм свойствен не только новичкам. Старожилы сторонятся мигрантов и «классово чуждых» дачников, новоселов коттеджных поселков, которые застройщики ради сокращения затрат предпочитают возводить в границах доступности уже созданных инфраструктуры и коммуникационных линий давних поселений, которые они эксплуатируют, не давая старожилам и уроженцам ничего взамен.

Собственно возможность уединиться, изолироваться от городских проблем, посвятить себя семье, любимому занятию, выразить себя в сельскохозяйственных опытах или строительстве дома, ландшафтном

дизайне или создании предметов интерьера своими руками становятся побудительным мотивом переселения в пригород или частых выездов в него для значительной части опрошенных нами в 2013 г. обитателей пригородной зоны. Важнейшее преимущество пригорода, таким образом, – свобода структурирования пространства, его персонифицируемость, предсказуемость и управляемость.

Современный калужский пригород выигрывает у внутреннего города по параметрам безопасности, экологичности, свободы манипуляций с ближайшей жизненной – домашней – средой, проигрывая во всем остальном. Проблемы, волнующие жителей, многочисленны и разнообразны по источникам своего возникновения. Это и пожары, и ухудшающаяся после появления заводов экология, грязь и недостаточно частый и регулярный вывоз ТБО, ветхий жилфонд, перебои с водоснабжением, полное или частичное отсутствие инженерных коммуникаций дома и в населенном пункте в целом, недостаток уличного освещения, детских учреждений, аптек и медицинских учреждений, комфортных публичных пространств и рекреационных зон, возможностей проведения досуга (что особенно остро переживается самой молодой и самой пожилой частью жителей), но самое главное – транспорт, состояние дорог, пробки и аварии. Пригород становится носителем территориальной стигмы в терминологии Л. Вакана [2015], а стигматизация территории – самостоятельным фактором жилищной депривации его населения.

Острая, настоящая потребность пригорода (и города в целом) в решении жилищной проблемы определяет возможность его социально-экономического развития при более активном государственном и муниципальном содействии, при наличии осознанной и регулируемой социальной жилищной политики.

Но при этом обязательным условием является рост привлекательности пригорода как селитебной зоны, которая должна преодолеть режим многомерной социальной эксклюзии, осуществить дестигматизацию.

Итак, на сегодня из-за неравномерности развития пригородов, общего отставания от внутреннего города в благоустройстве и качестве предоставляемых жителям коммунальных услуг, в создании рабочих мест, эстетизации и повышении комфортности публичных пространств пригородная зона остается малопривлекательным местом для постоянного проживания. Естественные тенденции пригородного расселения и целенаправленная градостроительная и социальная политика муниципальных властей совпадают далеко не всегда; многие населенные пункты характеризуются исключительно сезонным использованием, что в перспективе способно привести к их депопуляции.

Особый интерес в данном контексте представляет рассмотрение факторов и обстоятельств тотального уничтожения населенных пунктов, даже в случае их сохранности как материальных объектов. Попытки

научного освещения данной темы пока редки. Так, Л.Р. Сайранова в статье «Заброшенные города мира: особенности и тенденции» привела статистику и историческую тенденцию покидания людьми некогда густонаселенных городов и классифицировала причины данного процесса [2013]. Таких заброшенных, «выморочных» поселений (за отдельными исключениями) в современных калужских пригородах нет. Но количество их может вырасти в случае ухудшения экономической ситуации в стране, в результате которой часть жителей будет вынуждена проститься с загородной недвижимостью как «вторым жильем» или дачей. Риску депопуляции по социально-экономическим причинам в наибольшей степени подвержены, если следовать классификации, использованной Л.Р. Сайрановой, монофункциональные поселения. Большинство калужских пригородов выполняют преимущественно или исключительно жилые функции, и те из них, численность населения которых неуклонно снижается, что не сдерживается их рекреационно-туристической, исторической, курортно-медицинской, транспортной или промышленной ролью, но подкрепляется отсутствием как хозяйственной, так и социальной инфраструктуры, отдаленностью местоположения и (или) неудобством сообщения с внутренним городом, изоляцией от основных транспортных путей, дисбалансом демографической структуры, составляют сегодня около 12 %. Но если учесть и 20 поселений, категория численности которых больше «А», но по итогам последней переписи выявилась существенная – более 10 % – относительная убыль населения по отношению к предыдущему периоду, доля деградирующих пригородных поселений Калуги достигнет 40 %.

Субурбанизация на фоне общего демографического угасания возможна, но только за счет интенсивной въездной межрегиональной и зарубежной миграции. Поскольку исследователи предсказывают вымирание исконно русских городов средней полосы России, это едва ли будет русское население, что только усилит уже имеющуюся этническую и социальную напряженность. Потому необходимо четкое представление о возможностях рекультивации «выморочных» городов и сел, о наиболее вероятных объектах дальнейшей депопуляции, необходимых мерах социальной защиты оставшихся жителей. В противном случае может возникнуть совершенно новая для посттрадиционных обществ форма пригородных поселений – на базе стихийных полукриминальных или военизированных моноэтничных, демографически однородных «общин самообороны» различной степени агрессивности, создание которых – довольно популярная тема на отдельных Интернет-форумах (оружейных, «выживальщиков», «копарей» и пр.), где присутствуют два устойчивых мотива: национальный и эсхагологический.

Примеры таких исследований пока единичны. В частности, нам известен продолжающийся социологический проект А.А. Позаненко

«Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти» (НИУ ВШЭ, фонд «Хамовники»), в рамках которого проводится изучение систем расселения самоизолирующихся сообществ, акцентируется социальная структура и состав жителей, скрытых от глаз официальной статистики, формы их самоорганизации [2016]. К тому же типу относится и рассмотренная в работах А.С. Бреславского [2014] пока беспрецедентная (по крайней мере, с точки зрения масштабов) ситуация стихийного формирования самоуправляемого и официально не существующего российского пригородного поселения – левобережья Улан-Удэ – путем самозахвата и застройки переселенцами из сельской местности заброшенных сельхозземель и затапливаемых территорий.

Но очевидно, что прогнозно-превентивная роль исследований подобных ситуаций чрезвычайно высока с учетом возможного обострения ситуации в стране, и потому именно девиантологическую проблематику, вытекающую из концепции пригорода как фронта, мы считаем наиболее актуальной перспективой дальнейших исследований темы.

Литература и источники

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // Остров Горн. – 2015. – № 9 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://contrlist.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjac_heletija/0-1057\(lfnf](http://contrlist.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjac_heletija/0-1057(lfnf) (дата обращения: 20.03.2016).

Волкова Т.Ф. Основы предпочтительности проживания в пригородной зоне // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 3–5. – С. 50–55.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.

Позаненко А.А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. Социология. Этнология. – 2016. – № 1. – С. 129–152.

Сайранова Л.Р. Заброшенные города мира: особенности и тенденции // Концепт. – 2013. – Современные научные исследования. Вып. 1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/53206.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

Винокурова Анна Викторовна,
vinokurova77@mail.ru
Костина Елена Юрьевна,
kostinaeu2000@mail.ru
Осмачко Надежда Владимировна,
nv.o@mail.ru
Панфилова Анна Олеговна,
anna_pl.vl@mail.ru,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

ОСТРОВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ПРИГОРОДЫ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ О-ВА РУССКИЙ ВО ВЛАДИВОСТОКСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

В работе рассматриваются основные проблемы развития о-ва Русский как самой крупной островной пригородной территории г. Владивостока. Состояние и противоречия модернизации среды острова анализируются в контексте социальной трансформации и тенденций регионального развития формирующейся владивостокской агломерации, специфики ее географического положения, демографических, экономических и культурно-бытовых аспектов жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: социальная трансформация, Азиатско-Тихоокеанский регион, региональное развитие, демографические процессы, городская агломерация, пригороды, островные территории, материковая часть города, проблемы развития о-ва Русский.

В настоящее время в условиях трансформации современного российского общества на первый план выдвигается насущная необходимость определения приоритетов экономического и социального развития регионов. Это во многом объясняется тем, что в нашей стране региональные территориальные общности (85 субъектов РФ), имея немало общих черт, в то же время характеризуются значительными и уникальными особенностями. В качестве таковых могут рассматриваться географическое расположение, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры. Если учитывать эти характеристики по отношению к Приморью, то следует отметить, что Приморский край – весьма специфический субъект Российской Федерации. Наш регион – это портовая и приграничная зона, которая имеет непосредственный выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Край максимально, по российским масштабам, удален от европейской части страны и федерального центра. Если говорить о российском Дальнем Востоке, то Приморье является наиболее благоприятной по климатическим,

экономическим и транспортным условиям территорией среди других субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Вполне закономерно, что Приморский край остается одним из самых заселенных дальневосточных регионов России и, по сравнению с другими территориальными образованиями, входящими в ДФО, обладает наиболее высоким демографическим потенциалом и сосредотачивает наибольшие трудовые ресурсы.

Основная часть населения Приморского края и социально-экономического потенциала концентрируется в границах владивостокской городской агломерации. В ее состав, помимо системообразующего административного центра, каковым и является Владивосток, входят города Находка, Артем, Большой Камень и Уссурийск, поселки и сельские населенные пункты Надеждинского и Шкотовского муниципальных районов. К зоне влияния агломерации относятся также город Партизанск, Партизанский и Хасанский муниципальные районы. Кроме того, сам Владивостокский городской округ включает островные территории: Русский, Попова, Рейнеке, Рикорда и др. Суммарная численность населения агломерации составляет более 850 тыс. чел., а с учетом зоны влияния агломерации – более 1,3 млн чел., т. е. свыше двух третей населения края [Отчет... 2016]. Территория агломерации характеризуется относительно комфортным климатом, незамерзающей акваторией, богатой биологическими ресурсами, самой высокой плотностью инфраструктуры, относительно диверсифицированной структурой экономики и наличием признанных научно-исследовательских учреждений и вузов.

В 2011 г. был подготовлен План комплексного социально-экономического развития Владивостокского городского округа, ставший основой Стратегического плана развития Владивостока после проведения в 2012 г. форума организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Сама же подготовка к саммиту АТЭС значительно изменила облик города и его крупнейшего острова, которым является о-в Русский. Были построены и реконструированы автомобильные и железные дороги, транспортные развязки, сооружены три новых моста, возведен новый терминал аэропорта, модернизированы несколько гостиниц, объекты культуры, начал функционировать Дальневосточный федеральный университет в новом кампусе на о-ве Русском.

Безусловно, владивостокской агломерации в будущем отводится роль крупнейшего постиндустриального центра на Дальнем Востоке России. В прогнозных оценках специалистов [Развитие... 2010] приводятся следующие приоритетные функции агломерации: представительские, транспортно-логистические, инновационно-образовательные и туристические. В силу своего геополитического положения эта территория будет развиваться как зона тесного взаимодействия России с АТР, деловой центр и площадка для международной коммуникации. Но для реализации

данных направлений существуют объективные и весьма серьезные проблемы.

Мы полагаем, что для реального экономического развития городской агломерации необходим существенный прирост населения. И агломерация как таковая выйдет за нынешние, сугубо формальные рамки только при условии реального демографического роста. В настоящее время на это нацелен ряд федеральных инициатив. В частности, стратегическая ориентация на формирование развитой экономики и комфортной среды обитания человека, достижение среднероссийского уровня в субъектах Российской Федерации, расположенных в ДФО [Постановление... 2009]. И, конечно же, так называемый «дальневосточный гектар» [Федеральный закон... 2016] – предоставление жителям ДФО и других регионов возможности получения бесплатного земельного надела, который не может превышать одного гектара (10 тыс. м²) на срок до 5 лет (с последующим продлением аренды или оформлением собственности). Осталось найти достаточное количество людей, готовых осваивать эти участки. Однако, как считают эксперты, достаточное точно не найти [Салков 2017]. Получится небольшое из-за слабости самого механизма. Главная проблема – ограниченность площади гектаром для ведения серьезной производственной и бизнес-деятельности. Другое слабое место программы «дальневосточного гектара» состоит в том, что желающим предлагается большое количество запущенных или вообще не тронутых за все время своего существования территорий.

По прогнозу Приморскстата, к концу 2017 г. население края сократится до 1 млн 917 тыс. чел. Численность лиц трудоспособного возраста уменьшится на 40 тыс. чел. Численность пенсионеров возрастет на 110 тыс. Дефицит высококвалифицированных кадров на сегодняшний день составляет 25 тыс. чел., а в планах краевой администрации упоминается о создании еще 25 тыс. высокопроизводительных рабочих мест. При этом количество вакансий в 4 раза превышает количество зарегистрированных безработных: на учете стоят 15,7 тыс. чел., тогда как вакансий почти 60 тыс. [Прогноз... 2016].

При сложившейся демографической структуре ожидать существенного роста численности населения региона в целом и краевого центра, в частности, не приходится. В то же время мы солидарны с экспертами, которые полагают, что Владивосток будет развиваться как международный открытый центр с рядом характерных для него функций и ведомств: база военно-морского флота России (ВМФ), таможня, пограничная служба, административный и управленческий центр, промышленность, транспорт и логистика, наука и высшее образование, международное деловое сотрудничество, туризм и развлечения [Кудинов 2015].

Обычные вопросы (нерешенные и отчасти решаемые в настоящее время) вызывает состояние пригородных территорий Владивостока.

Заселение пригородов Владивостока происходило в основном за счет притока из города представителей различных социальных групп, которые в меру своих финансовых возможностей или приобретали участок для строительства добротного жилья, или модернизировали дачные постройки под круглогодичное проживание. В результате сформировались многочисленные пригородные поселения: районы престижной индивидуальной коттеджной застройки (такие, как Седанка, поворот на Шамору или Садгород), закрытые элитные коттеджные поселки с охраной на въезде («Анютинские дачи», «Green Park»), а также «усовершенствованные» дачные постройки, в которых можно проживать постоянно (Сахарный Ключ, Соловей Ключ, Сиреневка). Данный тренд заселения пригородов в целом характерен для большинства российских городов.

Но особенностью владивостокской субурбанизации является то, что такое развитие возможно лишь в одном направлении. Как видно из рис. 1 (см. прил. 5), Владивосток окружен с трех сторон морем и только через северное направление имеется связь с остальными территориями края. Территориальные ограничения привели к тому, что с Владивостоком уже слились поселки Новый, Трудовое, Раздольное, административно относящиеся к Надеждинскому муниципальному району. Местность вдоль двух дорог от Владивостока до Артема (Федеральная автомобильная дорога А370 «Уссури» и так называемая «Шаморовская трасса») полностью застроена индивидуальным жильем и практически невозможно провести границы между населенными пунктами.

Из-за дефицита земель на материковой части агломерации власти, застройщики, покупатели жилья обращают внимание на островные территории, среди которых наиболее привлекателен о-в Русский. Автомобильный мост через пролив Босфор Восточный, построенный к саммиту АТЭС, обеспечивает наземное сообщение с островом и на части его территории, в то время как с островами Попова и Рейнеке имеется только морское сообщение. Остров Русский (см. прил. 5, рис. 2) находится в заливе Петра Великого, южнее Владивостока.

От п-ва Муравьева-Амурского, где расположена основная часть Владивостока, Русский отделен проливом Босфор Восточный; в его северо-западный берег вдается узкая и извилистая бухта Новик. Эта бухта делит остров на две неравные части: юго-западную (более крупную) и восточную (более узкую), носящую также название п-в Саперный. Береговая полоса острова изрезана многочисленными бухтами и далеко выступающими в море мысами. Климат здесь муссонного типа: влажное и прохладное лето, холодная сухая зима, сильные ветра. Территория острова составляет 97,6 км², длина – около 18 км, ширина – около 13 км.

Формирование современного облика о-ва Русский обусловлено объективными предпосылками в развитии Владивостока. К началу XXI в. были исчерпаны возможности роста города в отведенных ему границах. В 2005 г. администрация Приморского края разработала инвестиционный

проект «Развитие острова Русский», в 2006 г. правительство РФ одобрило строительство моста от Владивостока до Русского. Реализация проектов и постановлений могла затянуться на неопределенное время. Однако стратегическая ориентация на развитие Дальнего Востока, выразившаяся в том числе в проведении саммита АТЭС в 2012 г., Восточного экономического форума (ВЭФ) в 2015 и 2016 гг., обусловила интенсивное строительство на о-ве Русском.

В бухте Аякс был построен новый кампус Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Общая площадь кампуса и коммунальной зоны составила более 800 тыс. м². На п-ве Саперный был возведен крупный международный деловой центр (часть кампуса ДВФУ). В сентябре 2016 г. на п-ве Житкова был открыт Приморский океанариум (научно-образовательный комплекс ДВО РАН). На острове было начато строительство спортивно-рекреационных, музейных и гостиничных комплексов, жилого фонда. В результате этих изменений население острова, составлявшее в 2010 г. 4703 жителей, увеличилось на 10500 чел. [Численность... 2017].

В настоящее время статус о-ва Русский неоднозначен. Он определяется как «точка роста для всего Дальневосточного региона, крупный центр международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона» [Бойков 2014], как «город-спутник» [Крупнов 2014], как «территория опережающего развития» [Третьяк 2015, с. 411] и т. п. Во всех приведенных определениях фиксируется не сколько современное положение острова, сколько его перспективное состояние. При этом часто отсутствует упоминание собственно города Владивостока, в инфраструктуру которого должен быть вписан этот крупный остров (формально о-в Русский – это часть Фрунзенского района Владивостока), являющийся по сути его пригородом.

Большая часть территории Русского до последнего времени принадлежала военным, поэтому на острове имеются небольшие, состоящие из нескольких либо многоквартирных малоэтажных, либо индивидуальных частных домов, поселки с гражданским населением (Поспелово, Канал, Экипажный, Воевода, Подножье, Рында и др.). Также стоит отметить, что дороги, построенные к саммиту АТЭС, включили в транспортную систему в основном поселения на п-ве Саперный, не достигнув некоторых поселков о-ва Русский.

Будучи фактически все время своей истории сосредоточием военных и оборонительных интересов государства, остров до сих пор несет эту нагрузку. Значительная часть земли о-ва Русский в настоящее время находится в ведении Министерства обороны, процесс ее реоформления продолжителен по времени и бюрократизирован. Часть земель была передана военными Агентству по ипотечному жилищному кредитованию, которое, организовав жилищно-строительный кооператив «Остров», начало строительство жилья для преподавателей ДВФУ и сотрудников

ДВО РАН. В рамках реализации данного проекта в бухте Новик возводятся индивидуальные, блокированные (таунхаусы) и многоквартирные жилые дома эконом-класса. Сдача поселка запланирована на лето 2018 г. Кроме того, в районе бухты Новик предусмотрено строительство второй очереди учебных корпусов и общежитий ДВФУ.

В то же время следует отметить ряд проблем. Во-первых, противоречия в управлении изменениями острова, обусловленные его полисубъектностью, необходимостью эффективно выполнять федеральные законы «О свободном порте Владивосток» (от 13.07.2015 № 212-ФЗ), «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 13.07.2015)). Во-вторых, сложившаяся практика в проведении градостроительной политики во Владивостоке, которая зависит только от местных чиновников и бизнесменов, при этом мнение профессиональных архитекторов не учитывается. Намеченное генеральным планом города освоение о-ва Русский, лишенного своих водных и энергетических ресурсов, ведет к увеличению протяженности инфраструктурных связей в направлении «север – юг» и росту стоимости предоставляемых коммунальных услуг (газопровод, водовод через пролив Босфор Восточный). С освоением Русского увеличилась и протяженность транспортных артерий, заметно вырос транспортный поток. К тому же сведения о земельных участках на острове недостаточно точны, отсутствуют карты с указанием их точных границ. Уже это является серьезным препятствием в планировании его развития.

Специалисты настаивают на проведении предметной оценки планов урбанизации о-ва Русского, в том числе п-ва Саперный. Они предлагают создать на острове Национальный парк уссурийской тайги, показав ландшафты, флору и фауну северной, центральной и южной частей Приморья, культуру и быт коренных народов края, приемы традиционного устойчивого природопользования. Это снизит антропогенную нагрузку на сохранившиеся ландшафты острова, привлечет намного больше туристов из стран АТР, чем планируемый конгресс-туризм, развитие острова как нового административно-делового центра города или особой экономической зоны [Марус, Казанцев 2016, с. 267].

Помимо этого возникают проблемы строительства и реконструкции жилья. На Русском земли населенных пунктов представлены отдельными небольшими участками. Основная нагрузка в освоении острова легла на п-ов Саперный, максимально возможная емкость которого составляет 100 тыс. жителей (в идеале 70 тыс.) [Проекты... 2014]. Архитекторы предлагают обеспечить определенную автономию острова, в частности, строить жилье и соответствующую инфраструктуру только для нынешних «островитян», включая преподавателей и сотрудников ДВФУ. И что принципиально важно – предусмотреть использование и строительство опреснительных установок, канализационных и очистных сооружений.

Также хотелось бы обратить внимание, что мост на Русский, построенный к саммиту АТЭС, безусловно, является важнейшей транспортной ветвью, позволившей использовать уникальные рекреационные и туристические ресурсы острова, начиная от подводных ландшафтов, которые могут привлечь внимание дайверов со всего мира, и заканчивая фортификационными сооружениями Владивостокской крепости. Однако 80 % ресурсного рекреационного потенциала острова составляют пляжи. Вместе с тем огромный поток отдыхающих наносит ощутимый удар по его экологии. Береговые территории в летний период сильно замусориваются, организация отдыха не контролируется, состояние пляжей на острове неудовлетворительное: из имеющихся 136 пляжей в настоящее время только 13 соответствуют предъявляемым требованиям [Проекты... 2014]. Совершенно очевидно, что для обеспечения устойчивого развития Русского необходимо сохранить его природно-экологический каркас. Пляжи следует превратить в комфортные многофункциональные зоны отдыха мирового уровня, фортификационные сооружения должны быть не только памятниками истории и культуры, но и полноценными объектами экскурсионного осмотра. Для того чтобы эти ресурсы давали экономический эффект, их необходимо серьезно модернизировать, а это, разумеется, требует значительных материальных затрат.

В целом для развития владивостокской агломерации существует не так уж много возможностей, но они есть, учитывая потенциал островных территорий, в первую очередь о-в Русский. У Русского имеются все необходимые ресурсы для эффективного развития. Но столь же бесспорен тот факт, что они не используются властными структурами для создания полноценных благоприятных условий жизни «островитян», отдыха горожан и гостей. Можно заключить, что представленные противоречия в развитии о-ва Русский требуются исследовать системно. При этом целесообразно использовать не только официальные документы, мнения экспертов, но и результаты социологических исследований.

Литература и источники

Бойков Я. Русский остров станет точкой роста для всего Дальневосточного региона (дата публикации: 25.09.2014). Информационно-аналитический проект «NEWSROOM.SU» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsroom.su/?p=32483> (дата обращения: 17.03.2017).

Крупнов Ю. Комплексные градостроительные программы – градостроительная революция – как основа новой стратегии развития Дальнего Востока России (дата публикации: 14.11.2014) // Портал общественных действий по развитию страны «Проектное государство» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/0385/> (дата обращения: 10.03.2017).

Кудинов В. Смысл и перспективы развития Владивостока до сих пор не понятны // Золотой Рог. – 2015. – № 12 // Деловое Интернет-издание Дальнего Востока «ZRPRESS.RU» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zrpress.ru/society/vladivostok_03.04.2015_71761_smysl-i-perspektivy-razvitija-vladivostoka-do-sikh-por-ne-ponjatny.html (дата обращения: 04.03.2017).

Марус Я.В., Казанцев П.А. Формирование гуманной жилой среды по принципам регенеративного проектирования на примере градостроительного освоения полуострова Саперный // Архитектура и дизайн: история, теория, инновации: мат-лы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 26–28 апреля 2016 г.). – Владивосток: Изд-во ДФУ, 2016. – С. 266–271.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Актуализация стратегии и стратегического плана развития г. Владивостока до 2020 г. с продлением срока действия до 2030 г.» // Официальный сайт администрации города Владивостока – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vlc.ru/city/social_economic_development/aktualizatsiya-strategii/ (дата обращения: 01.03.2017).

Прогноз численности населения Приморского края (дата публикации: 18.04.2016) // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 16.03.2017).

Проекты развития острова Русский обсудили на круглом столе во Владивостоке // Электронное периодическое издание RIA «Prima-Media» (РИА «Прима-Медиа») – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/378897/> (дата обращения: 17.03.2017).

Развитие Дальнего Востока // Информационно-аналитическое сетевое издание Дальневосточного консалтингового центра «WWW.DKCENTER.RU» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dkcenter.ru/analytics/detail.php?id=726> (дата обращения: 16.03.2017).

Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/#ixzz4WjT9KwLJ> (дата обращения: 12.02.2017).

Салков А. В Приморье гектаров хватает, людей – нет // Золотой Рог. – 2017. – № 7 // Деловое Интернет-издание Дальнего Востока «ZRPRESS.RU» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zrpress.ru/business/primorje_21.02.2017_82270_v-primorje-gektarov-khvataet-ljudej--net.html (дата обращения: 18.03.2017).

Третьяк Г.Е. Кластеры Дальневосточного федерального университета – точки роста ТОР (территория опережающего развития) «о-в Русский» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 411.

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 № 119-ФЗ. 2016 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.02.2017).

Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов (дата публикации: 06.03.2017) // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 16.03.2017).

Корюхина Ирина Юрьевна,
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия
koritza77@mail.ru

Куклина Вера Владимировна,
Институт географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук,
Иркутск, Россия
vvkuklina@gmail.com

ГРАММАТИКА ПРИГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПРИГОРОДА Г. ИРКУТСКА)

В статье рассматривается пригород г. Иркутска (МО «Молодежный») в свете особенностей организации социального пространства. Яркая картина распределения жилья по типам застройки позволяет говорить о резкой дифференциации населения по социально-экономическому признаку. По мнению авторов, рассматриваемый пригород представляет собой пример гибрида, сосуществования различных типов пространств, не связанных между собой.

Ключевые слова: пригород, частное пространство, свобода, безопасность.

Пригород¹ – это переходный между городом и селом мир [Нефедова 2001], со своим специфическим населением, в котором сельские жители смешаны с городскими. Взаимодействие города и села, как и любой социальный процесс, не может быть статичным. Используя метафору З. Баумана о «текущей современности» [2008], можно рассматривать столкновения городского и сельского образов жизни, воплощенные в различных формах и реализованные через различные социальные практики. Чтобы подчеркнуть данное состояние напряжения, возникающее на стыке города и села, некоторыми исследователями используется понятие «фронтира» [Бреславский 2012; Григоричев 2012; 2013; Garreau 1991]. В США данное понятие применяется либо для описания «окраинных» городов – сугубо городской феномен, в котором смешивается городское население метрополиса чаще всего с городским же населением мигрантов [Garreau 1991], либо для описания джентрификации внутренних городских районов [Reid, Smith 1993]. В России же субурбанизация и контрурбанизация западного типа не развивается либо развивается в гораздо меньших масштабах. Причинами тому, как отмечают исследователи, являются сохранение института регистрации (прописки), рост цен на жилье в крупных городах, слабое развитие современной инфраструктуры в сельской местности, ограниченность бюджетов местных муниципалитетов [Нефедова 2012]. Кроме того, круглогодичное проживание в загородном доме в России требует больших вложений, чем в странах с умеренным климатом.

Данный спектр примерно совпадает с тем, как объясняются в западных странах переезды в пригороды. Помимо перечисленных политических и экономических факторов, следует добавить, что американские пригороды наделяются особыми социальными характеристиками: комфортом и безопасностью [Florida 2011], не в последнюю очередь обеспеченными однородностью социального состава [Джейкобс 2011].

На основе эмпирического материала о пригороде Иркутска (МО «Молодежный») для обсуждения предлагаются вопросы об особенностях практических форм воплощения современного пригорода. Материалами для анализа послужили данные статистики, основных сайтов по анализу

---

¹ Воспользуемся определением пригорода социолога А. Даунса «Термин “пригород” относится ко всему району городской метрополии за пределами центральной части города, и потому пригородом следует считать как 18 тыс. городских муниципалитетов, так и участки земли, формально не попадающие в городскую черту. Места проживания, считающиеся пригородами, насчитывают от нескольких сотен до 80 тысяч жителей. Они могут быть просто спальными или промышленно развитыми районами, а также всевозможными комбинациями того и другого, могут непосредственно граничить с центром города и быть за 100 миль от него» [Downs 1973, p. 201].

рынка недвижимости города Иркутска¹, сайты загородных коттеджных поселков, глубинные интервью с жителями МО «Молодежный» и экспертные интервью с представителями рынка загородной недвижимости, проведенные в рамках маркетингового исследования² а также визуальные наблюдения авторов и беседы с жителями в течение 2016–2017 гг.

МО «Молодежный» находится на Байкальском тракте, одной из главных туристических магистралей Иркутской области, самой короткой и комфортной дорогой на Байкал. Байкальский тракт является вторым после Московского по значимости в качестве транспортной магистрали, но первым по престижности размещения вдоль него загородного жилья³. Уже много лет эта часть городских окрестностей поддерживает лидерство по количеству участков в продаже, включая организованные коттеджные поселки, садоводства, небольшие населенные пункты. Недвижимость здесь считается самой ликвидной среди оценщиков. По данным агентства недвижимости, средняя стоимость сотки, например в пос. Молодежный, составляла 218 тыс. руб. в апреле 2017 г.⁴ Считается, что на Байкальском тракте самый чистый воздух, сохранились хвойные леса, близость к водоемам служит дополнительным привлекающим фактором. В последние несколько лет идет массовое строительство малоэтажного жилья, в настоящее время проводится реконструкция трассы, строят развязки, расширяют дорогу до 4 полос, предусматривая возможность скоростного режима до 120 км/час. По экспертным оценкам, в населенных пунктах по Байкальскому тракту вплоть до 40-го километра (от Иркутска) проживает около 100 тыс. чел.

В 1990-х гг. Байкальский тракт стал первым, где воплощались архитектурные фантазии от домов а-ля замки до громоздких убежищ, достигающих 1500 кв м. Предположительно, авторы замысла имели представления о замках, основанные на образах из медиа и книг. Однако еще не появилось опыта обживания и содержания таких пространств, в результате часто можно заметить недостроенные элементы, неиспользуемые этажи и диссонирующие фрагменты использования различных строительных материалов, связанные с недоучетом строительных затрат. Строительство

---

¹ См., например: <http://www.realtyvision.ru/>, <http://realty.irk.ru/>, <http://invest38.ru>.

² Материалы собраны в рамках маркетингового проекта «Анализ рынка загородной жилой недвижимости г. Иркутска», заказчик NAI Besar, сроки проекта: февраль-март 2013 г.

³ Связывая город с Байкалом, тракт стал автодорогой с современным дорожным покрытием в начале 1960-х гг., к приезду правительственной делегации, возглавляемой президентом США Эйзенхауэром. Визит сорвался, но тракт закрепил за собой значение VIP-магистрали, по которой считали необходимым провести делегации разного уровня.

⁴ См.: <http://invest38.ru/roads/57>.

2000-х гг. уже почти не имеет таких крайностей, оно более подчинено рыночным законам – цене земли, возможностям взаимодействия застройщиков с представителями власти и индивидуальной покупательной способности будущих жильцов.

Несмотря на своеобразие каждого периода застройки, трудно выделить их ареалы в пространстве. В МО «Молодежный» волна строительства новых домов и разрушения старых привела к формированию причудливой мозаики, в которой жителю трехэтажного особняка с усиленной охраной и камерами наблюдения из окна может открываться вид на разваливающийся деревенский дом с покосившимся забором. Подобную картину можно наблюдать во многих других пригородах г. Иркутска.

Муниципальное образование «Молодежное»

Молодежное сельское поселение расположено в пригородной зоне г. Иркутска (11-й км) и первоначально развивалось на основе сельского хозяйства. Поселок был образован благодаря появлению сельскохозяйственного института, название поселения связано с концентрацией жителей «молодежного» возраста: студенты, молодые преподаватели, строители. В 1964 г. восточнее пос. Новая Разводная началось строительство учебных и жилых зданий института (сейчас – Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, ИГАУ), являющегося одним из основных доноров бюджета МО. Впоследствии институт приобрел градообразующее значение, данная местность получила статус поселка. До 2002 г. пос. Молодежный, размещаясь на землях Иркутского района, входил в состав г. Иркутска.

Сейчас Молодежное муниципальное образование наделено статусом сельского поселения в составе Иркутского районного муниципального образования Иркутской области. В Молодежное МО входят поселки Новая Разводная и Молодежный. В повседневности жители выделяют несколько территорий Молодежного поселения: ТСЖ¹ Молодежный, Учхоз² (территория около ИГАУ, средоточие административных функций поселка) и Новую Разводную.

Численность населения МО «Молодежный» растет, отражая общие тенденции роста численности по Иркутскому району. Специфику развития пригорода в Иркутске определил массовый поток горожан, переселяющихся в пригород на постоянное место жительства. Численность населения Иркутского района за 20 постсоветских лет на момент 2010 г. выросла на 30 тыс. чел., увеличившись более чем в 1,5 раза. По переписи населения 2010 г., она составила 84,3 тыс. чел. Быстрый рост района продолжился после переписи, и к началу 2012 г. число жителей района дос-

---

¹ В 2016 г. переименован в ТСН (Товарищество собственников недвижимости «Молодежный»), однако старое название осталось среди жителей привычным.

² Иногда учхоз называют ИСХИ.

тигло 89,9 тыс. чел.¹ В 2015 г. – 109 560 чел.². По данным на начало 2016 г.³ – 112 111 чел.

Таблица

Численность населения МО Молодежный, тыс. чел.⁴

2002 г.	2010 г.	2016 г.
1259	7953	10024 ⁵

В поселке постоянно проживает большая часть жителей (временное жильё представлено в основном на территориях СНТ), но значительное число жителей официально не зарегистрировано по месту проживания⁶. По мнению К. Григоричева, почти 90 % населения Иркутского районного МО – это иркутяне, которые выехали на ПМЖ в пригородные поселения Иркутского района. При этом они остаются в своем экономическом, социальном, культурном качестве горожанами-иркутянами⁷.

---

¹ См.: Ирkipedia – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/istoriya_dinamika_i_polovozrastnaya_struktur_a_naseleniya_priangarya_sovremennaya_istoriya.

² См.: Иркутскстат – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/96634a804e798092a639afcdf892b611/%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D0%BE.

³ См.: Федеральная служба Государственной статистики – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce.

⁴ Данные взяты из следующих электронных источников: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/645798804e45a78fa021babfab39d37f/2.pdf; http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/6988c2004e73b992a06fb5cc5af035be/totals-vpn2010-2.pdf; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce.

⁵ В 2016 г., по оценкам специалистов администрации МО «Молодежный», численность постоянного населения приближается к 10 500 чел.

⁶ «Здесь у большинства людей есть квартира в городе. Город – это другое, у тебя поликлиника городская, ты в больницу ложишься не в иркутско-сельскую, если что-то еще, то ты в городе по поводу всяких кредитных историй» (житель пос. Ново-Разводная, крупный бизнесмен).

⁷ Григоричев К.В. Демографическая «карта» и демографические перспективы Иркутска. Публичная лекция 11 февраля 2012 г., университет «Байкалия», Иркутск.

На территории поселения представлены разные типы жилья. Значительная часть жилой застройки – 62,7 % жилой зоны – приходится на малоэтажную, главным образом усадебную застройку, характеризующуюся низкой плотностью. Кроме того, 32,8 % жилой застройки занимают садоводства. Жилищный фонд представлен в значительной степени капитальными жилыми домами коттеджного типа. На долю кирпичных 1–3-этажных домов приходится 69,5 % жилищного фонда, деревянных малоэтажных – 14, капитальных панельных и кирпичных многоквартирных домов – 16,5 %. Значительную часть жилья района ИГАУ составляют многоэтажные дома¹.

По оценкам экспертов-риэлторов, жилье сельского типа постепенно вытесняется, участки выкупают и застраивают домами усадебного типа.

Позволим себе привести длинную цитату из интервью с жительницей МО «Молодежный», описывающей поселение, стараясь объяснить все тонкости социального деления: *«У нас два Молодежного. Там надо подразумевать: есть ТСЖ – это коттеджный поселок, там все живут высокообеспеченные люди, он идет отдельно. Вот здесь вот сама Академия, сейчас это университет, само здание, дорога подходит к нему, вот здесь вот находится поселок Молодежный, здесь 5-этажные дома и коттеджные дома есть, через поселок Молодежный проходит дорога, здесь находится Учхоз так называемый, учебное хозяйство “Молодежное”. Это деревня, там есть малообеспеченные люди, деревня деревней, и тут же есть коттеджи, разные уровни людей живут то есть. И через него идет дорога в ТСЖ “Молодежный”. И вот с этой стороны есть Ново-Разводная, я даже не знаю, поселок он или как называется, у него даже нет статуса поселка. Там и старые дома – деревня и плюс коттеджи, тоже до тракта доходит. Здесь вот стадион, здесь гостиница “Пекин”. Сначала идет Ново-Разводная, потом поселок Молодежный и потом “Новая дача”, и вот здесь вот построили коттеджный поселок “Байкальский”, – это садоводство, но там коттеджи стоят и они там тоже уже живут постоянно. И вот здесь администрация поселка Молодежный, сюда вот в Молодежный как бы входят все учхоз, Ново-Разводная, ТСЖ Молодежный»* (коренная жительница пос. Молодежный, около 45 лет).

Поселок Новая Разводная в основном состоит из частного жилья усадебного, коттеджного типа и немногочисленного частного жилья сельского типа, сохранившегося с 1960–1970-х гг. В поселении продолжается активное строительство частных домов, домов в коттеджных поселках («Земляничные холмы», «Вымпел», «Ясная поляна» и др.). *«В поселке есть действительно шикарные предложения и по 15 млн, и по 25 млн*

---

¹ Корректировка Генерального плана Молодежного муниципального образования от 24 сентября 2013 г.

рублей. Но общей концепции не существует и дома строятся кто во что горазд» (эксперт-риэлтор). Инфраструктура не развита: гравийные дороги, несколько магазинов формата 1990-х гг. (ларьки), общественная территория не благоустроена. Повсеместно встречается баннерная реклама, где без особых приемов и ухищрений подачи материала о предлагаемом продукте говорится о продаже домов. Само собой разумеется, общее знание о «престижности» строительства на предлагаемой территории. Задача раскрутки пригорода как нового места жизни не стоит.

Своей элитарностью, закрытостью здесь известен коттеджный поселок «Снегири»: таунхаусы, обустроенная внутренняя территория, уличное освещение, детская площадка, фонтан, гаражи, площадки для барбекю, охрана. За ограждением и шлагбаумом с домиком охраны открывается ровный асфальт. Вы, как посторонний, не можете проехать на своем авто, если только вы не приглашенный гость.

На территории МО «Молодежный» расположено ТСН «Молодежный», которое образовано в 1992 г. На сегодня ТСН включает около четырехсот коттеджей, в них проживает свыше 1500 жителей. Его территория (более 13 га земли) взята под охрану. Проехать можно только через КПП и шлагбаум. Вся инфраструктура (дороги, подстанции, водопровод, водонапорные башни) построена на средства членов ТСН. ТСН «Молодежный» растет, как отмечают жители, бывают отключения электричества – не хватает мощностей подстанции. Управление ТСН ставит задачи перепроектирования подстанции, котельной, увеличения степени закрытости поселка.

В частных домах на территории двух садоводств дома попроще, часто встречаются истории о том, как участок достался от родителей, работающих в ИСХИ, дети строят дом, работают в городе.

Территории сельскохозяйственного назначения МО «Молодежный» составляют 20 % общей территории. При этом, визуально и по оценкам местных жителей, личное подсобное хозяйство деградирует как институт. Использование земли вдоль Байкальского тракта направлено на строительство ИЖС. Площади традиционных покосов уменьшаются, КРС не видно. Картофель на приусадебных участках вытесняется другими культурами. Покупка картофеля и сезонных овощей в магазинах стала обычным делом и для пенсионеров. Люди подсчитали стоимость усилий по выращиванию картофеля и других овощей по сравнению с их стоимостью в магазине, и сейчас установка – «своя – вкусная и экологически чистая» – мотивирует людей больше заниматься огородничеством.

Территорию Академии сельского хозяйства жители называют «Учхоз» (ИСХИ). Здесь сосредоточены многоквартирные дома, введенные в 1970–80-х гг. Муниципальные дома характеризуются степенью износа от 40 до 60 %. В процессе строительства несколько блоков 9-этажных домов (ЖК «Пионер»). В многоквартирных домах живут те, кто в основном работает или работал в ИГАУ. Общая численность занятых в ИГАУ составляет око-

ло 1,5 тыс. чел. Территория учхоза представляет собой мини-город со своим центром, единым коммунальным обслуживанием. Администрация находится рядом с учебным учреждением.

В МО есть как коренное население, так и «пришлые» – дачники, мигранты и «новое» население. Контакты между этими группами сведены до минимума. *«То поколение, с которым я сейчас дружу, оно более возрастное, ну, то есть они же все получали дома как специалисты, поэтому нас всех коренными назвать сложно, мы там самые долгоживущие. Конечно, у нас сейчас строятся новые застройки, у нас люди приезжие есть, с ними контакта у нас пока нет. Нет такого, чтобы мы могли где-то познакомиться. Мы можем собраться на каких-то собраниях. По каким-то там... не знаю даже. За последнее время у меня круг общения не увеличивался особо. Это случайные какие-то вещи, больше даже связанные с работой»* (жительница пос. Молодежный, около 40 лет).

Существующие объекты культурно-бытового обслуживания по территории МО распределяются неравномерно и располагаются в основном в планировочных районах ИГАУ и пос. Молодежный. Хуже других обеспечено предприятиями и учреждениями обслуживания населения района Новая Разводная и ТСН «Молодежный». Там, в частности, только 1 муниципальный сад и 2 коммерческих детских сада, отсутствуют муниципальные школьные учреждения.

В пос. Молодежном действует средняя школа на 217 мест, расположенная на первом этаже 5-этажного здания ИГСХА. Школа арендует помещения у ИГСХА более 30 лет. Собственной территории и помещения у школы нет. Детей в возрасте от 6 до 18 лет, подлежащих обучению и проживающих на закреплённой за школой территории, по итогам учета в сентябре 2016 г., зафиксировано 700 чел.

Полевые наблюдения позволяют нам говорить о том, что сообщностные отношения жителей пригорода задаются в большей степени временной синхронизацией жизни людей. Важно то, что люди живут в едином пространстве поселка. Здесь мы наблюдаем единые ритмы рабочей мобильности жителей. Ранним утром жители идут на остановки общественного транспорта, для того чтобы уехать на работу в город/внутри поселка, поток машин заполняет дороги в направлении города утром и вечером. Основой для формирования связей в системе расселения является положение населённых пунктов района в схеме транспортного обслуживания. Оно осуществляется главным образом по автомобильной дороге областного значения – Байкальскому тракту.

Синхронизация во времени предполагает, что люди живут в едином настоящем. Воспроизводимые представления о прошлом присутствуют в учхозе, где сохранился контингент преподавателей, служащих сельскохозяйственного института, где можно встретить многопоколенные семьи,

проживающие поблизости друг от друга¹. Место пригорода и жителей в нем сегодня для многих определено образом частного пространства.

Жители и природа. Молодежный ранее был районом сельскохозяйственного образования и сельскохозяйственных экспериментов. Это территория вузовской интеллигенции и рабочих, обслуживающих сельскохозяйственную территорию. Там было множество открытых пространств, открытых выходов к водоему. Как вспоминают жители Молодежного, «... мы раньше ходили, сейчас не можем пройти; ... там просто огороженный поселок, там все сейчас перегорожено. Сейчас нигде не покупаешься. Мы пытались летом сходить. Мое детство все время на заливе были. Сейчас залив в самом плохом состоянии, заболочено, зарос, неприятно. Там дальше залива – все перегорожено. Мы один раз поехали, на машине не проедешь, пешком можно только пройти» (жительница учхоза, около 45 лет).

В рассказах информантов, поселившихся в Молодежном в разное время, общим мотивом является природа, которая была неотъемлемым ранее ландшафтом жизни для одних и утерянным сейчас, и привлекательным условием выбора покупки дома для других. В воспоминаниях жителей Молодежного, проживающих там с 1970–80-х гг., царит ностальгия по природе, ее открытости и доступности для всех. Сейчас образы природы активно используются в репрезентациях территории, на практике береговая линия становится малодоступной для жителей, не проживающих в коттеджных поселениях, занимающих привилегированное расположение относительно береговой линии.

Специфика обживания пространства. Рассмотренные территории в рамках МО «Молодежный» весьма различны как по типу застройки, так и образу жизни жителей. Если учхоз обустроен с точки зрения транспортной, образовательной, инфраструктурной среды, то ТСН «Молодежный», пос. Новая Разводная организованы по-иному, индивидуальному принципу, рассчитанному на самостоятельное обслуживание. Воспроизводство пространства через линию «мое – чужое» сохраняется на протяжении последних 10 лет, постепенно вытесняется старая частная застройка, количество новых домов увеличивается, однако о развитии среды говорить сложно. Описанные территории в рамках МО «Молодежный» представляют собой скорее независимые ядра, не связанные между собой. Связь между пос. Новая Разводная и пос. Молодежный осуществляется на уровне коммунальных сетей.

---

¹ Например, ситуация, когда дети выросли, обзавелись семьями, старшее поколение переезжает в частный дом, построенный в советские времена и ранее служивший дачей или, наоборот, молодая семья строит на дом, родители остаются в квартире. Земельные участки в 1980–90-х гг. распределялись от сельскохозяйственного института.

Отчужденность людей друг от друга не воспринимается особенно болезненно, поскольку жителей не связывают близкие отношения. Жители учхоза отмечают связи друг с другом, но в рамках «своей» территории (сходить к соседке, работаем вместе, дети учатся в одной школе и пр.). Для «коттеджников» это территория транзитная, по дороге через учхоз следует путь на ТСН «Молодежный».

Территории частной застройки представляют собой традиционные улицы с заборами и домами. Дом по понятным причинам представляет собой конечную точку, личное пространство. Улицы и переулки – примеры транзитных пространств. В основном жители ездят по поселку на автомобилях, открывая автоматические ворота на территории своих участков, не выходя из машины. Пространство поселка не предназначено для пеших прогулок, улицы пустынные и грязны¹. Попадая по какой-то причине в поселок, можно просто проехать сквозь него, рассматривая разнообразные заборы, и вернуться обратно, без возможности где-либо остановиться. Заборы различаются в зависимости от их величины и проницаемости, вкусов и возможностей, разнообразных материалов – от дерева и профлиста до сочетаний кирпича и кованых элементов. Забор несет не только функцию охраны и сокрытия, визуализации границы между «своим» и «чужим», демонстрации статуса хозяина, он более всего нагружен символическими смыслами столкновения пространств частного и публичного.

Один из вариантов размышления о специфическом отношении к территории за забором своего дома, превращающееся в общепринятую практику в поселке, предлагает Максим Трудолюбов, вспоминая: «Я не мог, например, серьезно относиться к попыткам завести клумбу около входа – мне было жалко эти цветы в маленьком цементном углублении. Мимо них, мимо бабушки, сидящей у входа, хотелось скорее пройти, чтоб оказаться внутри. Для меня, как и для многих, наверное, кто вырос в многоэтажном доме, главным было внутреннее пространство» [2015]. Отношение к собственности в российском обществе и закрепление границ частного пространства происходит до сих пор [*Там же*].

Яркий пример принятых норм использования дорог появляется в случае их нарушения. По дорогам пос. Новой Разводной водит на выпас своих коров одна из жительниц, собирая ругательства проезжающих мимо автомобилистов. Хозяйка коров не остается «в долгу», каждодневные «переключки» становятся для нее своеобразным ритуалом. О «новых» соседях говорит неохотно: *«Я их не знаю, проезжают на дорогих машинах, ругаются на мое стадо матом, мы им до фонаря, ездят за тонированными*

---

¹ Использование местных дорог отличается от городских, которые при своей транзитности, несут и массу других функций – от досуга до применения профессиональных компетенций.

стеклами», говорит о них «новые русские», с обидой. То, что внутри – это можно обозначить как частное, приватное, интимное. Снаружи – ничейное, потому что пустынное и заброшенное.

Коттеджные поселки стремятся к отграниченному частному пространству, где формируются элементы контроля друг над другом и чужими. При этом открытые беседки и мангальницы доступны обозрению других жителей («своих») поселка (как это организовано в коттеджном поселке «Снегири»). Размышление В. Каганского на эту тему заставляет задуматься о механизмах подобного воспроизводства пространства: «Новый русский» не желает ничего видеть (забор не позволяет видеть окрестностей, коттеджи часто стоят вплотную) и равно не желает, чтобы его видели: установка на визуальное (только ли визуальное?) исключение себя из социума. Такое обилие пунктов, где своих выделяют из посторонних, доказывает, что пространство переполнено посторонними. Но это значит чрезвычайно серьезную вещь: люди оторваны от мест, ведь оторванные от своих мест люди – это и есть посторонние» [Каганский 2005].

В городах известна ситуация необходимости «других» подчиненных территорий, сопровождающих для оттенков своей жизнедеятельности. В пригороде, при всей социально-экономической дифференцированности населения и территорий по типам застройки эти места существуют автономно друг от друга, не имея цели и необходимости взаимодействия¹.

Перспективы роста пригорода. На исследуемой территории ведется активная застройка, на рынке недвижимости заявлено более 17 объектов. Планирование строительства на территории МО «Молодежный» в соответствии с Генеральным планом² стремится к формированию высокоплотной застройки, включающей дома от 1 до 8 этажей. Значительная часть планируемой застройки – доступные представителям среднего класса или квартиры по доступной цене, которые готовы покупать молодые семьи с детьми. Территория за ТСН «Молодежный», согласно плану застройки территории МО «Молодежный», отводится под многоэтажное строительство (от 3 до 8 этажей). *«Пока эти участки проданы как индивидуальные, но кто знает, они на индивидуальных участках умудряются таунхаусы строить. Все же меняется, вот этот Чертугеевский хо-*

---

¹ На уровне коммунальной инфраструктуры (канализация, водоснабжение, электричество) территории частной застройки автономны (выгребные ямы, скважины, подстанции). Полностью благоустроенный жилищный фонд – 42 % общей площади муниципальных домов. Единственная котельная предназначена для обслуживания жилых домов, общежитий, хоз. корпусов ИАУ (28 объектов). Теплоснабжение жилой застройки коттеджного типа происходит в индивидуальном порядке.

² Корректировка Генерального плана Молодежного муниципального образования от 24 сентября 2013 г.

тели раньше коттеджами застроить, а что в итоге? Многоэтажки стали строить (ЖК «Символ». – И.К.)» (эксперт-риэлтор). Другой эксперт также отмечает конфликтность существующего образа пригорода с возможной перспективой массового строительства: «*Вся земля в районе Ново-Разводной выкуплена под застройку. Единственный минус – это окружение. Окружение вокруг этих поселков тоже поселки. Грубо говоря, город в городе. То есть как таковой природной растительности там уже не останется. Единственное, что там останется более, менее выгодным – это берег водохранилища, который постепенно “отгрызается” до полуметра в год, береговая линия уменьшается*» (эксперт, научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН). На данный момент территория МО «Молодежный» привлекательна своими экологическими характеристиками, достаточной удаленностью от города, высоким, недоступным для многих, порогом вхождения. По мере заполнения многоэтажным жильем привлекательность данной территории для высокообеспеченных людей будет уменьшаться. Бесконтрольное расположение высокоплотной застройки скорее всего будет влиять на снижение статуса частных домов по соседству. Если сейчас мы наблюдаем резкую дифференциацию населения МО «Молодежный» исходя из типов жилья и организации закрытого пространства придомовой территории, то со временем скорее будет происходить гомогенизация жителей по социально-экономическому статусу.

Вопросы к размышлению. В начале работы мы не стали обозначать особенности рассматриваемого нами пригорода, чтобы не мешать читателю сделать свои выводы. Закончив описание нашего эмпирического материала, перейдем к этому обобщению.

Что за тип пригорода представляет Молодежный? К. Григоричев предлагает типологию пригородов, основанную на обширном иркутском материале. На основе характера ориентации мигрантов на временное/сезонное или постоянное проживание, автор выделяет временную и постоянную модели [2016, с. 7–23]. Во временной модели социолог выделяет: дачи как исторически сложившиеся места загородного отдыха, коллективные сады и огороды, деревенские дома, коттеджные поселки и загородные спортивно-развлекательные центры. В рамках постоянной модели проживания автор выделяет закрытые малоэтажные поселки, нерегулируемую застройку ближайших к городу сельских поселений, стихийную застройку земель вне населенных пунктов, микрорайонную застройку.

Описанный в работе пригород представляет совокупность закрытых малоэтажных поселков (ТСН «Молодежный»), нерегулируемую застройку ближайших к городу сельских поселений (пос. Новая Разводная), плюс микрорайонную застройку (Учхоз). Опираясь на описанную выше

типологию, отметим гибридность рассматриваемого пригорода¹, это пример сосуществования различных категорий поселков, закрепляющих, по нашему мнению, эти социальные позиции в пространстве. На территории проживает весьма гетерогенное население, представители разных социальных слоев общества. Яркая картина распределения жилья по типам застройки позволяет нам говорить о резкой дифференциации населения по социально-экономическому признаку.

О формировании МО «Молодежный» как пригорода неверно будет говорить в рамках движения горожан «в село», поскольку изначально пос. Молодежный был специфическим «окраинным городом», центром сельскохозяйственного образования с доминирующим городским образом жизни. Его, условно говоря как центр, окружала частная застройка сельского типа, что во многом напоминает особенности расселения и развития г. Иркутска.

Спецификой сибирского типа урбанизации можно назвать возможности воспроизводства сельского образа жизни в самом городе: в результате ускоренных темпов урбанизации нередко город не успевает «переварить» остатки «сельскости» внутри города. Несмотря на то что Иркутский острог был основан в 1661 году и имеет долгую городскую историю, внутри него до сих пор сохраняются фрагменты деревень, «проглоченных» в ходе разрастания города. Они напоминают о себе покосившимися деревянными домами с небольшими огородами, лишенными «городских» коммуникаций. По мнению С. Шмидта, сам город практически соткан из центра и окраин, причем только центральная часть в повседневном дискурсе жителей окраин носит название «город», а среди жителей города трудно найти горожан в третьем поколении [2002].

Поскольку определение пригорода не несет в себе четких критериев качественного характера, мы считаем продуктивным предложить дополнительную категорию периферии, в частности данную В. Каганским, как особой зоны культурного ландшафта, включающую «совокупность отдельных несамодостаточных мест, связанных исключительно с центром; в пространстве периферии решают свои задачи, не соотношенные со спецификой мест, иные внешние территории; периферия живет не для себя» [2006, с. 244–257]. «Пространство периферии присвоено, а не освоено, неопределенно; охвачено и задано внешне. Связной ткани территории нет, она фрагментарна – рой отдельных изолированных физически или дистанционно очагов» [*Он же* 1998, с. 72–101]. Эти наблюдения очень точно фиксируют ситуацию в МО «Молодежный».

---

¹ К. Григоричев отмечает: «В регионах, где урбанизационная миграция продолжает играть заметную роль в формировании городского и пригородного населения, очевидно, могут возникать смешанные формы освоения пригорода» [2016, с. 7–23].

Представляется, постановка вопросов в рамках размышлений, производных от метафоры «текучей современности» З. Баумана [2008] является продуктивной. Мы позволим себе, опираясь на наш эмпирический материал, поставить следующие вопросы-тезисы.

- существуют определенные русла данного течения/течений, различных скоростей, иногда входящих в конфликт друг с другом;

- само пространство пригорода текучее, приносит новые элементы и обтекает старые или даже проваливается в различные временные ниши;

- если понимать «огороженные сообщества» как стратегию защиты от слишком быстро меняющегося окружающего мира, то можно говорить о доминирующем стремлении создать «островки стабильности» в этой текущей современности, иногда размером с собственный дом, иногда целого огражденного поселка;

- метафора фронта также имеет свойства подвижности, и сообщества скорее отличаются различными формами мобильности, чем сельскими или городскими образами жизни.

Свобода-безопасность? Опыт обживания, накопленный жителями в условиях хаотичной и все более уплотняющейся застройки, входит в конфликт с тем образом сельской местности, за которым устремились в пригороды жители городов. Такие ценности, как безопасность и свобода, оказались в противоречии друг с другом. На первый взгляд, в пригород выезжают за свободой, с другой – подобное решение требует укрепления своей безопасности. В результате создается ощущение, что пригород – это еще в большей степени отчужденное и приватизированное пространство, чем город.

Свобода часто понимается как достигнутое состояние, когда человек не обязан слышать, слушать, выслушивать, что он должен делать что-то, чего не хочет делать. Огороженность и автономность места проживания позволяет ощутить этот тип свободы [Бауман 2012]. Возникает вопрос – имеет ли подобная стратегия выбора места жизни цену небезопасности? Или наоборот, позволяет/заставляет ее, безопасность, укреплять? На практике действия правления ТСЖ «Молодежный», коттеджных поселков направлены на усиление закрытости через систему ограждения территории, шлагбаумов и видеонаблюдения, запрета на посещение территории посторонним лицам¹.

---

¹ Любопытно отметить проходящие прения в правлении ТСН «Молодежный» о границах использования дорог, «новые поселки, возникающие на полях за нами, до прибрежной полосы, будут питаться стройматериалами за наш счет, получая их по нашим, пока еще хорошим дорогам!» В 2017 г. принято решение об организации платного проезда по автомобильным дорогам, принадлежащим товариществу, четкому регламенту въезда посетителей.

«Растягивание» социального пространства пригорода как путь субурбанизационного развития? Жители в большинстве своем ориентированы на использование городских ресурсов: прописка, неучтенные жители, проблема школы, больницы и пр. И если ранее, по воспоминаниям жителей пос. Молодежный, «жизнь» была сосредоточена в поселке (работа, инфраструктура, образование, соседи и т. д.), то сейчас ярко представлена тенденция на «растягивание» социального пространства пригорода, включающего в себя город. Улучшение качества дорог, транспортная доступность (по сравнению с другими пригородами Иркутска), развитие инфраструктуры близлежащего микрорайона (мкр Солнечный) создают мягкое и комфортное развитие субурбанизационного развития. Город в данном случае развития (?) пригорода имеет огромное значение¹.

Влияние репрезентации бизнес-модели строительства загородом на развитие пригорода. Красноречивой деталью Интернет-поиска является то, что на запрос «пригороды» Google предлагает к рассмотрению объявления о продаже земельных участков для строительства коттеджей на лоне природы. За массой подобных предложений по России, в том числе и Иркутской области, стоит понимать как существующий спрос, так и раскачанную бизнес-модель строительства загородом. Учитывая значительное смещение населения, чьим становится этот пригород? Какие качества жизни приобретаются для тех, кто покупает новый дом?

«Качество жизни» как трансформация представлений о частном пространстве. Можно говорить о сложившемся образе жизни в своем доме. В СМИ мы можем найти стандартный список «благ», предлагаемых новым собственникам земли и дома загородом, практически неизменный по городам России. Такое единство задается общностью ценностных приоритетов и способами их выражения. Выделим основные концепты, опираясь на материалы презентации жизни загородом в СМИ:

– концепты «своя земля», «личная зона», «в доме места хватит всем», «жить среди равных по статусу» – касаются приоритета личного, частного пространства, они закрепили свой приоритет и свою высокую стоимость в презентациях продаж загородных земель. Возможность жить загородом помимо характеристик комфорта позволяет задумываться и о стремлении к маркированию своего социального статуса, расширению спектра индивидуализации принятого в данной среде типичного образа жизни (способо-

---

¹ «...это люди совершенно автономные от государства. Это 80 %, наверное. Даже если они являются какими-то служащими, ну, мы не пользуемся ни какой-то поликлиникой, мы не пользуемся какой-то школой, то, что нам было бы положено по месту жительства. Мы не пользуемся магазинами. ... это все в городе. Вся жизнь людей, которые здесь живут, она вся протекает в городе» (муж., собственник коттеджа, около 40 лет).

бов жить). Это и потенциал быть непохожим на других (через выбор места жизни) и при этом быть равным другим в своей непохожести;

– концепты «экологическая безопасность» (свежий воздух, тишина, близость леса, водоема и т. п.) и «личная безопасность» (в доме, на участке, по дороге домой, защита жилья при отсутствии хозяев) также популярны;

– концепты «свободное время», «возможности быть самим собой» и «новое качество жизни» включают более разнообразные варианты возможного воплощения. Начиная от возможности отдыхать в своем саду и доме с друзьями и родственниками заканчивая разнообразным хобби (от выращивания помидор, занятий с животными до мастерских на своей территории)¹. Нагруженное смыслами «качество жизни» требует, на наш взгляд, более глубоко изучения. Например, особенности представлений и воплощений потребления «благ цивилизации» (магазины, аптеки, поликлиники, развлекательные и спортивные учреждения, детские сады и школы и др.), находящиеся в пригородах в специфическом положении. Пример МО «Молодежный» демонстрирует любопытные социальные практики приспособления к существующей ситуации неразвитого сектора образовательной, развлекательной и прочей инфраструктуры.

Понимание представлений о новом «качестве жизни» в пригороде представляется перспективным и связанным с общим полем размышлений о трансформации частной жизни. В частности, переход в пригород состоятельных домохозяйств свидетельствует об изменении ценностей городского образа жизни, возможного представления о разделении места работы и места жизни (дома), новых форм жилого пространства и публичного пространства, новых форм мобильности.

МО «Молодежный» пример пригорода Иркутска, формирующегося места жизни состоятельных людей. Мы отметили некоторые черты текущего социального положения пригорода. Каким образом может складываться дельнейшее его развитие? Или только рост в условиях непроницаемости и рядоположенности с территорией ИГАУ и садоводств?

ПЕРЕФРАЗИРУЯ высказывание Роберта Фишмана [Fishman 1996, p. 23], можно сказать, что по обустройству и внешнему виду пригородных поселений мы можем многое понять о характере современности, новых идеалах семейной жизни и образе жизни. Дома и организация пространства вокруг выражают представления об идеально устроенном мире. Изменения в обществе часто исследуются через изменения быта и частной жизни, становятся предметом размышлений антропологов, философов, социологов, архитекторов и др. Рефлексия о возможных опытах перенесения определенных теорий и паттернов о «загородной жизни» западного образца

---

¹ О мотивах переезда в пригород исследование В.И. Звягинцева и М.А. Неуважаевой [2015].

на отечественные примеры образа жизни может стать любопытным материалом для изучения принципов изменений этих моделей в российской среде в настоящее время.

Литература и источники

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 239 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2012. – 390 с.

Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – 156 с.

Григоричев К.В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа / Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX – XX и XX – XXI вв. – Иркутск: Отгиск, 2012. – С. 422–446.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.

Григоричев К. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 7–23.

Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск: Дальневосточное отделение РАН, 2006. – С. 129–154.

Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. – 2015. – Т. 24, № 1. – С. 101–135.

Каганский В.Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. – 2006. – № 32 (5). – С. 244–257.

Каганский В.Л. Центр – Провинция – Периферия – Граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72–101.

Каганский В.Л. Постсоветский человек: вид из ландшафта // Русский журнал. – 2005. – № 2 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole>.

Карачурина Л.Б. Урбанизация «по отчету» и «по факту» // Демоскоп Weekly. 20 августа – 2 сентября 2012. – № 519–520 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/tema06.php#_FNR_53 (дата обращения: 14.04.2014).

Лаппо Г.М. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. – М.: ОГИ, 2001. – С. 124–125.

Найт Ричард В. Устойчивое развитие – устойчивые города // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 2. – С. 43–69.

Нефедова Т.Г. Российские пригороды. Горожане в сельской местности. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.

Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. – 2012. – № 3. – С. 204–216.

Статистический бюллетень «Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2012 г.». – Иркутск: Иркутскстат, 2012.

Трудолюбов М.А. Люди за забором: частное пространство, власть и собственность в России. – М.: Новое издательство, 2015. – 246 с.

Шмидт С.Ю. Город окраин или улитка, ползущая между склонов. Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 2002. – С. 64–68.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. End of Millenium (изд. Second Edition, Т. III). – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2010. – 625 p.

Downs A. Opening Up the Suburbs. New Haven, 1973. – 201 p.

Fishman R. The changing urban and regional system: bourgeois utopias - visions of suburbia // Readings in urban theory / ed. by Susan Fainstein and Scott Cammbell. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 325 p.

Florida R. The Great Reset: how new ways of living and working drive post-crash prosperity. New York: Harper, 2011. – 235 p.

Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. – New York: Doubleday, 1991. – 571 p.

Reid L., Smith N. John Wayne meets Donald Trump: The Lower East Side as Wild Wild West // Selling Places: The City as Cultural Capital, Past and Present / Kearns G., Philo C. (eds.). – Oxford: Pergamon, 1993. – P. 193–209.

Soja E. Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination // Human Geography today / B.D. Massey, J. Allen, P. Sarre (eds.). – Cambridge: Polity, 1991. – P. 260–278.

**Дорофеева Любовь Андреевна,
Шадрин Александр Иванович,**
Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
dorofeeva-LA@yandex.ru
shadrin@kspu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИГОРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Работа представляет результаты авторских исследований трансформации пригородной территории красноярской городской агломерации и проявлений комплексирования. Результатом анализа маятниковой миграции населения, географии коттеджного и дачного расселения, филиализации пригородной территории – это утверждение, что основным источником трансформации пригородной территории является движение населения. Новое население – основной потребитель услуг, которые изменяют экономику пригородной территории. Приток нового населения в пригороде увеличивает нагрузку на инфраструктуру территории. Применение комплексного подхода к развитию городской агломерации позволит повысить эффективность использования территории.

Ключевые слова: трансформация, комплексное развитие, пригородная территория, красноярская городская агломерация.

Исследование комплексного территориального развития в России актуализируется намерением создания общенациональной системы взаимосвязанных стратегий, схем и программ федерального, регионального и муниципального значения, необходимостью совершенствования законодательной базы, способствующей развитию регионов и муниципальных образований, возрождением системы физического планирования в связи с принятием нового Градостроительного кодекса Российской Федерации. Все эти разработки необходимы для повышения эффективности экономики, уровня жизни населения, улучшения условий для деятельности субъектов рынка, а также стимулирования инвестиционного процесса.

Актуальность исследования заключается в изучении городской агломерации как центра, определяющего региональное развитие. Изучение трансформации окружающей «город – центр» территории поможет в прогнозе развития всей агломерации и планировании территории, вошедшей в ее состав. Городская агломерация как пример территориального воспроизводственного комплекса может послужить примером комплексного подхода в развитии региона.

Цель исследования: определение трансформаций пригородной территории красноярской городской агломерации и их учет при комплексном развитии территории.

Выявление трансформации пригородной территории красноярской городской агломерации основано на исследовании маятниковой миграции населения, анализе размещения пригородного расселения, сельскохозяйственных и рекреационных объектов, филиалов предприятий и учреждений.

Обзор исследований

Отечественные и зарубежные ученые-регионалисты в основном изучали размещение производительных сил и расселения, ресурсные и экономико-географические факторы развития регионов и городов, районирование, создание территориально-производственных комплексов в районах освоения и промышленных зон. Однако не было специальных исследований комплексобразования в развитии агломераций и их пригородных зон с учетом перехода к инновационной модели экономики, усиления факторов человеческого потенциала, среды обитания и сочетания функциональных и средовых структур.

Исследования территориальной структуры агломераций и пригорода приобрело широкий размах в послевоенное время. Ее изучением занялись многие исследователи Европы и США такие, как Дж. Уэруэйн [1965, с. 128–136], М.О. Хауке [1960, с. 47–48, 118–135, 148–156], Е. Милс [1993, р. 193–216]. Они заложили теоретические основы, внесли понятие периферийного пояса крупных агломераций. В этих поясах локализованы многие научно-инновационные и производственные мощности ведущих ТНК мира, инновационные промышленные предприятия, прошедшие модернизацию; оптовая и розничная торговля, так называемые молы, складские базы, менеджмент, различные сервисные и консультационные центры, центры логистики, банки и другие виды бизнеса.

Современная периферия крупных городов представляет собой сложную мозаику жилых районов, промышленных и офисных ареалов, рекреационных зон, сельскохозяйственных угодий и, как правило, не имеет сплошной застройки.

Появляются новые подходы к изучению. Так, в США выделяют особый вид пригородных территорий «exurbia», которые располагаются на границе пригородных зон и сельской местности [Wright 1981, р. 47–49; Audirac 1999, р. 7–32]. Исследователи делают большой акцент на разнообразии застройки данной территории и особенности ее функциональной нагрузки. В целом все авторы приходят к выводу, что данная территория отличается низкой плотностью населения, зависит от городского регулирования, которое происходит через управление пригородами. Методы измерения границ таких территорий и поселений были направлены на одинарную или двойную лимитацию и предполагают

измерение географической области размещения, выделяя при этом отличия области от пригорода, города и сельской местности [Nelson 1992, p. 350–386].

В Китае ученые так же, как и в России, только начинают изучение таких форм расселения и территориальных комплексов, как городская агломерация. Ученые из департамента градостроительства и экологии Пекинского университета отмечают, что в самых крупных городах Китая (Пекине, Шанхае, Шеньяне, Даляне) отмечается феномен субурбанизации. Другие же ученые из Департамента градостроительства и ресурсов университета Наньдзинь утверждают, что субурбанизация в Китае находится на стадии формирования и большая часть Китая не подвержена данным процессам [张越1998, p. 21–23]. В экономическом развитии Китая важной особенностью является повышение уровня индустриализации и расширения урбанизированной области. В крупных городах предметом изучения становится расширение пригорода, координация устойчивого развития между городом и его пригородной зоной. Си Вэй Минь и другие предполагают, что зона, расположенная в окрестностях города, имеет уникальное географическое преимущество и может быть использована для преодоления негативных последствий развития крупных городов, городских и сельских районов, что пойдет на пользу общего процветания и устойчивого развития [杨芸.2000, p. 52–54]. Чжу Сян отмечает, что устойчивое развитие пригорода – важный компонент экономического развития, социального благополучия и стабильности использования ресурсов и охраны окружающей среды [朱翔1998, p. 16–20]. В связи с недостаточным изучением опыта управления и развития городских агломераций в России необходимо использовать иностранный опыт развития новых территориальных систем в рыночных условиях.

Методологическая база исследования

Повышение эффективности общественного производства, в том числе хозяйствующих субъектов региона, в условиях высокого уровня обобществления в значительной мере определяется комплексностью его развития. Оно основано на пространственном и временном сочетании элементов воспроизводственной структуры региона.

Воспроизводственный комплекс региона в качестве категории региональной экономики и экономической географии определяется как общность производственных, социальных, природных объектов и человеческого потенциала на территории, соотношение, взаимодействие и пространственная конфигурация которых повышает эффективность их функционирования, а следовательно, и региона в целом [Шадрин 2011, с. 60].

Воспроизводственную структуру региона целесообразно рассматривать в виде социо-эконом-природного комплекса. Территориальный социо-эконом-природный комплекс определяется как высшая форма пространственной организации производительных сил. Такая форма повышает

эффективность производства и конкурентоспособность региона, муниципального образования и страны в целом, а также обеспечивает повышение человеческого потенциала, благоприятную среду обитания и рациональное природопользование [Шадрин 2008, с. 15–21].

Территориальные воспроизводственные комплексы подразделяются на районные (со значительной протяженностью) и локальные. Районный тип, к которому относится и регион, характеризуется пространственными разрывами в размещении производительных сил. А локальный тип, представленный в основном городом, исключает «трение расстояний», имеет сугубо искусственную среду жизнедеятельности и обеспечивает более тесное взаимодействие между всеми структурными элементами и процессами в территориальном комплексе.

Может быть выделен и третий тип территориального воспроизводственного комплекса, имеющий, прежде всего, характеристики локального типа, но также и районного типа. Этот тип представлен группой сближенных поселений, с ярко выраженным поселением-центром, основой которого может быть производственный (промышленный) узел. Наиболее развитым видом этого типа территориального комплекса являются городские агломерации.

Комплексообразование в регионе во многом определяется характером размещения производства и расселения, соотношением и взаимодействием центров и периферий. Причем все большую роль в размещении производительных сил и капитала играет расселение, ведущие центры человеческого потенциала, которые обычно выступают «точками» инновационного роста.

Инновационная модель воспроизводства и повышение человеческого потенциала в условиях постиндустриальной стадии и перехода к информационному обществу становятся главными факторами развития. Наиболее благоприятные условия для этого имеются в мегаполисах и крупнейших агломерациях, где размещаются наиболее развитые структуры управления, деловой жизни, науки, образования, культуры и материального производства. Достижения ведущих городских центров в виде знаний, культуры, производственных, социальных и управленческих технологий, наукоемкой и высокотехнологичной продукции, а также качественных услуг, затем распространяются на периферию – другие города и поселения, стимулируя их подъем. Таким образом, разрешается диалектическое противоречие развития центра и окружающей периферии, обеспечивающее комплексирование их воспроизводства.

Комплексирование центров и периферий в регионе объективно определяется разделением функций (труда) между городом и деревней, крупными, средними и малыми городскими поселениями. Территориальная протяженность процесса общественного воспроизводства обуславливается необходимостью использования природных ресурсов, цикличностью и стадиями переработки добываемых ресурсов, вплоть до

получения конечного продукта. Эффективной бывает опора предприятий и организаций периферии на ведущие предприятия и организации, размещенные в центре региона, а также их филиализация, создание дочерних предприятий, формирование других территориальных объединений, в том числе в виде холдингов, промышленно-финансовых групп и др. Нередко предприятия и организации периферии являются вспомогательными и обслуживающими по отношению к социально-экономическому комплексу центра.

Вокруг центров округов и регионов – крупных городов формируются агломерации – особый тип территориальных комплексов – наиболее развитые групповые системы расселений. Основные признаки агломерации – тесные экономические и социальные связи между центральными городами и пригородами. Наиболее характерные связи – маятниковая трудовая миграция, а также маятниковые поездки из пригородов на учебу в центральный город, поездки жителей центральных городов в пригороды с рекреационными целями. Особенно характерна филиализация предприятий и организаций, а также вузов центрального города в пригородной зоне [Egorov 2016, p. 381–388].

Производственная специализация пригородных поселений, как правило, следствие диверсификации хозяйственного комплекса крупного города. Многие предприятия пригородов являются по отношению к центру вспомогательными и обслуживающими, а сельское хозяйство фактически целиком работает на обеспечение продуктами питания его жителей. Развитие транспорта, водо-, газо-, электроснабжения, водоотведения, решение проблем рекреации, охраны и улучшения окружающей среды центра и пригородов должно осуществляться на принципах единства и общности.

Объект исследования

Согласно концепции «Красноярск-2020» [*Схема красноярской агломерации...*] в красноярскую городскую агломерацию (КГА) входят города: Красноярск, Сосновоборск, Дивногорск, Железногорск и муниципальные районы: Емельяновский, Березовский, Сухобузимский и Манский. Общая численность населения КГА составляет 1340 тыс. чел. (на 01.01.2015 г.)¹, это 43 % численности населения Красноярского края. Положительная динамика роста численности населения за последние 5 лет наблюдается в городах Красноярск, Сосновоборск, Дивногорск и Березовском районе. Увеличение численности населения агломерации обусловлено высоким миграционным приростом и увеличением рождаемости (в 2010–2015 гг.) в городах.

---

¹ Посчитано автором на основе данных www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/publikations.

Сложившаяся система расселения населения обусловлена транспортными магистралями, особенно это характерно для сельских территорий, для которых речные, автомобильные и железнодорожные магистрали являются осями расселения.

Красноярск – центр управления, обслуживания и функционирования производительных сил объединенного Красноярского края. Промышленное производство представлено электроэнергетикой, цветной металлургией, химической отраслью и машиностроением, сосредоточенными главным образом в Красноярске, Дивногорске, Сосновоборске. Основные профилирующие отрасли промышленности пригородных территорий – лесная и деревообрабатывающая, промышленность строительных материалов и пищевая [*Схема планировки...*].

Сельскохозяйственное производство в значительной степени имеет пригородный характер. Получили развитие такие отрасли, ориентированные на потребителя, как овощеводство открытого и закрытого грунта, животноводство, производство бройлерного мяса.

В административных границах КГА расположены отдельные массивы лесов, часть которых может послужить базой для размещения и организации мест и учреждений отдыха для населения агломерации, часть имеет промышленное значение.

Результаты исследований

Уровень комплексности можно определить по концентрации производств, человеческого капитала, усиления связей между субъектами агломерации, в том числе развитию сети филиалов. Анализ пригородной территории красноярской городской агломерации показал, что в ее системе наблюдаются проявления комплексирования.

Во-первых, это связано с увеличением маятниковых миграций населения и расширением сети пригородного расселения населения. Для выявления географических особенностей маятниковой миграции населения был выбран Емельяновский район, который полностью входит в состав КГА, что дает основание предполагать наличие маятниковых миграций как сезонного, так и трудового характера.

Для проведения исследования выбраны следующие методы исследования.

1. Метод ключей, позволяющий провести выборочное исследование с помощью типичных объектов. Были выбраны ключи исследования, расположенные в пределах 50 км от города (1,5 часовой транспортной доступности) и в сельсоветах с положительным приростом населения: с. Частоостровское, пгт Емельяново, поселки Солонцы, Каменный Яр и дачные поселения, расположенные в непосредственной близости к данным населенным пунктам. Исследуемые населенные пункты располагаются на разных транспортных путях: с. Частоостровское – на дороге регионального значения Енисейский тракт, пгт Емельяново – на федеральной автомо-

бильной дороге «Сибирь» (Р225), пос. Каменный Яр – на железнодорожной магистрали по маршруту Красноярск – Зелёное. Поселок Солонцы выбран как контрольный объект, это наиболее близкорасположенный к Красноярску населенный пункт на федеральной автомобильной трассе «Сибирь».

Выбранные населенные пункты отличаются по численности населения. По данным переписи населения 2010 г., наиболее многочисленным из ключей является пгт Емельяново (12 055 чел.), далее по убывающей располагаются пос. Солонцы (3786), с. Частоостровское (1283), пос. Каменный Яр (405). Общая доля населения ключей в общей численности Емельяновского района составляет 34 %. Ключи отличаются по перечню объектов социальной инфраструктуры и градообразующих предприятий, что также отражается на характере маятниковой миграции. Наиболее обеспечен инфраструктурой административный центр Емельяновского района – пгт Емельяново. Минимальным набором социальных услуг обладает пос. Каменный Яр.

2. Метод социологического опроса. Для проведения опроса была разработана анкета, которая включает вопросы о целях и времени поездок за/в город, о периодичности и длительности посещения пригорода/города, о возможности переезда за/в город, а также вопросы о респонденте: возрасте, профессии, семейном положении. Анкетирование проводилось в весенний период 2016 г. для сельских жителей и в летний период 2016 г. – для дачного населения.

В результате социологического опроса выявлено, что маятниковые миграции населения КГА являются не только трудовыми и не только по направлению «село – город», но и рекреационными по направлению «город – село». Частота поездок зависит от близости к городу-центру и транспортной доступности места. Маятниковые миграции усиливают связь между городами агломерации и окружающей их пригородной территорией. Социологический опрос выявил отрицательные стороны проживания населения в пригороде – недостаточное количество объектов социальной и культурно-бытовой инфраструктуры для сельских жителей, коммунальной и бытовой инфраструктуры – для городского населения.

Взаимодействие города и пригорода усиливается с расширением сети пригородного расселения (коттеджного и дачного). Растущий спрос приводит к большей удаленности коттеджных поселков от Красноярска. Наиболее привлекательными для размещения становятся равнинные территории, приуроченные к федеральным трассам, железным дорогам и существующим населенным пунктам. При этом можно отметить влияние расстояния от города на цену пригородного жилья и основную цель использования (постоянное проживание/второе жилье) [Дорофеева 2016, с. 168–174]. Появление коттеджных поселков свидетельствует о расширении городского образа жизни на пригородной территории.

В городской агломерации происходит усиление пригородного сельского хозяйства в связи с усилением спроса на продукцию в результате увеличения концентрации населения. В КГА сельскохозяйственные предприятия на пригородной территории размещены на некотором удалении от города-центра, но в пределах ежедневной транспортной доступности. На пригородной территории КГА расположены предприятия животноводства (в основном птицеводства и свиноводства) и растениеводства (овощеводство). Такая специализация связана со спросом на скоропортящуюся молочно-мясную продукцию и овощи. Все четыре муниципальных района (Емельяновский, Березовский, Сухобузимский и Манский) в составе КГА имеют на своей территории сельскохозяйственные предприятия и предприятия пищевой промышленности, которые расположены вблизи сельских населенных пунктов и транспортных магистралей. Пригородная территория – поставщик строительных материалов и продуктов лесозаготовки для городов агломерации и других регионов.

В условиях увеличения концентрации населения и распространения городского образа жизни увеличивается потребность в отдыхе горожан. Эта потребность реализуется на пригородной территории в возможности организации отдыха выходного дня для городских жителей КГА. При этом необходимо учитывать, что все жители КГА должны иметь доступ к местам отдыха. Пригородная территория КГА обладает большим количеством природных объектов, которые могут стать центром рекреации. Самым большим преимуществом пригородной территории КГА в реализации рекреационных целей является наличие в 30-минутной транспортной доступности от центра Красноярска государственного природного заповедника «Столбы», горнолыжных трасс и биатлонного стадиона. Основными районами концентрации центров по предоставлению рекреационных услуг являются: Красноярское водохранилище, берега р. Енисей и ее притоков, территория часовой доступности от г. Красноярска.

Комплексование КГА связано с широкой сетью филиалов. Сеть филиалов состоит из представителей регионального и государственного масштабов. В настоящее время филиализация охватывает в основном города-спутники и административные центры муниципальных районов, вошедших в состав КГА. Но уже наблюдается расширение филиалов сферы услуг в местах концентрации коттеджного и сельского расселения населения (образовательные, развлекательные, торговые услуги).

Выявление проявлений комплексного развития красноярской городской агломерации подтверждает трансформацию пригородной территории, которая является резервом развития агломерации. Видоизменяется сеть расселения населения, появляются новые поселения, изменяется структура экономики муниципальных районов, увеличивается количество предоставляемых здесь услуг. При этом пригородная территория сохраняет функции обеспечения продуктами питания и стройматериалами насе-

ление агломерации. Спрос среди жителей города на услуги пригородной территории увеличивается, что расширяет их географию.

Трансформация пригородной территории красноярской городской агломерации заключается в следующих позициях:

- развитие производства (сельское хозяйство, транспорт, социокультурно-бытовое обслуживание);
- расширение сети пригородного расселения, как сезонного характера, так и для постоянного проживания;
- формирование земельного рынка и рынка недвижимости, который отражается на изменении специализации территорий, входящих в КГА;
- изменение структуры занятости населения. В связи с появившимся спросом развивается рынок услуг в сельской местности. Улучшение транспортной доступности с Красноярском увеличивает поток трудовых ежедневных мигрантов.

Выявленные трансформации приводят к изменениям территориальной структуры пригородной территории КГА. Формирование новой сети коттеджного и развитие дачного расселения населения способствует трансформации сферы услуг пригородной территории. Горожане, переезжая на постоянное место жительства в пригород, либо сезонно, посещая дачи, формируют спрос на привычные для них услуги. Проявление такого спроса в первую очередь отражается на торговле и транспорте. В дачных поселениях появляются торговые точки по продаже продуктов питания и продуктов первой необходимости. Так, в пос. Элита начал работу супермаркет на пересечении дорог, связывающих сельские, дачные и коттеджные поселения, ведется строительство двухэтажного торгового центра. В пос. Митино появился частный детский развивающий центр. Это увеличивает занятость сельского населения.

Как показал анализ коттеджного расселения населения [Дорофеева 2016, с. 168–174], не все поселения имеют отдельные системы инженерного, водного и энергоснабжения, канализации. Формируемые на базе сельских поселений коттеджные поселки увеличивают нагрузку на социальную инфраструктуру этих поселений. При планировании территориального развития сельских поселений и сельсоветов необходимо учитывать увеличивающуюся нагрузку на инфраструктуру.

Рост числа населения за счет жителей коттеджей увеличивает нагрузку на сферу здравоохранения и образования. На перспективу необходимо учитывать прирост населения и ввести аппарат учета жителей коттеджей. Администрации сельсоветов должны оперативно реагировать на коттеджную застройку и обсуждать с компаниями-застройщиками условия использования инфраструктуры, увеличения численности населения, налаживать взаимодействие управляющих компаний коттеджных поселков и администраций сельсоветов.

Выводы

В новой России целесообразно усиление управления территориальным развитием для повышения комплексности и эффективности воспроизводства населения (человеческого капитала), экономики (материального производства и услуг), природных комплексов и территориальной инфраструктурной базы.

Экономика воспроизводственного комплекса региона – это, прежде всего, по основному своему содержанию экономика городов, а в более широком смысле она представлена комплексным взаимодействием центров и периферий (зон тяготения).

Для обеспечения действенности стратегий социально-экономического развития России, ее регионов и муниципальных образований, а также градостроительного планирования целесообразно разрабатывать территориальные схемы комплексного экономического и социального развития, в том числе Генеральную схему России.

В Генеральной схеме комплексного экономического и социального развития России и схемах территориального планирования регионов должны быть определены основные территориальные аспекты развития в долгосрочной перспективе и условия его обеспечения с учетом эффективного использования ресурсов многоцелевого назначения. Особенно актуальны оптимизация развития центров и периферии, сближение уровней социального развития регионов и различных поселений, кластерная организация производства и социальной сферы, а также увязка отраслевых и территориальных структур.

Устойчивое социально-экономическое развитие страны может быть обеспечено только при условии саморазвития экономики и самофинансирования регионов и муниципальных образований. Центры субъектов РФ и местных воспроизводственных комплексов – административных районов должны иметь бóльшие права, предметы ведения и полномочия по сравнению с другими муниципальными образованиями в связи с их экономической и социальной ролью, выполнением межселенных функций, в том числе по обслуживанию населения, хозяйства и развитию инфраструктуры в зонах тяготения.

Нельзя дальше откладывать решение проблемы подчинения пригородных территорий администрациям центральных городов без особого административного выделения городских агломераций. Без этого невозможно обеспечить единство управления, стратегий и программ развития, градостроительного планирования и статистического учета этого локального комплекса производства и расселения, повысить комплексность и эффективность территориального развития.

Литература и источники

Дорофеева Л.А. Развитие пригородных поселков в красноярской агломерации // География и природные ресурсы. – 2016. – № 3. – С. 168–174.

Дорофеева Л.А., Шадрин А.И. Особенности трансформации пригородных территорий городских агломераций (на примере красноярской) // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сб. ст. / отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дирин. Т. 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 117–121.

Схема красноярской агломерации. Положение о территориальном планировании – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krskstate.ru/dat/bin/docs_attach/25257_osnovnie_polojeniy_pravka.doc&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 22.11.2015).

Схема планировки пригородной зоны г. Красноярска. Т. II. Проектная организация территории – Институт «Красноярскгражданпроект». – Красноярск, 1994.

Уэрэуэйн Дж. Природная зона // География городов; пер. с англ. Дж. Уэрэуэйн. – М., 1965. – С. 128–136.

Хауке М.О. Пригородная зона большого города. – М.: ГСИ, 1960. – 170 с.

Шадрин А.И. Комплексное развитие региона. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2011. – 268 с.

Шадрин А.И. Критерии, индикаторы развития и показатели эффективности воспроизводственного комплекса региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 3. – С. 15–21.

Audirac I. Unsettled views about the fringe: rural-urban or urban-rural frontiers // Contested countryside: the rural urban fringe in North America. – Ashgate: Brookfield, 1999. – P. 7–32.

Egorov D.O., Dorofeeva, L.A., Shadrin A.I. Methodological base of urban agglomerations and their suburban areas // Journal of Economics and Economic Education Research. 2016. – Vol. 17, Special Is. 2. – P. 381–388.

Mills E. What makes metropolitan areas grow? // Urban Change in the United States and Western Europe / A. Summers, P. Cheshire and L. Senn (eds). – Washington: The Urban Institute, 1993. – P. 193–216.

Nelson, A. Characterizing exurbia // Planning Literature. – 1992. – № 6(4). – P. 350–368.

Wright G. Building the Dream: A Social History of Housing in America. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1981. – 350 p.

张越. 对我国城市郊区化的再认识—从城市化阶段谈中国城市发展 / 张越、韩明清、甄峰 // 城市规划汇刊,第6期,1998年-21-23页

朱翔.我国城市边缘区可持续发展研究 // 城市规划汇刊,第6期,1998年 - 16–20页

Шелудков Александр Владимирович,
Совет муниципальных образований Тюменской области,
Москва, Россия
a.v.sheludkov@gmail.com

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ДЕРЕВНИ, СПАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ, ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ ТЮМЕНИ

На примере пригородов Тюмени показано, каким образом выстроены связи между городом и окружающими его сельскими поселениями. С этой целью анализируются структура местных бюджетов, территориальное распределение показателей экономической активности и маятниковой миграции. Показаны основные направления функциональной организации пригородной зоны.

Ключевые слова: функциональный подход, функции сельской местности, сельское расселение, сельские муниципалитеты, субурбанизация, пригородное развитие, Тюменская область.

Пригороды крупных городов – поле, где соприкасаются разнообразные, часто противостоящие друг другу процессы и феномены. Для России с ее поляризованным и эклектичным социальным пространством они особенно важны. Именно в пригородах встречаются сельские мигранты и городские дачники, коренные селяне и жители коттеджных поселков, сюда приходят индустриальные предприятия и фермеры, но здесь же сохраняются изолированные островки старого мира. Можем ли мы с определенностью сказать, как эти процессы сочетаются и что в конечном счете определяет облик российских пригородов?

Функциональный подход. В литературе развитие пригородов описывается двумя моделями¹. Классический – западный вариант субурбанизации предполагает разрастание города за счет переезда горожан в районы малоэтажной застройки. Со временем изначально однородные в социальном и архитектурном плане спальные районы усложняются, эволюционируют за счет переноса городских функций: на пригородных территориях возникают т. н. «окраинные города, или пост-субурбия [Borsdorf 2004; Phelps et al. 2010]. В странах Латинской Америки, Азии и

---

¹ См. подробный обзор литературы [Бреславский 2014, с. 11–22].

Африки главный импульс субурбанизации придали не горожане, а сельские мигранты, ориентированные на городской рынок труда. Такая ускоренная урбанизация создает обширные пригородные кварталы бедных жителей – фавелы, или трущобы.

Российское постсоветское пространство можно рассматривать как еще один уникальный кейс. В большинстве крупных городских ареалов активная субурбанизация началась только в новейшее время. В советский период интенсивность связей между городами и окружающими их сельскими населенными пунктами оставалась низкой: будучи территориально пригородными, села функционировали в рамках собственных отраслевых экономических систем. Единственной формой субурбанизации, получившей широкое развитие, были дачи [Нефедова 2014]. Их появление связано с ускоренной урбанизацией: дачи создавали вчерашние крестьяне, которые в условиях отсутствия рынка и дефицита продовольствия стремились сохранять связи с землей. Советские 6 соток – это вынесенные за несколько десятков километров от основного жилья подсобные участки. Вместе с погребями, гаражами и сараями они формировали специфический распределенный образ жизни советских, а затем и российских граждан [Кордонский 2007].

Сегодня качественно меняются не только дачи – новые связи между городом и деревней трансформируют все пригородное пространство, вовлекая сельские населенные пункты в новые функциональные отношения с городами. О каких именно функциях может идти речь? В современной отечественной географии эти функции раскрываются в изучении миграционных потоков, прежде всего, трудовой миграции в пределах агломераций и дачно-коттеджной «колонизации» горожанами сельской местности [Между домом... 2016]. Амплитуда и частота поездок маятниковых мигрантов могут сильно различаться в зависимости от типа миграции и региона, однако почти всегда движение направлено в сторону центра или против него, создавая характерный эффект пульсации агломераций [Махрова, Кириллов 2015].

Место жительства и рекреация – традиционные для села функции¹ и их значение в пригородах растет. Ситуация с другими традиционными функциями не столь однозначна. В сельских пригородах концентрируются крупные агропредприятия: для них важны близость к рынку сбыта, инфраструктурная обеспеченность и высокий трудовой потенциал территории [Иоффе, Нефедова 2001; Нефедова 2014; Семенов, Чибилев 2016]. Однако на деле эти предприятия по своему характеру индустриальные. Речь идет о птицефабриках, крупных животноводческих

---

¹ Концепция традиционных функций места для сельских территорий разработана в работах С.А. Ковалева [1963].

комплексах и молокозаводах, хлебокомбинатах и т. д. Каждое такое предприятие представляет собой головное звено аграрного холдинга, в то время как сырьевые базы вынесены в более удаленные районы [Кузьминов, Нефедова 2012]. Традиционное сельское хозяйство, промышленная охота и рыболовство, природоохранная функции вытесняются на периферию пригородной зоны [Гусева 2012]. Индустриализация пригородов, развитие торгово-складских функций, появление альтернативных центров трудового тяготения и переориентация пассажиропотоков – все это наблюдаемые признаки пост-субурбанизации [Махрова 2014].

Итоговая картина функционального развития пригородов противоречива: мы одновременно наблюдаем рост крупных городов, субурбанизацию в ее классической, неклассической [Бреславский 2014] и специфической российской формах и даже начинающиеся процессы выноса за пределы города мест приложения труда. При этом ситуация может заметно различаться между регионами, да и сама пригородная зона неоднородна, так как процессы в ней распределяются неравномерно.

В настоящем исследовании на примере Тюмени и окружающих его сельских муниципалитетов мы попытались построить картину функциональной организации пригородной зоны. Получившаяся модель – сугубо эмпирическая. В ее основе данные статистики, проинтерпретированные с учетом материалов полевых исследований.

Методы и эмпирическая база

Регион изучения. Тюмень – один из самых быстро растущих городов России. Ежегодно численность его населения увеличивается на 20–25 тыс. чел. В 2008 г. с принятием нового Генерального плана границы города были расширены, и на новых территориях развернулось активное жилищное строительство. С 2012 г. Тюменская область (без автономных округов) является лидером по вводу в действие жилых домов на 1000 чел. населения, лишь раз (в 2014 г.) пропустив вперед Московскую область. В течение 5 лет, с 2010 по 2015 г., доля городских жителей в структуре населения региона выросла почти на 5 % – с 60,5 до 65,3 % [Регионы... 2016].

В документах территориального планирования в качестве пригородной зоны Тюмени рассматривается только территория Тюменского муниципального района [Формирование... 2017]. Однако фактические размеры агломерации больше. В пределах 3-часовой доступности от центра областной столицы находится порядка 300 населенных пунктов, в том числе города Ялуторовск и Заводоуковск (см. прил. 6, рис. 1). В зону непосредственного влияния Тюмени попадает часть Свердловской области.

В ходе исследования мы будем оперировать данными статистики, собранными и агрегированными на уровне муниципалитетов – сельских поселений и муниципальных районов. В этой связи при определении

границ пригородной зоны мы также вынуждены опираться на административные границы. В выборку вошли населенные пункты 86 сельских поселений Тюменского, Исетского, Нижнетавдинского, Ялуторовского и Ярковского районов. Вместе с Тюменью и Ялуторовском в границах этих муниципалитетов проживает более 900 тыс. чел., или 2/3 населения региона [Росстат... 2017].

Методы. В рамках функционального подхода к изучению расселения под функциями места понимаются процессы, происходящие внутри элемента системы и обеспечивающие его связь с другими элементами той же территориальной системы либо элементами других систем. Совокупность функций места формирует функциональную организацию территории [Гусева, 2012]. Нашу задачу можно сформулировать как поиск для каждого муниципалитета уровня сельского поселения его базовой функции, т. е. такого процесса, который определяет связь данной территории с городом и другими пригородами. Для этого мы проанализировали территориальное распределение количественных показателей, маркирующих экономическую активность и потоки маятниковой миграции.

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Росстата, Правительства Тюменской области и муниципальных администраций. В качестве индикаторов функциональной специализации поселений были отобраны три показателя (табл.).

Таблица

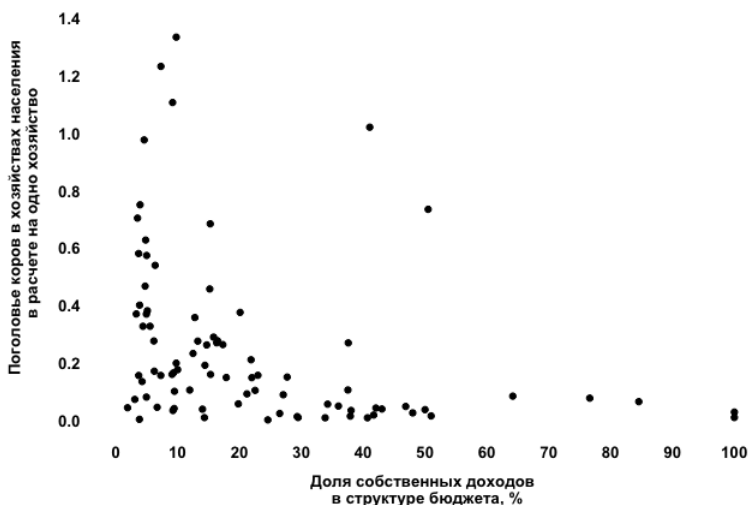
Индикаторы функциональной специализации поселений

Показатель	Доля собственных доходов в структуре доходов бюджета сельского поселения, 2014 (%)	Доля населения в трудоспособном возрасте, работающего за пределами сельского поселения, 2014 (%)	Поголовье коров в хозяйствах населения в расчете на 1 личное подсобное хозяйство, 2014 (ед.)
Число наблюдений	85	80	86
Минимум	1,903	0,00	0,001517
1 квартиль	6,363	17,13	0,044233
Медиана	15,192	29,03	0,153266
Среднее значение	22,263	32,78	0,248840
3 квартиль	33,843	49,06	0,327315
Максимум	100,000	81,82	1,333333
Нет данных	1	6	0

Примечание: * – сост. по: Росстат, Правительство Тюменской области, муниципальные администрации.

1. Доля собственных доходов в структуре доходов бюджета сельского поселения, % (Росстат, муниципальные администрации).

Для целей исследования мы исключили из показателя межбюджетные трансферты, доходы, полученные в ходе продажи материальных и нематериальных активов, и др., сконцентрировав внимание на поступлениях налога на доходы физических лиц, земельного и имущественного налогов, а также доходах от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности. Таким образом, в качестве маркера взяты «чистые» собственные доходы без внешних бюджетных вливаний. В российской системе налогообложения НДФЛ, как и другие налоги, уплачивается по месту регистрации компаний, реже – по месту работы их филиалов, но не по месту жительства граждан. Из этого следует, что бюджетные показатели муниципалитетов невозможно использовать для оценки доходов их жителей, однако они могут служить индикаторами размещения производства (рис.).

Рис. Доля (%) собственных доходов в структуре бюджета vs. поголовье (ед.) коров в хозяйствах населения в расчете на одно хозяйство, 2014 (сост. на основе данных Росстата, муниципальных администраций)

2. Доля населения в трудоспособном возрасте, работающего за пределами сельского поселения, % (Правительство Тюменской области, муниципальные администрации).

Индикатор трудовой маятниковой миграции

3. поголовье коров в хозяйствах населения в расчете на одно личное подсобное хозяйство (Кор/ЛПХ) (источник: Правительство Тюменской области, муниципальные администрации).

Индикатор развитости хозяйств населения

На основе данных сервиса Яндекс. Карты [2016] мы провели оценку транспортной доступности пригородных населенных пунктов. Построенные изохроны учитывались при анализе территориального распределения показателей статистики. Показатели не рассматривались в динамике, поэтому получившаяся модель можно рассматривать как локальный временной срез. Интерпретация результатов проходила с использованием материалов полевых исследований: в 2015 г. в 4 муниципальных районах пригородной зоны мы провели 20 полуструктурированных интервью с главами муниципальных администраций¹. Анализ и визуализация данных проводились в QGIS [QGIS 2017] и R с использованием пакета ggplot2 [Wickham 2009].

Результаты

Территориальное распределение показателей функциональной специализации (см. прил. 6, рис. 1) образует три различных географических рисунка.

Распределение показателя «доля собственных доходов в структуре местного бюджета» имеет радиальную структуру с преобладанием высоких значений в пределах часовой зоны доступности от центра города Тюмени при общем смещении более высоких значений к юго-западу. Средняя бюджетная самостоятельность поселений Тюменского равняется 46 %. В остальных районах значение показателя редко превышает 20 %. Отдельные выбросы за пределами основного очага обозначают районные центры и связанные с ними поселения-спутники.

Показатель трудовой маятниковой миграции распределен между муниципальными районами более равномерно. В Исетском и Нижнетавдинском районах доля граждан трудоспособного возраста, работающих за пределами своих поселений, равна 30 %; в Тюменском и Ярковском районах – 22,3 и 19,3 % соответственно. Лидер по показателю не только в пригородной зоне, но и в регионе в целом – Ялуторовский район (41 %). Наиболее развита трудовая миграция в поселениях второй часовой зоны доступности. Выделяются два очага к северо-западу и юго-востоку от Тюмени. Первый очаг привязан к дорогам регионального значения – Ирбитскому и Велижанскому трактам, которые связывают Тюмень с районным центром Нижней Тавдой, а также северо-восточными территориями Свердловской области, в прошлом составлявшими Туринский уезд Тобольской губернии. Второй очаг расположен между региональной

---

¹ Полевые исследования проводились при поддержке фонда «Хамовники» (2015 003).

столицей и городами Ялуторовском и Заводоуковском вдоль федеральной трассы Тюмень – Омск и пересекающих ее дорог.

Третий показатель маркирует периферийные территории пригородной зоны, выпадающие за пределы 2-часовой изохроны, а также территории с более благоприятными природными условиями. Лидируют поселения Ялуторовского и Ярковского районов, расположенные вдоль рек Тобол и Тура. В Ялуторовском районе на каждое хозяйство населения в среднем приходится в 2–3 раза больше коров, чем в любом из других районов пригородной зоны. Самые низкие значения показателя фиксируются в Тюменском районе и ряде северных поселений Нижнетавдинского и Ярковского районов.

Территориальное распределение показателей бюджетной обеспеченности и развитости личных подсобных хозяйств носит взаимоисключающий характер.

Распределение точек на диаграмме рассеяния (рис.) показывает обратную зависимость, описываемую экспоненциальной функцией: высокой доле собственных доходов в структуре бюджета соответствуют низкие показатели поголовья коров в хозяйствах населения и, напротив, в муниципалитетах с развитым семейным укладом местный бюджет является дотационным.

Обсуждение

Результаты расчетов ставят перед нами следующие вопросы.

Соотноится ли концентрация бюджетно-самодостаточных поселений в ближней пригородной зоне Тюмени с размещением производства? О каких сферах экономической деятельности идет речь? Какова природа очагов трудовой миграции к юго-востоку и северо-западу от города? С чем связано наличие связи между показателями бюджетной обеспеченности и развитости хозяйств населения?

Индустриализированные деревни. Функциональную специализацию поселений ближней пригородной зоны определяют промышленное производство и малого бизнеса. Основа для индустриальной специализации пригородов была заложена еще в советский период со строительством здесь крупных промышленных объектов и связанных с ними отраслевых поселков. Позднее сюда была вынесена часть городских предприятий и здесь же стали появляться новые производства. Сегодня большинство промышленных предприятий находится к юго-востоку от города: строительный кластер в пос. Винзили (заводы керамзитного гравия и силикатных изделий, стекольный завод), Богандинский газоконденсатный завод, крупные, ориентированные на городской рынок комплексы производства и переработки сельскохозяйственной продукции – Боровская, Каскаринская и Пышминская птицефабрики, агрофирма «ЛУКойл-Каскара», индустриальные парки в поселках Боровском и Богандинский и пр. Крупнейшие проекты последнего десятилетия –

металлургический завод ООО «УГМК-Сталь» и Антипинский нефтеперерабатывающий завод также расположились в восточной промзоне, хотя и в черте города. Таким образом, в юго-восточной части города и на части пригородных сельских территорий сформировано индустриальное ядро агломерации. Индустриализированные деревни выступают в качестве субцентров по отношению к городу, стягивая на расположенные здесь крупные производства как городское, так сельское население окрестных территорий. Предприятия являются крупными налогоплательщиками, обеспечивая стабильно высокие доходы местных бюджетов.

Тюмень как крупный рынок сбыта также стимулирует развитие малого и среднего бизнеса. В поселениях ближней пригородной зоны расположены санатории, предприятия по заготовке и переработке древесины, фермерские хозяйства, торговые и логистические компании и пр. В одном только Московском муниципальном образовании с населением порядка 8 тыс. чел. зарегистрировано более 400 предприятий и предпринимателей, в 5-тысячном Успенском – более 180.

Спальные районы. Вынос городских функций за пределы города меняет направление трудовых миграций. Это частично объясняет расположение очагов миграционной активности в территориальном распределении второго показателя. Юго-восточный очаг находится в зоне формирования агломерационных связей между Тюменью, Ялуторовском и Заводоуковском. В поселениях это группы может существовать собственное производство, немногие граждане держат личное подсобное хозяйство, но не это определяет облик населенных пунктов: абсолютное большинство жителей работает за пределами поселений – в городах либо на предприятиях ближней пригородной зоны.

– Расскажите, в каких сферах заняты люди.

– Около сотни – в бюджетной сфере. У нас здесь есть и школа, и ФАП, клуб и библиотека. В сельском хозяйстве 60 человек, в торговле – 40 человек.

– Многие ли работают за пределами поселения?

– Основное население – более 800 человек. Мы очень близко к городу, дороги у нас хорошие, с твердым покрытием, можно ездить в любое время года (Киевское поселение Ялуторовского района).

Сельское поселение имеет хорошую транспортную развязку: 17 км до Ялуторовска и 57 км до Тюмени. Автобусные маршруты ходят каждый час, что позволяет населению работать на предприятиях в городе, например, многие работают на заводе «Тюмень Сталь Мост», на «Винзлинском заводе керамзитного гравия», на стеклотарном заводе «Стеклотех», на ООО «Инвест-сликат-стройсервис» и других (Беркутовское поселение Ялуторовского района).

Близость к городу, возможности трудоустройства и сравнительно высокие доходы демотивируют жителей заниматься личными подсобными хозяйствами формируется городская культура потребления.

– Местные магазины довольно дорогие, в них покупают что-то лишь при острой необходимости, либо люди престарелого возраста, у которых просто нет других возможностей. Остальное население предпочитает ездить в крупные населенные пункты, где расположены супермаркеты, такие как Ашан, Лента, Магнит (Беркутовское поселение Ялуторовского района).

Если юго-восточная часть ближней пригородной зоны Тюмени получила производственную специализацию, на северо-востоке стала развиваться дачно-рекреационная деятельность. Отсутствие крупных промышленных объектов создает благоприятные условия для жилищного строительства. Происходит постепенная трансформация дач, строятся новые коттеджные поселки, горожане активно осваивают старые деревни.

Пригородное сельское хозяйство. В развитии дальней пригородной зоны ключевую роль играет фактор ландшафта. Юго-западная часть региона – Исетский, часть Ялуторовского и Тюменского районов – соответствует лесостепной сельскохозяйственной зоне с более плотным, по сравнению с севером, расселением и сетью дорог. Сочетание благоприятных природных условий, близости к городу и развитию транспортной инфраструктуры способствовали сохранению здесь интенсивного пашенного растениеводства. Наличие сельскохозяйственных предприятий объясняет более высокие, по сравнению с севером, бюджетные доходы. Расстояние в 70–80 км до Тюмени не исключает возможности трудоустройства в городе, хотя и заметно его осложняет.

Ландшафтные условия в юго-западной части пригородной зоны должны также способствовать развитию личных подсобных хозяйств граждан, однако, как показывают исследования [Kühling, Broll, Trautz 2016], анализировавшего динамику сельскохозяйственного производства в районе, рост зернового производства приводит к постепенному вытеснению хозяйственной деятельности населения. ЛПХ получают развитие на более удаленных от города территориях в северо-восточной части пригородной зоны в поймах рек, где в избытке имеются естественные сенокосы и нет конкуренции со стороны предприятий.

***

Ключевая характеристика функциональной организации пригородной зоны Тюмени – специализация поселений. Ближние пригороды выполняют производственную функцию: здесь размещаются вынесенные за пределы города и новые промышленные предприятия, перерабатывающие звенья агрохолдингов, логистические центры, развивается малый бизнес. Наиболее активные миграционные потоки фиксируются в зоне второй часовой доступности. Местные жители ориентированы на работу в городе либо на предприятиях «индустриальных деревень», развивается рекреационная функция. В 1–2 часах от города находятся административные центры окружающих районов. Это дальняя пригородная зона.

На лесостепном юго-западе развивается интенсивное пашенного земледелие – это зона первичной экспансии агрохолдингов. Поселения за пределами 3-часовой доступности города, изолированные населенные пункты формируют внутреннюю периферию пригородной зоны, слабо вовлеченную в функциональные отношения с городом. Развитость личных подсобных хозяйств в удаленных селах маркирует ориентацию локальной экономики на самообеспечение.

Литература и источники

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Гусева Е.С. Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // Региональные исследования. – 2012. – № 2(36). – С. 47–58.

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 6. – С. 100–110.

Ковалев С.А. Сельское расселение: географическое исследование. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1963. – 370 с.

Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сб. ст. – М.: REGNUM, 2007. – 108 с.

Кузьминов И.Ф., Нефедова Т.Г. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Вестник Агро. – 2012. – № 1. – С. 76–90.

Махрова А.Г. Особенности стадийного развития московской агломерации // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. – С. 10–16.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. – 2015. – № 1. – С. 47.

Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 456 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели-2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Росстат: база данных показателей муниципальных образований, 2017 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 20.03.2017).

Семенов Е.А., Чибилев А.А (мл.) Пространственная и структурная трансформация аграрно-хозяйственного комплекса Оренбургской области

как фактор формирования невостребованного земельного фонда // Вопросы географии. – 2016. – № 141. – С. 471–484.

Формирование тюменской агломерации – одна из перспективных форм пространственного развития Тюменского района // ИТП Град: официальный сайт, 2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itpgrad.ru/node/2320> (дата обращения: 15.03.2017).

Яндекс.Карты, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 15.10.2016).

Borsdorf A. On the Way to Post-Suburbia? Changing structures in the outskirts of European cities // European cities structure: Insights on Outskirts / A. Borsdorf, P. Zembri (eds.). – Paris, 2004. – P. 7–30.

Kühling I., Broll G., Trautz D. Spatio-temporal analysis of agricultural land-use intensity across the Western Siberian grain belt // Science of the Total Environment. – 2016. – Vol. 544. – P. 271–280.

Phelps N. A., Wood A. M., Valler D. C. A postsuburban world? An outline of a research agenda // Environment and Planning A. – 2010. – Vol. 42. – No. 2. – P. 366–383.

QGIS Development Team, 2017. QGIS Geographic Information System. Open Source Geospatial Foundation Project – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qgis.org/> (дата обращения: 15.10.2016).

Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Springer-Verlag. – New York, 2009.

Раздел 3
Улан-Удэ и Улан-Батор:
внутренняя миграция и
стихийный рост пригородов

Бреславский Анатолий Сергеевич,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия
anabreso5@mail.ru

УЛАН-УДЭ: МАСШТАБЫ, ИСТОЧНИКИ, СЕГМЕНТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИГОРОДНОГО РОСТА

В статье рассматриваются направления, источники и итоги роста пригородных поселений Улан-Удэ (Республика Бурятия, Россия). На территориальное развитие города в постсоветский период повлияли такие факторы, как децентрализация управления, историческое жилищное наследие, взрыв частного строительства на периферийных территориях. К этим факторам следует отнести также высокую роль сельско-городской миграции, влияние суровых климатических условий и региональной жилищной традиции.

Ключевые слова: пригороды, субурбанизация, постсоциалистические города, Улан-Удэ.

Процессы пригородного роста вокруг крупных российских городов становятся все более заметными, усиливается их региональное многообразие, о котором мы знаем, правда, еще крайне мало. Уже с середины 1990-х гг. отечественные города, особенно столицы регионов и, конечно, крупнейшие городские агломерации, стали активно расширяться за счет освоения сначала внутренних пригородов (городских окраин), а затем и внешних, не входящих в состав этих городов. Столицы субъектов РФ активно генерируют пригородный рост даже в тех случаях, когда сами регионы теряют население. Это явление, связанное со взрывным ростом частной застройки в посткоммунистических странах, исследователи назвали недавно «постсоциалистической пригородной революцией» [Stanilov, Sykora 2014]. В многоукладной России эта «революция» уже получила некоторые местные особенности, выделяющие страну из панорамы, допустим, восточноевропейских городов. Это касается как основных факторов – движущих сил пригородного роста, его направлений, сегментов, последствий и результатов, так и практики управления пригородным развитием, которая сегодня складывается лишь в отдельных «передовых» городах.

Морфология крупных городов меняется вместе с самими принципами градостроительства. Если в советский период города развивались под контролем государства за счет государства и по установленным им правилам, то в 1990–2000-е гг. основным застройщиком стали частные агенты – малые и крупные предприятия, а также сами горожане, что не могло не отразиться на структуре и внешнем облике вновь возводимых и переобуст-

раиваемых районов. Длительный жилищный кризис, ограничение частной собственности и частного жилищного строительства в крупных российских городах в советский период, деградация социально-бытовой инфраструктуры в центральных городских районах в 1990-е гг., либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, внутренняя миграция из сельских территорий в 1990–2000-е гг. – все это существенно повлияло на рост застройки и численности населения как городов-миллионеров, так и менее крупных региональных столиц России. Город Улан-Удэ – столица Бурятии вполне вписывается в этот «постсоциалистический контекст», привнося в него важные региональные уточнения, связанные с местными жилищными традициями, климатом, уровнем доходов населения, характером сельско-городской миграции в регионе и пр. Среди направлений роста внутренних и внешних пригородов Улан-Удэ можно выделить следующие: усадебное деревянное малоэтажное строительство, переобустройство советских дач под круглогодичное проживание, строительство коттеджей и таунхаусов, многоэтажное строительство, разрастание и переобустройство пригородных сел и деревень. Пригородная зона Улан-Удэ получила монофункциональный (в основном жилой) характер, промышленное и торговое строительство здесь не развито. Слабое развитие получила социально-бытовая и инженерная инфраструктура, в результате чего сами пригородные микрорайоны приобрели гибридный сельско-городской облик.

Далее тезисно будут представлены основные результаты полевой работы автора в пригородной зоне Улан-Удэ в 2012–2015 гг. [более подробно см.: *Бреславский* 2014], а также карты-схемы пригородного роста, которые были составлены автором в 2016 г. (см. прил. 7).

Отмечу сразу, что под пригородной зоной в ходе исследования понимались как периферийные территории города (внутренние пригороды, в Улан-Удэ они имеют официальное наименование – «отдаленные микрорайоны»), так и внешние пригороды, расположенные сразу за границами Улан-Удэ на территории трех муниципальных районов Республики Бурятия. Общая карта-схема пригородной зоны Улан-Удэ дана в прил. 7, рис. 1.

В Улан-Удэ процессы пригородного роста приняли внушительный характер, в результате чего границы и площадь застроенной территории пригородной зоны (за пределами городского округа) за последние 25 лет существенно расширились, причем застройка имела по многим параметрам нерегулируемый характер [*Бреславский* 2014]. Население внешних пригородов (в радиусе 25 км от центра города) выросло с 1989 г. по 2015 г. с 17 до 57 тыс. чел.¹ (т. е. в 3,4 раза) и ежегодно продолжает расти.

---

¹ Рассчитано по данным Всесоюзной переписи 1989 г. и данным Бурятстата на 01.01.2016 г.

С 1989 по 2016 г. численность населения Улан-Удэ увеличилась с 352,5 до 430,5 тыс. чел., т. е. на 78 тыс. чел., или 21 %. Много это или мало по сибирским меркам? Если взглянуть на сведения об изменении численности населения в столицах регионов Сибирского федерального округа за последние 25 лет (табл.), мы увидим, что по темпам прироста населения за это время Улан-Удэ расположился на 3-м месте среди 12 городов. На 1-х – Горно-Алтайск (к слову, единственный город Республики Алтай) и Кызыл (единственный крупный город Тувы, как и Улан-Удэ в Бурятии). Население этих городов выросло на 35 и 34 % соответственно, т. е. более чем на треть. Оба города – столицы национальных регионов, как и Улан-Удэ, они стали главными центрами притяжения для местных сельских мигрантов.

Таблица

Численность населения столиц субъектов СФО РФ по данным Переписи 1989 г. и на начало 2015 г.*

Субъект РФ	Население, Перепись 1989 г.	Население, 01.01.2015 г.	Абсолютный прирост, чел.	Прирост / уменьшение, %
Горно-Алтайск	46 436	62 309	+15873	+34
Улан-Удэ	352 513	426 650	+74137	+21
Кызыл	84 641	114 181	+29540	+35
Абакан	154 092	179 200	+25108	+16
Барнаул	601 811	635 585	+33774	+6
Чита	365 754	339 453	-26301	-7
Красноярск	912629	1 052 218	+139773	+15
Иркутск	626 135	620099	-6036	-1
Кемерово	520 263	549 159	+28896	+6
Новосибирск	1 436 516	1 567 087	+130571	+9
Омск	1 148 418	1 173 854	+25436	+2
Томск	501 963	564 910	+62947	+13

Примечание.* – рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 06.10.2016); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. – М., 2015. – С. 105–213.

В 2015 г. Улан-Удэ также находился на 3-м месте по абсолютному приросту населения – количеству новых жителей в период между 1989 и

2015 г., уступая в этом лишь крупнейшим сибирским городам – Красноярску и Новосибирску, население каждого из которых увеличилось за это время более чем на 130 тыс. чел., в то время как в Улан-Удэ выросло на 74 тыс. чел. Обратим внимание на Иркутск и Читу, которые в 2015 г. не преодолели порог 1989 г.

Источники – движущие силы пригородного роста

В Улан-Удэ массовое частное жилое строительство за счет укрупнения и уплотнительной застройки внутригородских районов, строительства новых микрорайонов в черте города и пригороде оказалось связано в основном с тремя обстоятельствами – движущими силами. Во-первых, с длительным кризисом в области городских жилищных программ в сфере обеспечения жильем в советском Улан-Удэ. Очереди на жилье в городе с 1930-х гг. никогда не исчезали, несмотря на высокие масштабы многоэтажного панельного жилищного строительства в течение последних советских десятилетий [Минерт 1983, с. 91, 105–110, 114, 146; Zhimbiev 2000, р. 4]. Необходимо иметь в виду, что население города в советский период росло значительными темпами – с 20 до 360 тыс. чел., и можно представить те сложности в обеспечении граждан жильем, с которыми сталкивались городские власти. Так или иначе к концу советского периода в городе сформировался высокий спрос на (собственное) жилье, который был активно реализован горожанами в 1990–2000-е гг.

Второй фактор взрывного роста пригородных территорий Улан-Удэ (и российских городов в целом) – это децентрализация управления в области распределения и застройки городских и пригородных территорий. Уход государства из управления городами, отказ от жестких форм контроля в распределении городских земель привели к высокой либерализации отношений в сфере застройки городских и пригородных территорий в 1990–2000-е гг., к массовому самовольному строительству без разрешительных документов и одобрения муниципальных властей. Несмотря на то что местные власти получили реальную возможность управления своей территорией, которой они фактически были лишены в советское время, они потеряли государственные субсидии и средства, которые в советское время крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т. п.). Это негативно повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья, социально-бытовой инфраструктуры. В 1990-е гг. многие городские микрорайоны в силу недостатка финансирования пережили социально-бытовую, инфраструктурную деградацию. Это также побудило многих горожан к строительству или покупке своего собственного частного жилья на городских окраинах или в пригороде (за границами городского округа).

Третье существенное обстоятельство, повлиявшее на расширение частной жилищной застройки в постсоветском Улан-Удэ и особенно в его при-

городной зоне, – усилившаяся с середины 1990-х гг. сельско-городская, внутриреспубликанская миграция. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в 1990–2000-е гг. преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекал внутрирегиональных (сибирских и дальневосточных) мигрантов. Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период (с 360 до 430 тыс. чел.) в условиях высокого оттока местных жителей в другие российские города оказалось возможным во многом благодаря тому, что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (в основном сельских) мигрантов. По общероссийской тенденции за последние 25 лет столица республики активно стягивала население из сельских и городских поселений региона, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры, на что указывают и проводимые исследования [Рандалов, Чукуреев, Хараев 2005; Содномпилова 2009; Гунтыпова 2010; Бреславский 2011; 2014; Бадараев 2014]. Сельчане стабильно прибывали и прибывают в Улан-Удэ, в результате чего только по официальным данным в городе сегодня проживает около половины всех жителей республики.

Перечисленные обстоятельства вместе с другими факторами привели к тому, что к концу 2010-х гг. значительная по площади территория Улан-Удэ уже не могла обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства.

Сегменты – направления пригородного роста

Ключевыми направлениями частного жилищного строительства в пригородах Улан-Удэ в 1990–2000-е гг., как мы выяснили в ходе исследования, стали следующие пять. Первое и наиболее масштабное по площади направление связано с частным индивидуальным одно- и двухэтажным строительством и уплотнительной застройкой городских окраин, «отдаленных микрорайонов»¹ Улан-Удэ (см. отдаленные микрорайоны на карте-схеме в прил. 7, рис. 2). Это главным образом деревянное строительство (см. прил. 7, рис. 3). Столь широкое развитие именно деревянного строительства в границах города оказалось возможным вследствие доступности и относительной дешевизны древесных строительных материалов в Бурятии, по сравнению с другими материалами для жилищного строительства. Купить участок и построить на нем дом (без централизованного отопления и водоснабжения) с минимальным ремонтом можно было в 2 раза

---

¹ «Отдаленные микрорайоны» – официальная номинация, обозначающая микрорайоны Улан-Удэ, удаленные физически от центральной части города, но входящие в состав города [Бреславский 2012].

дешевле, чем купить квартиру в центральной части Улан-Удэ (такой же площади). Кроме того, деревянное жилье является более предпочтительным при индивидуальном строительстве, нежели бетонное или кирпичное, поскольку оно лучше сохраняет тепло в условиях сибирских морозов (до -30 – -40 °С). Индивидуальное деревянное жилищное строительство в Улан-Удэ в 1990–2000-е гг. вполне соответствовало уже реализуемой в городе в советское время жилищной традиции. Иными словами, такого рода строительство хоть и не поощрялось, но имело место и в советском Улан-Удэ.

Часть этого первого направления – самовольное строительство, вызвавшее волну общественных дебатов и периодические единичные столкновения с городскими властями с начала 2000-х гг. до настоящего момента [Карбаинов 2006; Алексеева 2010]. Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли размах этого явления в европейской части России. Этому «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания. Только в период с 2001 по 2013 г., по данным мэрии, в Улан-Удэ было построено 2370 самовольных построек и еще 3780 самоволок осталось городу в наследство от советских времен¹. К середине 2010 г. ужесточение контроля за распределением земель остановило этот процесс. Большинство самовольщиков получили возможность юридически закрепить права собственности на землю и жилую недвижимость.

Второе направление в жилищном строительстве постсоветского Улан-Удэ – многоэтажное строительство (от 3 до 16 этажей) силами крупных строительных компаний (см. прил. 7, рис. 4). Это направление получило развитие в городе с начала 2000-х гг. в связи со стабилизацией доходов населения, ростом потребительского спроса на благоустроенные квартиры, развитием института ипотеки и долевого строительства. Оно нашло выражение главным образом в уплотнительной застройке – на территориях городских микрорайонов, уже сформированных в советское время. Однако постепенно развивается и сегмент комплексной, широкомасштабной многоэтажной застройки ранее неосвоенных территорий (юго-западное направление). К сожалению, для тех, кто видит Улан-Удэ высотным, этот сегмент значительно уступает по своим масштабам малоэтажному строительству. Главная причина – слабый внутренний спрос, бед-

---

¹ Основные результаты за 2013 г. и перспективы деятельности органов местного самоуправления городского округа «Город Улан-Удэ» по решению вопросов местного значения и социально-экономическому развитию городского округа (electronic resource in Russian) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf (дата обращения: 08.01.2016).

ность «среднего класса» городского населения. На карте-схеме, которая была разработана в 2016 г., видно, что зоны многоэтажной застройки города занимают существенно меньшую площадь его застроенной территории, нежели малоэтажные (1–2 этажа) (см. прил. 7, рис. 5).

Третье направление пригородного развития в Улан-Удэ – переобустройство городских летних дач в добротное жилье для круглогодичного проживания (также деревянное, одно- и двухэтажное). Дачи в качестве летнего жилья, места для летнего отдыха и любительского земледелия стали массово появляться в городе с 1960-х гг. Сегодня в Улан-Удэ действуют более 30 дачных и садовых некоммерческих товарищества, в большей части которых обозначенные процессы переобустройства и протекают. Переезд на постоянное место жительства на дачу в 1990–2000-е гг. позволил решить жилищную проблему многим горожанам, чьи семьи расширились, а также многим новым сельским мигрантам, которые не смогли приобрести жилье в более дорогих районах города. На дачных участках вместо небольшого летнего домика с тонкими стенами строят дом с отоплением, баню, гараж и пр. (см. прил. 7, рис. 6). Надо сказать, дачи в Улан-Удэ, как и во всех крупных городах России, являются одной из заложённых основ субурбанизации.

Четвёртое направление пригородного развития Улан-Удэ в постсоветский период – строительство коттеджей и таунхаусов в зоне городской периферии, в том числе небольших комплексов силами крупных строительных компаний с привлечением значительных инвестиций. Это направление, по моим наблюдениям, менее масштабно в сравнении с первым, вторым и третьим¹. Несмотря на то что первые коттеджи, ставшие символом переходного периода, появились в Улан-Удэ уже к середине 1990-х гг., их прирост в общей структуре городского жилья ежегодно не столь значителен, как например, в крупных городах Центральной и Восточной Европы. Несмотря на то что численность Улан-Удэ значительна и превышает сегодня 430 тыс. чел., количество богатых семей из реального среднего класса здесь относительно невелико. И количество закрытых пригородных поселений, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» в постсоциалистических городах [Hirt 2014], в Улан-Удэ невелико: один действительно закрытый, за высоким забором, роскошный комплекс таунхаусов «Европа» (квартиры в котором оказались не востребованы из-за их дороговизны) и не более 10 небольших коттеджных поселков (микрорайонов) в разных частях города (см. в прил. 7, рис. 7).

---

¹ К сожалению, собираемая в России и в Улан-Удэ, в частности, статистика в сфере жилья и жилищного строительства, в том числе в области второго жилья, крайне бедна, что не позволяет говорить о точных пропорциях в структуре типов жилья.

Наконец, пятое направление, уже более тесно связанное с развитием загородной зоны, – это разрастание пригородных сел и деревень на границах Улан-Удэ, не входящих в городской округ. Это более 20 поселений трех сельских районов Бурятии: Заиграевского, Иволгинского и Тарбагатайского [Бреславский 2014, с. 85–86]. Все пригородные поселения в советский период являлись пригородами Улан-Удэ исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа), имели главным образом сельскохозяйственное назначение, а местное население работало преимущественно на местных сельскохозяйственных предприятиях. Таким образом, пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения. Начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, связанный с удорожанием земли и жилья в черте города. В результате этого происходит существенное увеличение и обновление местных сообществ, а также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Сегодня активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах) фактически является одним из главных направлений демографического и территориального роста Улан-Удэ. Пригородная зона начинает оказывать все большее влияние на городской рынок труда и потребления, загруженность городских автодорог, детсадов, школ, поликлиник и т. п.

Освоение этого сегмента внешних пригородов Улан-Удэ в постсоветский период можно условно подразделить на два этапа. Первый (начальный этап) хронологически укладывается в период с начала 1990-х гг. до середины 2000-х гг. и характеризуется низкой интенсивностью заселения территорий. Второй (с середины 2000-х гг. до наших дней), наоборот, отмечен ускоренным освоением и заселением пригородной зоны. Наибольшую интенсивность эти процессы приобрели в последнее время (2010–2016 гг.) (см. прил. 7, рис. 8–10).

На расстоянии 25 км от центра Улан-Удэ расположен сегодня 21 населенный пункт. Каждый из них входит в состав того или иного сельского поселения Заиграевского, Иволгинского или Тарбагатайского района республики. Так, более половины из поселений (12) расположены в Иволгинском районе, 6 – в Тарбагатайском и 3 – в Заиграевском (см. прил. 7, рис. 1).

Пригородное положение по-разному повлияло на развитие обозначенных поселений за последние 25 лет. Где-то рост населения и числа домохозяйств привел к многократному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незна-

чительными. Сравнив данные по численности и размещению населения в этих поселениях за два последних переписных периода (1989–2002 гг., 2002–2010 гг.), можно отметить, в частности, что два из них – Поселье и Нурселение – стали своего рода «рекордсменами» в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8 %), а в трех (Тапхар, ст. Саянтуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660 %. Показатели эти, безусловно, сложились за счет миграционного прироста.

Сами по себе пригородные поселения разнородны, они серьезным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района Бурятии (Иволгинск) и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений, будь то школы, детсады, поликлиники и т. п. Большую их часть объединяет одно – советское прошлое: в XX в. они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах и небольших промышленных предприятиях. После распада Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства все сельскохозяйственные предприятия постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда.

Рассматриваемые поселения сегодня сложно сопоставить с пригородами, допустим, западных городов по ряду критериев: уровню инфраструктуры, идентичности и социальному составу местных жителей, образу их жизни. Практически все из обозначенных поселений вплоть до последнего времени представляли собой достаточно типичные для Бурятии одноэтажные слабоурбанизированные сельские населенные пункты, жители которых вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность.

В среде новых жителей, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ в 1990–2010-е гг., выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии и сами горожане [Бреславский 2014, с. 108–132]. В количественном отношении доминировали сельские мигранты (92,3 %, 2014 г.) среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня (по региону). В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий современного Улан-Удэ стала именно сельская Бурятия, а не сам город, а главными участниками этого процесса – сельские мигранты, а

не «коренные» горожане. Это отличает Улан-Удэ от многих крупных городов нашей страны, в которых пригороды в постсоветский период формировались главным образом самими городами (горожанами, выезжающими в пригороды ради более благоприятных условий жизни). Строго говоря, массовое развитие пригородов Улан-Удэ сегодня – это не результат субурбанизации в ее классическом англо-американском понимании, связанном с желаемым переездом горожан из центральной части города в пригороды за более благополучными условиями для жизни. В этом случае речь идет скорее о продолжающейся урбанизации, продолжении центростремительных потоков сельско-городской миграции, правда, основанных уже не на индустриализации территории, как это было в советские годы.

Отношения новых переселенцев с местными жителями в улан-удэнских пригородах складываются в большинстве случаев без каких-либо серьезных проблем. Это происходит потому, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. На это влияет и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим, среди которых практически нет иностранных мигрантов.

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят новые жители в пригородной зоне, в большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно (см. прил. 7, рис. 11).

Несмотря на то что рассматриваемые пригородные села в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, в целом они сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, внутрипоселковые дороги требуют серьезного ремонта, отдельные поселения по-прежнему не лишены проблем с водоснабжением и т. п. При расширяющемся количестве частного автотранспорта они сохраняют высокую зависимость от общественного транспорта. Имеется множество инфраструктурных и бытовых проблем, наиболее важными из которых являются следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства.

С эстетической точки зрения, новые пригороды Улан-Удэ, очевидно, вызывают много вопросов. Дома, приусадебные участки, ограждения пока не получили сколько-нибудь законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это, допустим, принято во многих поселениях сельской Бурятии. Несмотря на то что массовое частное строительство решило проблему жилищного «голода», связанную с недостатком жилья в советский период и постсоветской сельско-городской миграцией, город приобрел множество инфраструктурных проблем, которые ему еще предстоит решить. Очевидно, что городу предстоит также осознать те проблемы, которые порождает такого рода экстенсивная и неустойчивая форма развития пригородов вширь.

Для исследователей пригородного роста в крупных российских городах Улан-Удэ может быть интересен, с одной стороны, как хороший пример «постсоциалистической пригородной революции» со всеми ее источниками и параметрами, а с другой – как кейс, который вносит важные региональные уточнения в этот обсуждаемый сегодня относительно новый концепт. Местные жилищные традиции в индивидуальном строительстве, тесно связанные с климатом и доходами населения, особенности советской урбанизации республики, особая роль города в общественном сознании ее жителей, нерегулируемый характер сельской миграции вносят свои дополнения к картине пригородного развития отечественных городов, делая случай Улан-Удэ вполне специфическим на общей карте крупных городов России.

Литература и источники

Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 4. – С. 128–139.

Бадараев Д.Д. Сельско-городская миграция как фактор адаптации к социально-экономическим процессам // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 14-2. – С. 59–63.

Бреславский А.С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. История, политология. – 2011. – Т. 1, № 4. – С. 22–25.

Бреславский А.С. «Город окраин»: территориальная сегрегация и ее (вос)производство в постсоветском Улан-Удэ // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 10–23.

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Гунтыпова Э.С. Миграция молодежи в Республике Бурятия (историко-социологические аспекты). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2010. – 124 с.

Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 115 с.

Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163–184.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск: ХНЦ ДВО РАН, 2006. – С. 129–154.

Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.

Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – 254 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 p.

Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p.

Бадараев Дамдин Доржиевич,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия
damdin80@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ И СТОЛИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ¹

Статья посвящена анализу проблем, причин и состояния миграционных потоков населения из сельской местности в столицы Республики Бурятия и Монголии. Миграция рассматривается как вынужденная мера переселения и приспособления сельских жителей к городским условиям Улан-Батора и Улан-Удэ в результате воздействия отрицательных социально-экономических факторов, связанных с переходными рыночными процессами в агропромышленном секторе рассматриваемых территорий.

Ключевые слова: внутренняя миграция, трансграничная территория, город, село, переходный период, рыночная экономика.

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №15-31-01327 «Кочевничество и миграции: модернизационные изменения поведения nomadов Монголии».

Среди трансформационных процессов в постсоциалистических странах важное значение имеет внутренняя миграция населения. Специфика переходного периода обусловила усиление сельско-городской миграции, имеющей внутритерриториальный характер, где движение населения происходит между сельской местностью и более крупными населенными пунктами.

На примере Монголии и Республики Бурятия можно продемонстрировать особенности миграционного процесса, связанного с изменением соотношения городского и сельского населения и облика их столиц – Улан-Батора и Улан-Удэ. Сравнительное изучение этих городов через призму внутренней миграции представляет собой актуальную тему для исследования, поскольку оно вызвано историческим прошлым и современным состоянием столиц Монголии и Республики Бурятия. Города-побратимы демонстрируют результат постепенной урбанизации кочевых в недалеком прошлом монгольских этносов. Немаловажное значение имеют и массовые миграционные потоки пришлого населения в эти города в разные исторические периоды. Изменение образа жизни кочевников в сторону оседлой культуры, модернизация сфер общественной жизни, а также социально-экономическое развитие городов способствовали увеличению доли городского населения на территории Монголии и Бурятии. В 1990-е гг. миграционные потоки населения имели разнонаправленный вектор, поскольку во многих местах разрушение существующей производственной базы предприятий и деформация социально-трудовой сферы не компенсировались созданием достаточного количества рабочих мест, что привело к ограничению возможностей для обеспечения нормального уровня жизни для большинства сельского населения. Появление частной собственности на основе рыночной экономики усилило конкуренцию на местах. Как результат, за последнюю четверть столетия постсоциалистические общества получили фактически нерегулируемый процесс внутренней миграции населения.

Внутренняя миграция из сельской местности в города применительно к переходным обществам имеет свои причины, факторы и соответствующие последствия для общества, поскольку ее масштабы тесно связаны с вопросами национальной безопасности, демографической политики и рационального распределения трудовых ресурсов по сферам экономической деятельности.

Динамичные демографические процессы, происходящие в монгольском обществе, характеризуют современный Улан-Батор как бурно развивающийся столичный мегаполис. О динамике численного роста жителей г. Улан-Батора свидетельствуют данные монгольской статистики (табл. 1) [Батбаяр, Галиймаа 2010, с. 225; Амартувшин 2015, с. 48].

В отношении г. Улан-Батора тенденцию увеличения численности населения демонстрируют следующие цифры статистики: в 1990-м г. прибыло в Улан-Батор 5157 чел., убыло – 2102 чел., в 2000-м г. – 19918

чел. и 592 чел. соответственно, а в 2012 г. показатели достигли 57300 чел. и 19500 чел. соответственно. По демографическим прогнозам, к 2020 г. население Улан-Батора составит 1 млн 555,7 тыс. чел., а к 2040 г. – 2 млн 387,1 тыс. чел. [Амартувшин 2014, с. 46–50].

Таблица 1

Численность постоянных жителей г. Улан-Батор в 1930–2013 гг., тыс. чел.

Год	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2013
Численность жителей г. Улан-Батор	10,54	24,2	40	145,8	280,5	418,7	560,6	760,1	1112,3	1318,1

К основным причинам, усиливающим сельско-городскую миграцию, следует отнести: низкий уровень жизни населения в сельской местности, высокий уровень безработицы, низкие закупочные цены и ограниченные возможности реализации товаров, продуктов и сырья животного происхождения, негативные последствия влияния природно-климатических катаклизмов на поголовье скота – дзуд (бескормица), распространение инфекционных заболеваний животных, ограниченная доступность образовательных, социальных и медицинских услуг, низкий уровень развития инфраструктуры (отсутствие электричества, средств связи и транспорта).

Состояние миграционного вопроса в сельской местности Монголии демонстрирует скорее негативные последствия, нежели положительные. Практически нерегулируемая сельско-городская миграция подрывает основы традиционного кочевого хозяйства и влечет за собой целый ряд негативных демографических, экономических, социальных, экологических и других последствий. Уменьшение численности молодежи в сельской местности и миграция семей в города дестабилизирует развитие сельской местности и приводит к дисбалансу производительных сил в агропромышленном секторе; замедляется развитие сельскохозяйственного производства и снижается объем сельского рынка, уменьшается и без того низкая плотность сельского населения, происходит «опустынивание» обширных территорий, скотоводы оставляют ранее обжитые кочевья [Социально-политические... 2013, с. 278].

Сельско-городская миграция сопряжена с различными социальными процессами модернизации и глобализации. С разным типом миграции тесно связано усиление урбанизации, которая, в свою очередь, детерминирует и другие социальные проблемы принимающего общества

переходной экономики – безработицу, бедность, перенаселенность городских территорий, массовый самовольный захват земель и строительство незаконного жилья в пригородах (юрточные микрорайоны), нехватку объектов инфраструктуры. 79,5 % прибывших из сельской местности мигрантов живут в юрточных микрорайонах [Амартувшин 2014, с. 49]. По данным за 2013 г., на Улан-Батор приходится около 50 % промышленного производства, 62 % хозяйствующих единиц, 57,2 % используемого транспорта, 87 % обучающихся в вузах, 62 % врачей, 44 % койко-мест в медицинских учреждениях. В 178 общеобразовательных школах столицы обучаются 185,6 тыс. школьников, в 152 вузах – 98,4 тыс. студентов, в 181 дошкольном образовательном учреждении – 33,4 тыс. детей. На 10 тыс. горожан приходится 43 врача, 117 койко-мест, расположенных в 29 объединенных учреждениях здравоохранения. Плотность населения в столице начиная с 2000 г. увеличилась со 162 до 245,6 чел. в 2010 г. [Баасангэрэл, Болормаа 2014, с. 56], тогда как средний показатель по стране составляет 1,8 чел. на 1 кв. км [Статистический ежегодник ... 2014, с. 9].

Социологические обследования в г. Улан-Батор в форме анкетирования, наблюдения и интервью на протяжении последнего десятилетия демонстрируют, что для приезжих из худона мигрантов возникают многочисленные проблемы с оформлением регистрационных документов, постановкой на учет в органах занятости и социальной защиты населения, медицинских учреждениях, дошкольных и школьных образовательных учреждениях. Трудности в социокультурной адаптации, низкий уровень жизни большинства приезжих приводят к различным формам девиантного поведения, ухудшается криминогенная обстановка, привносятся формы худонской культуры в пригородах урбанизированных районов, заметны процессы рурализации городского пространства.

Для монгольского общества периодически актуализируется внутренняя миграция с противоположным вектором – из городов в сельскую местность. Данный тип миграции чаще всего связан с процессом реномадизации в монгольском обществе, поскольку в большинстве случаев люди возвращаются в худон, чтобы заняться традиционным кочевым скотоводством. По оценкам исследователей, реномадизация имела всплеск активности на начальном этапе перехода страны к рыночной экономике. Так, в течение первых 10 лет после революции 1990-г. радикального изменения форм собственности в сельском хозяйстве, приватизации общественного скота и другого имущества бывших СХО и госхозов, число животноводов в стране возросло со 147,5 в 1990 г. до 421,4 тыс. чел. в 2000 г., или почти в 3 раза, а число семей животноводов – с 74,5 до 191,5 тыс. чел., или почти в 2,5 раза [Статистический ежегодник ... 2003, с. 32]. В последующие годы процесс реномадизации характеризуется постепенным уменьшением в показателях. По данным 2015 г., численность животноводов составила 293,6 тыс. чел. (10 % всего населения), а

число их семей – 149,7 тыс. Численность частных домохозяйств, имеющих более 1 тыс. голов скота, достигла 6808, тогда как в 2010 г. их было 2406 [Статистический ежегодник ... 2015, с. 377].

Основными причинами обратной внутренней миграции из городов в сельскую местность являются: ухудшение социально-экономического положения в городах, снижение уровня жизни горожан; высокий уровень безработицы и отсутствие заработка; усугубление экологических проблем в урбанизированных районах и, как следствие, распространение заболеваний, связанных с загрязнением окружающей природной среды; возвращение к исконному типу хозяйствования – кочевой культуре народа и др.

При существующей тенденции внутренней миграции последних 15 лет, предположительно, в монгольском обществе будет продолжаться постепенное уменьшение численности аратов-скотоводов при сохранении или увеличении поголовья скота. Условиями сохранения поголовья монгольского скота могут выступить: увеличение спроса на монгольское мясо и шерсть на мировом рынке, инвестирование в современные технологии ведения животноводства (усиление ветеринарного контроля, селекционирование, оптимизация в использовании пастбищных и сенокосных угодий), всесторонняя поддержка скотоводов правительством Монголии. При этом традиционно существенным фактором сохранения поголовья скота выступают природно-климатические условия, от которых всецело зависит состояние пастбищного скотоводства страны.

Таким образом, миграционные процессы в современном монгольском обществе демонстрируют высокую территориальную мобильность населения. Основные причины и факторы миграционных потоков населения обусловлены современными рыночными, экономическими и демократическими процессами, ускоряемыми глобализацией и модернизацией. Резонно возникает дилемма цивилизационного характера, связанная с сохранением кочевого образа жизни или же началом вступления экономики страны в фазу ускоренного технологического развития по аналогии с высокоразвитыми странами. С одной стороны, количество скота ежегодно увеличивается, а с другой – уменьшается число скотоводов, что указывает на противоречия в вопросе сохранения или же медленного искоренения кочевого образа жизни монгольских аратов.

По сравнению с Улан-Батором, в Улан-Удэ происходят менее интенсивные процессы, однако по перечисленным выше параметрам также есть ощутимые изменения. Численность постоянного населения г. Улан-Удэ, по предварительным данным, на 1 января 2017 г. составила 431,9 тыс. чел., увеличившись на 0,3 %, по сравнению с 1 января 2016 г., сообщает Бурятстат [Численность населения... 2017]. По результатам государственных переписей населения демонстрируется тенденция постоянного увеличения численности населения Улан-Удэ (табл. 2).

Таблица 2

Численность постоянного населения Республики Бурятия и г. Улан-Удэ по данным государственных переписей, тыс. чел.

Год переписи населения	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Республика Бурятия	671,1	809,3	899,4	1038,2	981,0	972,0
г. Улан-Удэ	173,6	256,1	303,8	367,5	386,9	404,4

Усиление сельско-городской миграции рассматривается как результат негативных социально-экономических и демографических процессов, происходящих в сельских районах республики. Сельчане в поисках лучших условий жизни, возможностей самореализации, обеспечения «светлого будущего» своих детей стремятся освоить новые географические территории, социально-культурные пространства и всесторонне адаптироваться к ним, создавать благоприятные условия для проживания. Сельским жителям приходится адаптироваться к новым социально-экономическим условиям посредством миграции из сел и деревень в города, тем самым приспосабливаться к культуре, образу жизни, ценностному миру города, но в то же время привнося с собой элементы сельской культуры и образа жизни, которые прочно сохраняются у сформировавшихся личностей. Вместе с тем массовое переселение сельского населения в города способствует появлению масштабных социальных проблем, разрешение которых становится труднопреодолимой задачей для администраций Улан-Удэ и пригородных районов и поселений.

Основными факторами сельско-городской миграции населения в Улан-Удэ становятся следующие: экономический (низкий уровень жизни в сельской местности), трудовой (высокий уровень безработицы), ограниченность доступа к социальным и культурным благам (медицина, социальное обслуживание, объекты духовного развития – театры, музеи, библиотеки и др.), образовательный (нехватка или отсутствие профессиональных учебных заведений). Также одним из значимых факторов является миграция в Улан-Удэ жителей соседних регионов – Иркутской области и Забайкальского края, в частности, из бывших бурятских автономных округов – Усть-Ордынского и Агинского, потерявших статус автономии в 2007–2008 гг. Кроме перечисленных факторов, усугубляет ситуацию и политика властей Бурятии, направленная на увеличение численности населения Улан-Удэ до 700 тыс. чел. в ближайшей перспективе за счет расширения границ столицы в сторону соседних сельских районов республики – Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского [*Население Улан-Удэ... 2010*].

Подтверждением вышеперечисленных негативных процессов в сельской местности республики являются результаты некоторых социологических исследований. Обзор социально-экономических аспектов социологического исследования «Мониторинг социального самочувствия

населения муниципальных образований Республики Бурятия в условиях кризиса» позволяет выявить некоторые существенные характеристики социального замера социального самочувствия сельского населения республики¹.

По полученным данным, 39,5 % опрошенных сельчан отметили, что «скорее или совершенно не удовлетворены своей жизнью в настоящее время». Кроме того, достаточно критическим показателем данного исследования явилось признание 52,8 % сельских жителей республики о возможности участия в массовых выступлениях против роста цен, безработицы и падения уровня жизни, и лишь четверть (25,4 %) респондентов выразила невозможность участия в таких акциях, а пятая часть опрошенных (20,7 %) затруднилась с ответом. Социально-экономическая ситуация на селе таит в себе опасность возникновения социального недовольства. Все это в совокупности содержит в себе потенциальную угрозу социальной дестабилизации положения в сельской местности в республике.

Интегральным показателем социального самочувствия сельского населения является табл. 3, где представлены суммарные оценки сельского населения относительно социально-экономических изменений в республике за последние 5 лет.

Из ответов респондентов следует, что в процентном отношении наиболее часто упоминается ответ «не изменилось», затем – вариант «ухудшилось». Достаточно большой процент (до 19,5 %) сельских жителей отвечает на поставленные вопросы «не знаю». Среди полученных ответов, в не столь большой пропорции, присутствует вариант «улучшилось».

К основным характеристикам г. Улан-Удэ, связанным с сельскохозяйственной миграцией, можно отнести следующие:

– по статданным менее половины жителей Республики Бурятия (42,4 %) проживает в столице, а, по неофициальным данным, численность населения г. Улан-Удэ превышает 500 тыс. чел., т. е. превышает половину населения региона;

– безработица, социальная незащищенность, высокий уровень смертности, поляризация населения;

– увеличение численности прибывающих из сельской местности граждан и нехватка для них жилья, что приводит к расширению фактических границ Улан-Удэ за счет возведения деревянных строений, многие из которых не имеют официальных разрешительных документов; по некоторым данным, «...пригород разрастается за счет частных построек, которые составляют основную долю ввода в действие жилых

---

¹ Исследование было проведено в рамках гранта Бурятского государственного университета в 2011 г. в четырех сельских районах Бурятии: Кабанском, Кижингинском, Хоринском и Закаменском с выборочной совокупностью 405 чел.

домов по формам собственности – 97,6 %, тогда как государственная составляет 1,3 %, а муниципальная – 1,1 %» [Тоглова 2010, с. 193];

Таблица 3

Какие, на Ваш взгляд, произошли социально-экономические изменения за последние 5 лет в Республике Бурятия?, %

Значение	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Не знаю	Нет ответа
Влияние простых людей на политику	7,4	49,4	18,3	19,5	5,4
Справедливость в распределении материальных благ	5,2	38,8	32,8	19,0	4,2
Работа больниц, аптек, поликлиник	13,8	38,8	32,8	8,4	6,2
Работа учебных заведений	11,1	38,8	31,8	12,3	6
Состояние окружающей среды	3,9	21,5	60	9,6	5
Национальные отношения	5,9	46,7	25,7	15,5	6,2
Работа милиции, прокуратуры, судов	10,4	42	25,9	16,3	5,4

– появление новых территориальных образований в пригороде обостряет существующие проблемы города: низкий уровень обеспеченности таких территорий объектами социального и коммунально-бытового назначения, инженерной инфраструктурой, нехватка детских садов, школ, больниц, поликлиник и других социально значимых объектов; особого внимания требуют электроснабжение отдаленных микрорайонов, подведение водопровода, обеспечение транспортной доступности, телефонизация с возможностью подключения к Интернету;

– экологическая дестабилизация: загрязнение окружающей среды, загазованность, увеличение переработки бытовых отходов, нелегальная вырубка близлежащих к городу лесных массивов на строительство и дрова;

– увеличение частного автотранспорта, что приводит к образованию многочисленных пробок и заторов в городе практически по всем направлениям, особенно в час-пик; старые улицы города при планировке явно не были рассчитаны на такой поток автотранспорта; существенно возрастает нагрузка на дорожные службы, государственную инспекцию безопасности дорожного движения.

Анализ данных исследований показывает, что неблагоприятная социально-экономическая обстановка в сельской местности, спад и

застойные процессы в агропромышленном секторе, слабые перспективы на улучшение ситуации на селе не только в республике, но и в бывших бурятских автономных округах и соседних регионах, а также отсутствие политики регулирования внутренней миграции способствуют усилению миграционных потоков из сельской местности в столицу Бурятии г. Улан-Удэ как место реализации потенциальных возможностей и центр бурятского мира. Улан-Удэ, по сравнению с другими муниципальными образованиями республики, доминирует в плане инвестиционной привлекательности, уровня жизни, образованности, экономического, политического и технического развития. При кажущемся благополучии город имеет массу проблем: изнашивание инфраструктуры, нехватка жилья и социально значимых объектов, транспортная загруженность, экологические, демографические, экономические и социальные проблемы.

В рассматриваемых городах наблюдается динамика роста численности населения. В этой связи на формирование городского пространства влияют такие актуальные социальные проблемы, как безработица, бедность, преступность, экологическая безопасность, массовое строительство в частном секторе, в том числе самовольное возведение домов в Улан-Удэ и войлочных юрт в пригородах Улан-Батора, возникновение дорожных заторов, а также ограниченность доступа к объектам социальной инфраструктуры для малообеспеченных слоев населения. Пятая часть жителей Улан-Батора не обеспечена самым необходимым, живет в условиях ограниченной доступности образования и медицинских услуг. Из-за своей низкой платежеспособности 22,8 % сельских мигрантов не обеспечены электроэнергией, 25,5 % не имеют разрешительных документов на занимаемый ими участок земли. Кроме того, усугубляется проблема экологической безопасности перенаселенных территорий. Загрязнение атмосферы в столице Монголии превышает допустимые нормы в 28 раз, что главным образом связано с использованием в юртах каменного угля, а также с увеличением количества автотранспорта в столице. Нарастает нагрузка на почвенный покров, что превышает нормативы в 10–16 раз [Монгол улсын ... 2009, с. 107]. Появление несанкционированных свалок не самым лучшим образом сказывается на общем состоянии данных территорий, демонстрируя высокий уровень загрязненности. Одной из значимых проблем сельских мигрантов становится адаптация к городским условиям жизни, социально-культурной среде города. Различия в образе жизни городских и сельских жителей затрудняют адаптационный процесс. В городе мигрант сталкивается с иным ритмом жизни и иной системой хозяйствования, это зачастую провоцирует конфликты между носителями двух полярных субкультур.

Таким образом, одним из существенных факторов формирования и социально-экономического развития рассматриваемых городов становится сельско-городская миграция, которая влечет за собой изменение социокультурного облика этих городов, модификации их социальной

структуры и планов градостроительства. К схожим характеристикам городов, связанных с сельско-городской миграцией, можно отнести следующее:

- примерно равное соотношение проживающих в столице жителей к общей численности населения Монголии (44,4 %) и Республики Бурятия (42,4 %);

- увеличение численности прибывающих из сельской местности граждан и нехватка для них жилья; большая часть обитателей юрточных микрорайонов пригородов Улан-Батора и самовольно возведенных домов вокруг Улан-Удэ составляют сельские мигранты;

- расширение фактических границ городов за счет возведения юрточных микрорайонов в Улан-Баторе и деревянных строений в Улан-Удэ, которые подчас не имеют официальных разрешительных документов;

- возрастание нагрузки на социальную инфраструктуру городов: нехватка детских садов, школ, больниц, поликлиник и других социально значимых объектов.

На сегодняшний день рассмотрение и решение вопросов внутренней миграции, ее причин, факторов и последствий превратились в актуальнейшую социальную проблему. Напрашивается выработка четко сформулированной миграционной политики, направленной на изменение динамики распределения населения по районам и аймакам и уменьшению одностороннего миграционного потока. Сложившаяся ситуация требует дальнейшего научно обоснованного изучения и проведения мониторинговых исследований, результаты которых необходимо использовать для выработки оптимальных решений социально-экономического развития перенаселенных территорий и рационального использования трудовых ресурсов в разных отраслях экономики Бурятии и Монголии. Сохранение традиционного животноводства, которое вобрало в себя тысячелетний опыт жизнедеятельности, традиций и культуры монгольских этносов, нуждается в пристальном внимании со стороны государства и органов власти. В условиях возникновения рыночных отношений сохранение и развитие nomadного животноводства на сопредельных территориях России и Монголии имеет стратегически важное значение. Экологичность ведения nomadного хозяйства, малозатратность, получение качественных продуктов питания и натурального сырья, приспособляемость к суровым условиям аборигенных пород скота и ряд других преимуществ привлекают интерес к возрождению традиционного скотоводства в Бурятии. На примере масштабного разведения скота в Монголии становится очевидной возможность внедрения технологий ведения nomadного скотоводства и перенятия их опыта в Бурятии. Вместе с тем надо учитывать и потенциальные риски nomadного скотоводства, связанные с его производностью от природно-климатических условий, рыночных законов при реализации готовых продукций и сырья, особым природным статусом Байкальской водоохранной зоны. Таким образом, развитие традиционного животноводства, со всеми сопутствующими

социально-экономическими условиями, может стать одним из важнейших регуляторов внутренней миграции в трансграничных регионах Байкальской Азии.

Литература и источники

Амартувшин Л. Улаанбаатар хотын хун амын шилжилт ходолгооний хандлагын шинжилгээ (Изучение миграционных тенденций населения в г. Улан-Батор) // Актуальные вопросы городской миграции: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Батор, 4 июня 2014 г.). – Улаанбаатар, 2015. – С. 46–51.

Баасангэрэл Ж., Болормаа С. Хотжилт ба боловсролын тулгамдсан асуудлууд (Улаанбаатар хотын жишээн дээр) (Урбанизация и актуальные вопросы образования (на примере г. Улан-Батор) // Актуальные вопросы городской миграции: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Батор, 4 июня 2014 г.). – Улаанбаатар, 2015. – С. 56–61.

Батбаяр Т., Галиймаа Н. Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990–2008 гг.) // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. ст. / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 223–231.

Статистический ежегодник Монголии. – Улан-Батор, 2003. – 323 с.

Статистический ежегодник Монголии. – Улан-Батор, 2012. – 462 с.

Статистический ежегодник Монголии. – Улан-Батор, 2013. – 402 с.

Статистический ежегодник Монголии. – Улан-Батор, 2014. – 453 с.

Статистический ежегодник Монголии. – Улан-Батор, 2015. – 455 с.

Монгол улсын хун амын дотоод шилжих ходолгооний чиг хандлага, ур дагавар (Тенденции развития, последствия внутренней миграции населения Монголии). – Улан-Батор, 2009. – 250 с.

Население Улан-Удэ «возможно» увеличат до 700 тысяч человек // Sibnet Info, 10 декабря 2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.sibnet.ru/article/299239/> (дата обращения: 20.05.2011).

Социально-политические системы в сравнительном контексте: цивилизации и идентичности / под ред. А. С. Железнякова и Т. Н. Литвиновой. – М.: ИС РАН, 2013. – 352 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2938> (дата обращения: 01. 05. 2016).

Тоглоева Д.П. Социально-экономическое развитие г. Улан-Удэ в условиях миграции сельского населения // Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 11 июня 2010 г.) – Улан-Удэ, 2010. – С. 192–195.

Численность населения Улан-Удэ достигла почти 432 тыс человек, поднявшись за год на 0,3 проц. // Информ Полис. – 2017. – 24 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/news/society> (дата обращения: 27.03.2017).

Жалсанова Валентина Гуржаповна,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия
valyazhal@list.ru

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ БУРЯТИИ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассмотрены особенности миграционного поведения сельских жителей Республики Бурятия. Основной причиной роста сельско-городской миграции стала не нужда города в новой рабочей силе, как это было в советский период, а прежде всего экономическая и социальная депривация сельского населения в условиях ухудшения его социального положения. Анализ данных, полученных в ходе социологических исследований, показал, что отсутствие перспектив жизни в деревне становится одним из определяющих мотивов для переезда в город не только для представителей молодого и среднего поколения, но и сельских пенсионеров.

Ключевые слова: миграция, миграционное поведение, сельско-городская миграция, потребности, социальная среда.

Масштабные социальные изменения, произошедшие в российском обществе на рубеже XX и XXI вв., вызвали всплеск внутренней миграции населения. Население из зон, оказавшихся в наибольшем кризисном положении, стало активно перемещаться в более благополучные регионы и города. Одним из основных векторов миграции стал переезд из сел в города. В Бурятии самым привлекательным местом стала столица республики – город Улан-Удэ, являющийся фактически единственным крупным городским поселением. В результате этого процесса мы наблюдаем «обезлюдивание» сельских территорий и «разрастание» Улан-Удэ.

С одной стороны, это объективный процесс – следствие индустриализации, когда город становится привлекательным местом для большинства населения, особенно молодежи. Масштабный рост численности городского населения начался еще в советский период, когда шло активное развитие промышленности в регионе и большинство крупных промышленных производств было сосредоточено в Улан-Удэ. Как отмечает А.С. Бреславский, массированная индустриализация привела к увеличению населения Улан-Удэ более чем в 18 раз [2014, с. 9]. Село советского периода при кажущемся благополучии с точки зрения нашего времени обладало рядом негативных характеристик таких, как «...менее развитый труд в общественном производстве подавляющего большинства категорий работников, медленное развитие общественного и профессионального разделения труда в сельском хозяйстве, его подчиненность

ритмам и циклам природы, отставание сельскохозяйственного труда по уровню энерговооруженности и механизации, преобладание физического труда над умственным, неквалифицированного – над квалифицированным, слабая дифференциация приложения труда, меньшее разнообразие рабочих мест и малые возможности для их выбора, более низкий по сравнению с промышленностью уровень организации труда, неравномерность трудовой занятости, более тяжелые условия труда» [Рывкина 1979, с. 48]. В первой половине 1980-х гг. бурятскими социологами были обнаружены противоречия в аграрной сфере, которые проистекали из дефектов традиционной экономической системы сельскохозяйственного производства, сложившейся в первые десятилетия социализма и претерпевшей незначительные изменения впоследствии. Было подчеркнуто отставание сельской периферии Бурятской АССР от других регионов Сибири, особенно в обеспечении и обслуживании социальной сферы. На фоне роста духовных и социальных запросов населения наблюдалось значительное отставание системы социально-бытового и культурного обслуживания. Экстенсивные методы планирования и управления сельскохозяйственным производством вкупе с высоким удельным весом тяжелого физического труда не отвечали возросшим материальным запросам сельчан [Рандалов, 1989].

С другой стороны, миграционный поток из села, начавшийся в начале 2000-х и продолжающийся по настоящее время, ни коим образом не связан с индустриальными процессами, наоборот, промышленные мощности города в постсоветский период снизились. Основная причина миграции сельчан связана с разрушением сельскохозяйственного производства и соответственно с ухудшением социального положения, ростом бедности. На фоне нарастающей экономической, социальной и социокультурной депривации сельского населения произошло значительное ухудшение условий и качества жизни. «Трансформационные процессы на фоне рыночных преобразований и демократизации общественно-политической сферы изменили социальную структуру населения, облик деревни и оказали тем самым негативное влияние на количественные и качественные характеристики сельских сообществ. Отрицательный характер последствий социальных изменений привел к тому, что состояние аномии в сельском социуме в силу моносредности его пространства (узкий рынок социальных «возможностей») оказалось более глубоким, чем в городском социуме, и привело к дисфункциональному напряжению и дезориентации сельского населения, росту чувства социального отчуждения. Советские ценности, игравшие огромную роль в укреплении общественного механизма, оказались перечеркнуты. Новые ценности, способные объединить общество, не возникли. И самое главное – исчезло чувство социальной защищенности, не обнаруживаются нормы и образцы поведения, способствующие формированию долгосрочных жизненных стратегий. Напряжение и дезориентация способствуют росту

девиантного и делинквентного поведения, низкому уровню экономической и социально-политической активности» [Жалсанова 2014, с. 60]. Поэтому в качестве единственного выхода из сложившегося положения многие сельчане были вынуждены избрать переезд в город.

В целом миграционное поведение являет собой вид социального поведения, которое включает конкретный набор действий, связанных с территориальными перемещениями. Миграционное поведение, как правило, детерминируется двумя группами факторов – внутренней системой потребностей и внешней средой, т. е. субъективными и объективными компонентами в их органической взаимосвязи [Рыбаковский 2003]. И тем самым оно предполагает некую активность, включающую в себя подготовительный период, когда принимается или не принимается решение о переезде на новое место, исполнительный период, когда осуществляется непосредственно переезд и адаптационный период, когда мигрант/мигранты обживаются в месте переезда. Длительность всех этих периодов зависит от ряда обстоятельств как объективных, так и субъективных. К объективным обстоятельствам мы можем отнести само состояние внешней среды, в первую очередь социально-экономические, политические, социокультурные условия, а также демографические и социальные характеристики мигранта такие, как пол, возраст, уровень образования, трудовой опыт, наличие/отсутствие безработного статуса. К субъективным – уровень психологической готовности индивида к миграционному акту/действию, его потребности и система ценностей.

В ходе подготовки данной статьи были использованы результаты социологических исследований. Первое исследование проведено в 2014 г. в Баргузинском районе Республики Бурятия и направлено на выявление социального потенциала района и основных проблем его социально-экономического развития. Главным методом был анкетный опрос жителей в трудоспособном возрасте. Соответственно генеральная совокупность равна 12493 чел. Объем выборки составил 350 чел. При ее формировании применялась методика многоступенчатого квотного отбора. В качестве квотных признаков использовались пол, возраст, национальность респондентов. Параметры квот в процентном выражении в точности воспроизводят структуру генеральной совокупности по указанным признакам¹. Второе исследование по изучению адаптации сельского населения к социальным изменениям в современном обществе было проведено в Хоринском районе Республики Бурятия с использованием методов стандартизированного и глубинного интервью. При расчете выборки применена методика, использованная при исследовании в Баргузинском районе. Объем выборки составил 267 чел. Третье

---

¹ Расчет выборочной совокупности был произведен к.с.н., в.н.с. отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН Ю.Г. Бюраевой.

исследование было проведено автором весной 2017 г. методом глубинного интервью среди сельских мигрантов, прибывших в Улан-Удэ в последние 10 лет. Всего было опрошено 7 чел., принадлежащих к разным возрастным, профессиональным группам, с отличающимися социально-статусными характеристиками. Сразу отметим, что в число этих информантов вошли люди, проживающие как в черте г. Улан-Удэ, так и в пригородных поселениях. Основная задача – изучение миграционных настроений в период подготовки к переезду из села в город и особенностей их адаптивных стратегий в начальный период после переезда.

Следует отметить, что миграция для сельчан стала своеобразным способом адаптации к новой социальной реальности. Так, исследование в Баргузинском районе показало, что село продолжает оставаться малопривлекательным для постоянного проживания и возвратной миграции населения. Пока наблюдаются лишь единичные случаи переехавших на постоянное место жительства в населенные пункты района. Согласно результатам анкетного опроса, 16,8 % населения собираются сменить место жительства в ближайшем будущем, а еще 6,9 % желают переехать, но пока не имеют возможности. Так, практически четверть жителей района имеет миграционные намерения, из которых более половины (51,8 %) планируют выехать за пределы района, главным образом в г. Улан-Удэ. Если превратить это соотношение в числовой показатель, то численность населения района предположительно может сократиться на 2827 чел. в ближайшем будущем. Ситуация осложняется тем, что 62,8 % из них имеют семью, а 72,1 % – детей, поэтому количество, намеревающихся переехать, может значительно увеличиться. При этом следует учитывать, что среди стремящихся к переезду за пределы района преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (32,6 %). Кроме того, довольно значительна численность возрастной когорты от 50 до 59 лет (30,2 %). Похожие результаты были получены и в Хоринском районе, что свидетельствует о схожести миграционных настроений у всего сельского населения Республики Бурятия.

В Республике Бурятия, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 255 сельских поселений. При этом следует отметить, что они являют собой сложное образование, которые представляет собой тип муниципального образования, объединяющего несколько сельских населенных пунктов. Численность собственно сельских населенных пунктов составляет 613, из них 4 без населения. Вызывает интерес группировка сельских населенных пунктов по численности населения. Наиболее многочисленными являются средние сельские населенные пункты, где население составляет от 100 до 1000 чел., – 370 сел. При этом в данной группе преобладают села с населением от 201 до 500 чел. Их количество равно 155. Далее следуют села с численностью от 501 до 1000 чел. – 123 села и 92 села с числом жителей от 101 до 200 чел. Крупные села с численностью населения свыше 1000 чел. по количеству несколько

отстают от малых сел (население менее 100 чел.) – 104 и 135 сел соответственно. Тем не менее наибольшее количество сельского населения сосредоточено именно в крупных селах. В малых селах проживает всего 6237 чел., что составляет 1,5 % всех сельчан. В то время как в крупных селах сосредоточено 61,1 % населения. В средних селах – 15117 чел., или 37,4 %.

Подобная структура сельских населенных пунктов сложилась вследствие как советской практики сокращения малых сел, так и нарастания миграционных процессов в постсоветскую эпоху. Именно в малых и средних селах сильнее всего проявились негативные последствия разрушения сельскохозяйственного производства, выразившиеся в первую очередь в резком снижении уровня жизни, сокращении количества рабочих мест, развала социальной, образовательной и медицинской сфер.

Отсутствие возможности удовлетворять большинство жизненных запросов, снижение качества жизни побуждает сельских жителей мигрировать, как правило, в трех направлениях. Мы выделяем три основных миграционных вектора, характерных для сельских жителей Бурятии:

1. Миграция в средние и крупные сельские поселения, где есть возможность дать детям среднее общее образование. Она обусловлена тем, что в малых селах школы либо отсутствуют, либо есть только начальные школы.

2. Миграция в районные центры как наиболее крупные поселения, где сосредоточены административные, социальные, инфраструктурные центры, позволяющие как трудоустроиться, так и удовлетворять социальные запросы.

3. Миграция в город, как правило, в Улан-Удэ – столицу региона, являющуюся единственным крупным городским образованием. Сразу отметим, что депопуляция стала характерна для всех городов и наиболее крупных поселков городского типа, в которых расположены промышленные предприятия республики таких, как Гусиноозерск, Селенгинск, Закаменск, Северобайкальск. В межпереписной период рост населения наблюдается только в г. Улан-Удэ и незначительно в г. Кяхта. Именно в Улан-Удэ сосредоточено две трети городского населения всей республики. Население Улан-Удэ к 2010 г. выросло на 4,5 % и составило 404,5 чел. Данный вектор может быть дополнен миграцией в пригороды Улан-Удэ, которые по формальному статусу являются сельскими населенными пунктами. Как отмечает А.С. Бреславский, «пригородом для Улан-Удэ ... выступают исключительно сельские поселения, входящие в состав приграничных к столице сельских районов... Повседневная жизнь части из обозначенных сельских поселений за последние двадцать настолько срослась с “городом”, что это дает, пожалуй, возможность назвать их частью Улан-Удэ» [2012, с. 54].

Таким образом, низкий уровень жизни сельчан наряду с развалом социальной инфраструктуры села становится определяющим фактором для появления миграционных настроений. Так, во время опроса в Хоринском районе более трети опрошенных (36,0 %) ответили, что *«нам хватает денег на еду и одежду, но трудно купить бытовую технику»*. В то же время радуется, что количество респондентов с высоким покупательским уровнем больше, чем с низким. 28,9 % способны купить крупную бытовую технику, но не имеют достаточно средств на автомобиль. 13,86 % способны купить автомобиль, но не имеют средств на покупку дома или квартиры. Голодающих (*«нам не хватает денег даже на еду»*) – 2,62 %. Тех, кому хватает только на еду, но не хватает на одежду – 17,98 %. Последние данные, если их суммировать (2,62+17,98=20,6 %), свидетельствуют о высоком уровне бедности. При этом следует отметить, что эта бедность носит не ситуационный, а хронический характер.

Основные источники доходов респондентов свидетельствуют о преобладании пассивного экономического и финансового поведения:

- пенсии (46,07 %);
- беру кредиты (45,32 %);
- заработная плата по основному месту работы (39,7 %);
- заработная плата других членов семьи (32,96 %);
- дополнительные заработки (калым) (37,45 %);
- деньги, вырученные от продажи продукции личного хозяйства (25,47 %).

Также в ходе нашего исследования мы задали вопрос «Что вы делаете для улучшения своего материального положения?». Респондентам были предложены до 15 вариантов ответа. 1-й вариант – ничего не предпринимаю. Допускался выбор собственного ответа. Преимущественно выбирались только 3 варианта: *«подрабатываю на сезонной или разовой работе, калымлю»* (33,33 %), *«ничего не предпринимаю»* (25,47 %) и *«продаю продукцию собственного животноводства»* (21,72 %). Об отсутствии перспектив развития личных хозяйств как товарных производств говорит тот факт, что больше половины опрошенных не собираются расширять свои хозяйства или же хотели бы расширить, но не имеют возможностей.

Глубинные интервью 2017 г. во многом подтвердили данные наших опросов. Информанты в своих рассказах указывали на отсутствие перспектив жизни в деревне как один из основных мотивов для переезда в город. *«Я работала на ферме, когда был совхоз. Совхоза не стало, фермы не стало. Мы с мужем попробовали вести сами свое хозяйство. Но чтобы хозяйство приносило хоть какую-то прибыль, нужно, чтобы скота было много, техника нужна, чтобы сено косить. У нас ничего этого не было. Вот и решили переехать в город»* (жен., 57 лет). *«Я работала на почте. В 2005 г. меня сократили, а работы другой нет. Муж тоже без работы. Дети еще маленькие были. Мы их оставили с моими родителями и уехали с мужем в город»* (жен., 44 года). *«Дочь с*

мужем уже давно живут в Улан-Удэ, лет пятнадцать, наверно. Я как стала пенсионеркой, продолжала жить у себя в районе. С возрастом стала болеть часто, к врачам надо обращаться постоянно. И дочь забрала к себе, чтобы к врачам поближе быть. А сейчас и от меня ей помощь, вернее, внучке. Она родила ребенка, и я с ним сижу, так как в садик не могут устроить правнучку» (жен., 67). «В селе жить можно, если есть хозяйство. У меня были мысли фермером стать, да как-то все не получалось. А тут еще школа из средней стала только начальной. А детей учить надо. Сначала думали в Хоринск перебраться, но где там работу найдешь. Вот и поехали в город. Сначала жена выехала с детьми. Через год и я поехал» (муж., 45 лет).

Впрочем, не только неблагоприятие сельских социально-экономических условий становится причиной миграционных настроений. Произошли изменения в ценностной структуре сельчан, особенно у молодого поколения. Поменялось отношение к труду, нарастает иждивенческое настроение. *«В деревне, конечно, можно жить. Было бы желание. Да только работать тяжело. Скотину смотреть, это же не 8 часов отработать и все – отдыхай. Я так не хочу, поэтому уехал в город»* (муж., 30 лет). З.И. Калугина в своей статье также подтверждает данное положение, отмечая тот факт, что «формирующееся институциональное пространство, действующий хозяйственный механизм деформируют систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства; скорее способствуют социальному иждивенчеству, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, лишая социальной базы преобразования аграрного сектора; сдерживают процесс его модернизации» [2000, с. 61].

Во время интервью нами также был обнаружен еще один фактор миграции, определенный как «подражательство», когда мигрант следовал принципу «все поехали, и я поехал». Так, мужчина 35 лет, описывая свои причины переезда в города, отметил: *«У нас в селе многие переехали куда-нибудь, в основном в Улан-Удэ, конечно. Я, наверно, мог бы и остаться, но почти все друзья и одноклассники уехали. Стали звать, обещали помочь с переездом, с работой. Вот уже лет восемь как живу в Улан-Удэ».* Женщина-пенсионерка добавляет: *«Почему я уехала со своей родины? Даже и не знаю как сказать. Я ведь в райцентре жила, свой дом был. На пенсию и там могла бы прожить. Да как-то незаметно одна осталась. Родственники, друзья постепенно в город перебрались. И я решилась».*

На вопрос «Как долго Вы решались на переезд в город Улан-Удэ?» почти все информанты указывали срок от 1 года до 3 лет. При этом люди с высшим и средним специальным образованием демонстрировали более короткие сроки принятия решения о переезде. Период же непосредственного переезда мог растягиваться во времени от нескольких месяцев до нескольких лет и зависел от многих факторов: наличие жилья или

возможность его приобрести/построить за короткие сроки; трудоустройство в городе; наличие родственников/знакомых, способствующих обустройству на новом месте. *«Сначала в город переехал муж. Он там у брата двоюродного жил, городского. На работу устроился в шиномонтажку. Потом участок нашел с домишком. Земля не была оформлена, нахаловка так сказать, но сказали, что потом обязательно зарегистрируют. Домишко тот мы разобрали, а потом перевезли в город свой деревенский дом и поставили на участке. Таким образом, я к мужу переехала только через два года»* (жен., 57 лет). *«Наша семья пять лет в город перебиралась. Сначала дочь с мужем, потом муж, и лишь потом я. Дочь с мужем сначала дом снимали в Гурульбе (пригородное поселение г. Улан-Удэ. – Прим. авт.). Потом купили там же дом с участком, и муж поехал уже помогать строить на участке дом, вернее, новый пристрой к дому. Дом построили, и муж решил в городе остаться. Сначала жил у детей. А я потихоньку наше хозяйство распродавала. Когда подыскали себе место, где жить, рядом с детьми, мы уже свой деревенский дом разобрали и перевезли. Вот уже двенадцать лет как в Гурульбе живем»* (жен., 63 года).

Наиболее сложным периодом для сельского мигранта оказывается адаптационный. «Центральным элементом механизма социальной адаптации выступают цели адаптации, в которых выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой. В соответствии с той или иной целью строится адаптационная стратегия, реализуемая посредством опробования различных способов, которые представляют собой конкретные социальные действия, поведение, поступки в новых, нестандартных ситуациях. Способы адаптации – это действия или поведенческие реакции, которые, принимая форму участия в трудовой, общественно-политической, познавательной и иной деятельности, позволяют реализовать, пусть даже частично или ограниченно, адаптационный потенциал или укрепить адаптационные ресурсы» [Козырева 2011, с. 25]. Как мы отметили выше, сам переезд для сельских мигрантов становится адаптационной стратегией к изменившимся условиям жизнедеятельности в российском обществе в постсоветский период. Соответственно большинство сельских мигрантов можно было бы определить как людей с высоким адаптивным потенциалом, умением приспосабливаться к меняющимся реалиям. На самом деле, значительная часть мигрантов испытывает большие трудности, так как принимающая сторона в лице города не в состоянии обеспечить должные социальные условия для приобретения жилья, трудоустройства, инфраструктурное благоустройство (доступность медицинского обслуживания, обеспечение детей местами в дошкольных учреждениях и т. д.). А.С. Бреславский отмечает, что «сельчане особенно на начальном этапе расселения часто вынуждены жить в стесненных условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического

выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, что переехали в Улан-Удэ и живет рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр.» [2014, с. 103].

Сельско-городская миграция в Бурятии стала частью большого миграционного процесса, охватившего российское общество в постсоветский период, когда крупные социальные изменения вызвали тектонические сдвиги в разных слоях населения. Появлению и развитию миграционных настроений сельчан «способствовала» деградация социальной среды в сельских территориях, повлекшая за собой ухудшение материального положения населения, его неудовлетворенность условиями жизнедеятельности. В XXI в. село, сельская инфраструктура, сельский образ жизни перестали отвечать структуре потребностей сельского жителя, в первую очередь у молодежи и части представителей среднего возраста.

В условиях сохраняющихся социально-экономических проблем села, невозможности государства и общества обеспечить достойный уровень жизни сельско-городская миграция сохранит свою основную тенденцию – увеличение миграционного потока. В структуре мигрантов будет увеличиваться число людей старшего возраста. Это обусловлено тем, что деградация медицинского обслуживания, вымывание молодежи и людей среднего возраста делает невозможным дальнейшим пребывание пенсионеров в селе. К тому же, переезжая в город, они выполняют важную социальную функцию – уход за внуками, так как большинство сельских мигрантов не способны устроить своих детей в дошкольные учреждения.

Следующей тенденцией миграционного поведения сельчан становится увеличение адаптационного периода после переезда в город, так как материальные, экономические, инфраструктурные ресурсы города уже не способны обеспечить потребности нарастающего количества сельских мигрантов. Соответственно это может привести к росту девиантного и делинквентного поведения в среде мигрантов, что может вызвать социальную напряженность в обществе.

Социальная среда – значимый фактор в развитии социального потенциала индивидов и групп людей. В свою очередь социальный потенциал являет собой систему ресурсов и условий их реализации. В качестве ресурсов можно рассматривать демографические характеристики населения, уровень и качество его жизни, образования, состояние социальной инфраструктуры или систем образования, здравоохранения и культуры.

Условия реализации возможностей вышеперечисленных ресурсов представляют собой как объективные характеристики (социально-экономическое положение, материальная база, занятость, кадры, финансовое

обеспечение и т. п.), так и субъективные, выражающиеся в социальном самочувствии и непосредственных жизненных стратегиях самих людей. Основа развития социального потенциала территорий – это человеческие ресурсы как главная составляющая национального богатства и движущая сила экономического роста. В связи с этим оценка факторов, влияющих на формирование количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов, крайне необходима для разработки и осуществления государственной политики на региональном, муниципальном и поселенческих уровнях. При этом человека следует рассматривать не только как объект социальной политики, но и как субъект, который предпринимает определенные действия по отношению к своему здоровью, образованию, профессиональной деятельности, адаптации к сложившимся условиям жизнедеятельности.

Литература и источники

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Жалсанова В.Г. Структурное расселение сельских поселений Бурятии // Власть. – 2014. – № 6. – С. 59–62.

Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 48–95.

Козырева П.М. Социальная адаптация населения в постсоветский период // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 24–35.

Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. – Новосибирск, 1979. – 351 с.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – М., 2003 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (дата обращения: 16.04.2017).

Нямаа Галиймаа,

Оюунчимэг Болормаа,

Монгольский гос. университет науки и технологии,

Улан-Батор, Монголия

ngaliimaa@yahoo.com

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В БАГАНУР (ПРИГОРОД УЛАН-БАТОРА): СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Демократическая революция 1990-х гг. в Монголии обусловила ряд экономических, политических и социокультурных процессов, в том числе миграцию. Внутренняя (урбанистическая) миграция выразилась в переме-

щении значительного числа сельского населения в города, в основном в столицу Монголии – г. Улан-Батор. В результате, по статистическим данным на 2016 г., из 3189997 жителей страны 1396300, или 43 %, населения проживают в Улан-Баторе. Статья рассматривает вопросы социально-экономического развития города-спутника Улан-Батора – Баганура, а также процессы миграции населения в этот город. Она опирается на пилотное исследование авторов – анкетирование 183 респондентов из Баганура.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, пригород, Баганур, Улан-Батор.

Характер расселения населения (его распределение на городское и сельское) определяет степень урбанизированности территории и распространения городского образа жизни и занятий. По данным монгольской переписи населения 2016 г., 71 % монголов – городские жители, 29 % – сельские [*Central Intelligence Agency*]. В период между двумя последними переписями населения (1990 и 2011 гг.) количество сельского населения уменьшилось в 1,8 раза [*Хун амын нутагшилт...* с. 8].

После демократической революции 1990 г. в Монголии в связи с переходом страны к новой рыночной экономике изменились государственная миграционная политика и ситуация с внутренней и внешней миграцией. Разразившийся в стране социально-экономический кризис, свертывание производства, сокращение жилищного строительства, рост безработицы, повышение транспортных тарифов и т. д. привели к изменению направления вектора внутренних миграций. Векторы миграционных потоков были направлены на центр или в города Монголии (Улан-Батор, Эрдэнэт и Дархан и др.). Основные причины внутренней миграции по линии «село (худон) – город» в основном социально-экономические: безработица на селе, низкая заработная плата, слабость медицинско-образовательной и информационно-культурной инфраструктур, бытовые, экологические проблемы и др. Наблюдаемая миграционная мобильность, условно подразделяемая на три категории (трудова, образовательная и на постоянное место жительства) имеет свои плюсы и минусы не только в социально-экономическом смысле, но также с точки зрения политического выбора в Улан-Баторе и других городах.

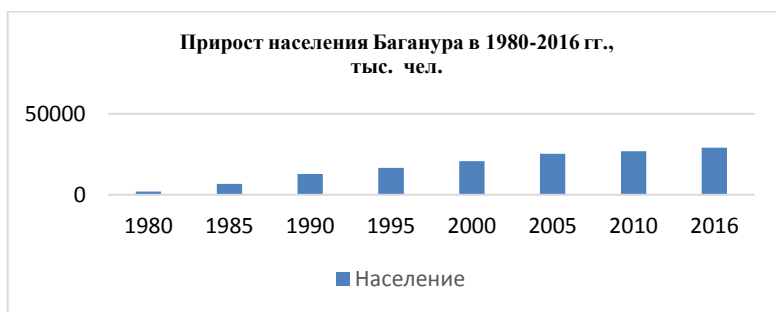
О Багануре

Изучение конкретных вопросов деятельности города спутника или пригорода требует рассмотрения более общих аспектов проблемы пригородного кольца в исторической урбанистике. Эта неразработанная тема в исторической науке Монголии, поскольку города Монголии имеют недавнюю историю. Однако пригородные территории содействовали развитию Улан-Батора и являлись неотъемлемой частью системы «городской центр – периферия» в новейшей истории Монголии. Происхождение слова «хот» восходит к средневековой истории Монголии и связано с

монгольским термином «*эргөө*» (или как привыкли писать европейцы «*урга*»), что в переводе означает «дворец». А слово «город-спутник», или «*дагуул хот*», возникло официально лишь в 2015 г. в связи с быстрым темпом механического роста Улан-Батора в результате массовой внутренней миграции в город в последние 37 лет.

Баганур (по-монг. Багануур – Малое озеро) был одним из девяти административных районов особой административной единицы Монголии – Улан-Батора. Постановление 25-го собрания Представительства Гражданского сообщества (Иргэдийн Төлөөлөгчдийн хурал), 03.04.2015 придало Баганур и Налайх официальный статус города-спутника [*Багануур, Налайхыг*]. В градостроительном отношении Баганур – это самостоятельный населенный пункт площадью 620 км². Изначально создавался как место расположения советской мотострелковой дивизии. Впоследствии здесь было открыто крупное месторождение энергетических бурых углей. С экономической помощью СССР начал разрабатываться Баганурский угольный разрез и построена городская инфраструктура. Баганур является конечной точкой железнодорожной ветки, длиной 93 км, которая связывает его с магистральной линией Трансмонгольской железной дороги в Багахангай. К Багануру также ведет асфальтовое шоссе (138 км), построенное в 2004 г.

Население Баганура резко возросло от 2200 до 28900 чел. в период с 1990 по 2017 г. Здесь живут более 7900 семей, 65 % всего населения – молодежь от 0 до 35 лет [*Улаанбаатар хотын*, с. 4]. По словам социального работника, в Багануре более 300 семей живет без официальной регистрации (рис. 1).

Рис. 1. Прирост населения Баганура в 1980–2016 гг., тыс. чел. [*Улаанбаатар хотын*, с. 5]

Правительство Монголии разрабатывает стратегию развития Баганура как города-спутника Улан-Батора для равномерного распределения трудовых и человеческих ресурсов в его пригородной зоне. Баганур имеет достаточное количество человеческих ресурсов для расширения экономи-

ческого потенциала этого города. Однако эти оптимистические планы пока остаются на бумаге. Из-за быстрого механического роста населения в городе возникает множество таких социально-экономических проблем, как нехватка жилья, рост преступности и безработицы. Внутренняя миграция является важным процессом в Монголии, влияющим на количество и состав населения в Улан-Баторе и его спутнике – городе Баганур. Изучение тенденций внутренней миграции необходимо для разработки политики и стратегии развития обоих городов.

Методология пилотного исследования

В рамках исследования под внутренней миграцией понимается «передвижение людей из одного региона страны в другой с целью или намерением поиска нового места проживания. Эта миграция может быть временной или постоянной. Внутренние мигранты перемещаются, но остаются в пределах территории страны своего происхождения (например, миграция из сельской местности в Баганур)» [*Иргэн шилжин суурьших*, с. 1–2].

В ходе исследования были опрошены 183 респондента в возрасте от 18 до 70 лет, 88 опрошенных – мужчины, 95 – женщины, приехавшие из различных регионов страны в Баганур. 134 опрошенных состоят в браке, 49 – не состоят, 54 – имели высшее образование, 68 – окончили колледж, 51 – имели полное среднее образование, 10 – неполное среднее образование. Возраст респондентов: 22 чел. в возрасте 18–25 лет, 53 – 26–35 лет, 64 чел. – 36–44 лет, 40 чел. – 45–60 лет, 4 – в возрасте 61–70 лет.

Анкетирование проводилось на монгольском языке в марте 2017 г. в течение двух недель. Респонденты отбирались на основе методов готовой выборки и снежного кома, поскольку у нас было очень сжатое время для организации работы. Мы не ставили цель дать полную социально-экономическую характеристику мигрантов Баганура. Наша задача ограничилась определением push and pull factors внутренней миграции в Баганур.

По официальной статистике 2016 г., средняя семья в Монголии включает 3,6 чел. Большинство респондентов в нашем исследовании (90 чел.) жили в семьях с членами от трех до четырех человек. Из них 35 респондентов жили с мужем или женой и двумя детьми. 28 чел. жили с отцом/матерью или родителями и с одним/двумя детьми. 8 респондентов – матери-одиночки с двумя/тремя детьми. 26 респондентов жили с братом/сестрой или бабушкой/дедушкой. 29 респондентов ответили, что у них от трех до шести детей (рис. 2).

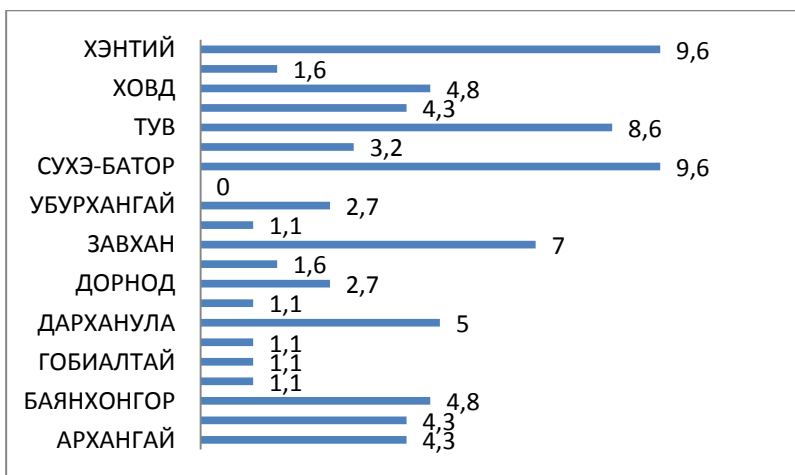
43 респондента (22,7 %) приехали из трех Восточных аймаков: Хэнтий, Сухэбатор и Дорнод, 16 чел. – из сомона Туб аймака, 14 – из таких самых западных аймаков, как Ховд и Баянулгий (рис. 3).

На вопрос «Планируете ли Вы в течение следующих лет оставаться в Багануре или намереваетесь переехать?» 173 респондента ответили, что совсем не планируют уезжать из Баганура, 2 – еще не определились, 8 –

собираются переехать в Улан-Батор. Из 173 респондентов, планирующих остаться, 50 имеют высшее образование, 67 – окончили техникум/колледж, 56 – имели среднее и неполное среднее образование. 65 % респондентов объясняют свое решение остаться в Багануре «дороговизной жизни, недостатком жилья, работы и неблагоприятной экологией и шумом и теснотой в Улан-Баторе», 35 % респондентов считают, что в Багануре у них будет больше перспектив. 95,7 % респондентов достаточно образованные и планируют оставаться в Багануре.

Рис. 2. Распределение респондентов по количеству членов семьи

Рис. 3. Первоначальное место проживания мигрантов по аймаку

Причины миграции

Какова была причина переезда опрошенных респондентов в Баганур? Респондентам предлагали выбрать от одного до трех вариантов. Миграционная мобильность населения зависит от ряда факторов. Первую группу составляют экономические. Для 46 % мигрантов таким фактором была «близость к Улан-Баторе», для 44,9 % – «близость к большому рынку», для 24,3 % – семейные обстоятельства, для 23 % – желание жить ближе к родственникам. 21,9 % респондентов отметили в качестве причины то, что у них «не было работы/ заработка по прежнему месту проживания». В комбинированном варианте 56 респондентов выбрали близость к Улан-Батору, рынку и получение качественного среднего образования в Багануре.

Ко второй группе можно отнести т. н. социальные факторы, а именно наличие родственных связей. К этой группе мы отнесли образование и медицинское обслуживание. «Недостаточность медицинских услуг» оказалась важной для 17,6 % респондентов. Для 40,6 % респондентов причиной миграции было «получение хорошего среднего образования». Особенно для тех мигрантов, которые приехали из восточных регионов. Первой или второй причиной переезда было желание «дать хорошее образование детям в средних школах».

Привлекательность Баганура для молодых мигрантов до 35 лет объясняется развитой инфраструктурой, а также близостью высших учебных заведений Улан-Батора, в котором сосредоточено 92,3 % высших учебных и 72,9 % учреждений технического и профессионального образования.

Для женщин-респондентов основной причиной переезда стали такие социальные причины, как получение образования, недостаточность медицинских услуг, наличие родственников и дешевизна квартиры по сравнению с Улан-Батором. Для мужчин оказались важнее экономические причины: недостаточный доход и безработица.

Улан-Батор притягивал и притягивает большинство опрошенных диверсифицированным рынком труда, обеспечивающим относительно высокий уровень заработной платы. Однако дороговизна жизни в Улан-Баторе способствовала тому, что они остановили свой выбор на его пригороде – Багануре.

Длительность пребывания молодых мигрантов в Баганур напрямую зависит от их возраста: чем старше респондент, тем дольше он проживает в Багануре. 7,5 % респондентов проживают в Багануре не более трех лет, из них 7 чел. родились в 1990–1994 гг. 11,6 % тех, кто находится в Багануре от 4 до 7 лет, родились в 1991–1993 гг. Из тех респондентов, кто находится в Багануре от 8 до 11 лет, 65, 3 % родились в 1987–1991 гг. Свыше 12 лет находятся в Багануре в основном те, кто родились в 1962–1976 гг. (44,9 %).

Из 183 респондентов 173 ответили что, Баганур как город им нравится, потому что он близок к природе и перспективы жить лучше здесь есть. Все

респонденты, кроме одного, отметили, что рады новому статусу города (город-спутник). Они считают, что благодаря новому статусу его социально-экономическое положение улучшится.

Таблица

Номинальный доход семьи

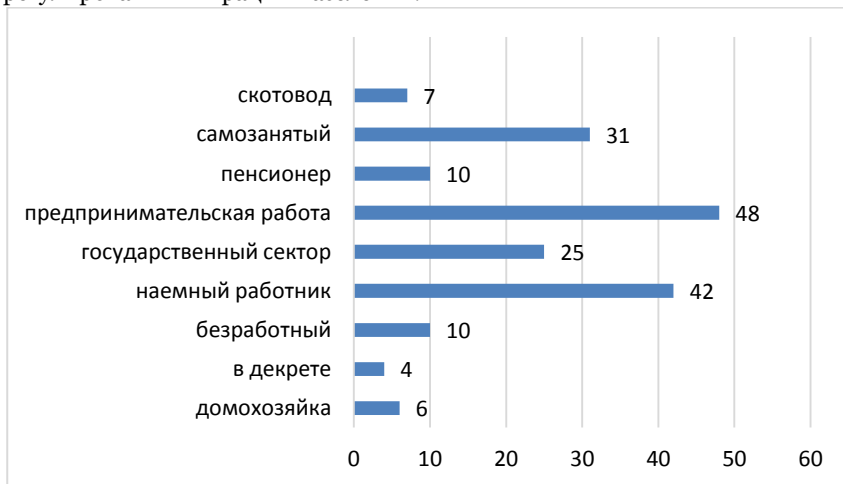
Уровень ежемесячных доходов семьи (тугрик)	Количество респондентов	%
Низкий доход 240000 и ниже	25	13,4
От 241000 до 750000	109	58,3
От 751,000 до 1 000 000	35	17,7
От 1,100 000 и больше	18	9,6
Итого	183	100

Номинальный денежный доход населения в восточных аймаках (Хэнтий, Дорнод, Сухэбатор) составил 67,3 % среднего дохода населения Улан-Батора. 58,3 % респондентов имеют доходы от 241000 до 750000 тугриков (1 рубль = 40 тугрикам), что является средним доходом по Центральным и Южным регионам Монголии. Уровень ежемесячного дохода респондента/его семьи (если состоит в браке) отмечен с учетом всех доходов, заработков, пенсии и других доходов совместно проживающих членов семьи. Для 35,6 % респондентов основным источником является доход от работы по найму. Материальная помощь от родственников, живущих за границей и в Улан-Баторе, значима для 38,3 % опрошенных, 21,2 % получают доходы от самостоятельной занятости. Пособия, адресная социальная помощь и пенсии фигурируют в ответах 8,1 % респондентов (табл.).

Отвечая на вопрос о занятости, респонденты, могли выбрать один ответ. 42 опрошенных отнесли себя к группе «наемные работники». В основном они заняты в сфере услуг: работают продавцами или в кафе, ресторанах, салонах красоты, на автомойках, торгуют на рынках товарами широкого потребления и т. д. Среди наемных работников есть и те, кто одновременно являются самозанятыми, занимаются сетевым маркетингом, частным извозом, работают внештатными бухгалтерами, работниками и т. д. В целом 31 чел. отнесли себя к самозанятым, 6,1 % респондентов – безработные, 3,1 – домохозяйки, 2,2 % – находятся в декретном отпуске (рис. 4).

Предпринимательская активность молодых респондентов от 18 до 28 лет незначительна: лишь 2,1 % респондентов имеют патент или свидетельство индивидуального предпринимателя (ИП). Зачастую патент или свидетельство ИП оформлены на отца, мать или других родственников. Предпринимательская активность респондентов связана с арендой

места (магазинчика) на рынке для продажи напитков, овощей, фруктов и т. д. На вопрос «Кто оказывал Вам содействие в получении работы» 50,8 % ответили, что нашли работу самостоятельно, 48,1 – с помощью родственников и знакомых, 0,5 – через кадровое агентство и лишь 0,2 % – с помощью службы занятости. Отсюда можно сделать вывод, что государственная помощь до мигрантов не часто. Данный факт указывает, что действующие в Монголии нормативно-правовые акты в сфере миграции не в состоянии урегулировать миграционные процессы, особенно внутренние, и (или) неэффективен механизм государственного регулирования миграции населения.

Рис. 4. Занятость мигрантов

Выводы

В Багануре сальдо внутренней миграции остается положительным, так как мигрантов приезжает больше, чем уезжает. Благодаря открытой шахте бурого угля в городе развивалась не только инфраструктура, но и появились экономические и человеческие ресурсы, которые являются важными предпосылками для его развития. Повышение уровня социально-экономического развития города будет происходить в результате привлечения в город иностранных и национальных инвестиций. Правильная политика с разумным расчетом на топливно-энергетические ресурсы стимулирует рост площадок промышленного, гражданского строительства и рекреационных комплексов. Чтобы процесс социально-экономического развития Баганура происходил успешно и приводил к ожидаемому результату, он должен быть управляем. Исходя из этого важное значение для социально-экономического развития города играет организационный фактор – территориальное управление. Для обеспе-

чения этого управления надо усовершенствовать законодательство и упростить процедуру регистрации внутренних мигрантов, предусмотрев возможность регистрации всех внутренних мигрантов в районных отделах или отделах занятости и обеспечив доступ к социальным программам по месту их фактического проживания в Багануре и других пригородах. Это позволит определить точное количество сельского и городского населения, число внутренних мигрантов в городах для разработки программ по их адаптации. Это будет способствовать развитию городской инфраструктуры, социальных программ (детские сады, пособия на детей, адресная социальная помощь и др.).

Литература и источники

Улаанбаатар хотын суурин хүн ам, дуургээр, оны эцэст, мянган хүн: Нийслэлийн статистикийн газар // Статистикийн газар. – Улаанбаатар, 2017.

Хун амын нутагшилт, суурьшил, хуудлмурийн зах зээлийн судалгаа // Ундэсний хутжлийн хүрээлэн. – Улаанбаатар, 2011.

Багануур, Налайхыг дагуул хот болгох шийдвэр гаргалаа // Монголын мэдээ. – 2015 оны 4-р сарын 6.

Монгол улсын нутаг дэвсгэрт иргэн шилжин суурьших хуудлгуунийг бүртгэх, мэдээлэх журам. – 2007 оны 10-р сарын 10.

Central Intelligence Agency. Портал социальных исследований «The world-factbook» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications> (дата обращения: 15.03.2016).

**Цэвээний Цэцэнбилэг,
Ойдов Хатанболд,**

Институт философии Академии наук Монголии,
Улан-Батор, Монголия
tsetsenbileg@yahoo.com
khatanboldo@gmail.com

ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В МОНГОЛИИ

Статья обращает внимание на процессы урбанизации в Монголии на примере столицы страны – г. Улан-Батор. Обсуждаются особенности урбанизации с начала XX в., приводятся статистические данные, иллюстрирующие уровень и тенденции урбанизации, основные факторы, влияющие на рост урбанизации в Монголии.

Ключевые слова: урбанизация, миграция, Улан-Батор, демография, периурбанизация.

Урбанизация является для Монголии сравнительно новым явлением, начавшимся в XX в. Процессы урбанизации в Монголии объяснялись в

основном на примере столицы страны – Улан-Батор (прежнее название – Хурээ). Информация об Их Хурээ¹, оказавшем большое влияние на быт, культуру и психологию Монголии, крайне скудна. Так, по расчетам историка С. Идшиннорова сразу после образования в 1710 г. число семей шабинарского населения Ундур-гэгэна составляло 3786, а общая численность городского населения – 17 тыс. чел. [1994, с. 11], а в XIX в. численность Хурээ не превышала 15–17 тыс. чел. [Там же, с. 11, 31].

Структура населения Хурээ в основном состояла из монголов: лам, служащих монастырей, граждан шабинарского ведомства, служащих уртонных станций и переселившихся в город феодалов, служащих хошунной администрации, городской бедноты и простых мирян. По национальному составу с начала XVIII в. кроме монголов в Хурээ проживали китайские торговцы, а после открытия в 1861 г. российского консульства в Хурээ – российские граждане.

В первой декаде XX в. в Их Хурээ проживало 60 тыс. жителей, из которых 20 тыс. были ламы и более 6,5 тыс. поселенцев, выходцев из разных мест [Идшинноров 2001, с. 27]. По результатам первой переписи населения в 1918 г., охватившей 4 халхасских аймака и Большое шабинарство, из общего количества населения в 647,5 тыс. чел. 15–20 % проживали в городской местности, в том числе в Их Хурээ – более 70 тыс. чел., из них монголов 45 тыс., китайцев – 20 тыс., а русских – около 5 тыс. чел. Начальник экспедиции Иркутской конторы Всероссийского центрального совета потребительских обществ И.М. Майский, проработавший в Монголии 16 месяцев в 1919–1920 гг., на основе переписи населения 1918 г. и данных собственной экспедиции утверждал, что из 647 тыс. населения Монголии в Нийслэл Хурээ проживает 100 тыс. населения, из них 30 тыс. монголов, 3 тыс. русских и 65–70 тыс. китайцев [2001, с. 27, 123].

Доктор Ж. Урангуа провела исследование по демографическим вопросам Монголии начала XX в., в котором утверждает, что «21,6 % населения, проживающего в городах, являлось не таким уж низким показателем» [2006, с. 178].

Доктор Н. Хишигт на основе анализа выше приведенных документов делает вывод, что «каждый третий житель города Улан-Батора был ламой, а почти каждый второй – иностранцем. Однако число студентов и служащих в государственных организациях, армии, полиции, культурно-образовательных, медицинских и других учреждениях Монголии шаг за

---

¹ Их Хурээ, Нийслэл Хурээ – прежние названия Улан-Батора, обозначающие буддийский монастырь, вокруг которого и сформировался город [Прим. отв. ред. А.С. Бреславского].

шагом увеличивалось, что сопутствовало значительному приросту городского населения» [2012].

В 1925–1940 гг. городское население количественно не выросло, наоборот, к 1940 г. численность сократилась до 25,6 тыс. чел. С начала 1940-х гг. город начал всесторонне развиваться, вместе со строительством промышленных предприятий, школ и больниц городское население постепенно росло, достигнув в 1944 г. 30,5 тыс., а в 1950 г. – 55,5 тыс. чел. В послевоенные 1950-е гг. в Улан-Баторе интенсивно развернулось капитальное строительство, строительство предприятий, железной дороги, предприятий торговли и обслуживания, университетов, институтов и техникумов. Соответственно резко возросла миграция сельского населения в города для работы и учебы.

За годы народной революции социальный состав столичного населения коренным образом изменился, родился молодой национальный рабочий класс и интеллигенция. 59,9 % городского населения составляли рабочие и члены их семей, 36 % – интеллигенция и служащие, число городских рабочих и служащих в 1956–1979 гг. возросло в 2,9 раза. В социальном составе населения исчезли такие сословия, как феодалы, чиновники, ламы, крепостные, шабинеры, торговцы и т. п., на их место пришли новые категории: ученик, студент, учитель, ветеринар, кинорежиссер, артист, певец, художник, продавец, бухгалтер, экономист, инженер, архитектор, водитель, легчик, радист, электрик и т. д., что свидетельствует о коренных изменениях социального состава городского населения.

После 1960-х гг. вслед за переселившимися в город сельскими мигрантами существенно возросла механическая миграция из села по личным причинам. Так, в 1950–1963 гг. численность городского населения возросла в 4 раза, составив 223,7 тыс. чел., в 1963–1970 гг. – до 280,5 тыс., т. е. возросла на 25,3 %, в 1970–1980 гг. – до 418,7 тыс., или на 49,2 %, и в 1980–1983 гг. – до 470,5 тысяч, или на 12,3 %.

В 1970–1983 гг. численность городского населения возросла на 190,0 тыс. чел. (или на 67 %), из этого чистый прирост составлял 32,8 %, а на механический прирост приходилось 37,2 %. Причина столь быстрого роста городского населения в том, что в результате улучшения благосостояния трудящихся и медицинского обслуживания возросли средняя продолжительность жизни и рождаемость при одновременном снижении смертности.

По состоянию на 1983 г., наряду с ростом городского населения произошло его омоложение, 70,0 % составляли дети и молодые люди в возрасте 0–35 лет, 73,42 %, или 147,9 тыс. чел., трудоспособного населения работали в сферах народного хозяйства и культуры, а 25,7 % учились. 67,1 % всех работающих было занято в сфере материального производства, а 32,9 % – в сфере нематериального производства. 39,9 % работающих в сфере материального производства были заняты в промышленности, 21,0

– транспорте, 15 – строительстве, 14,0 – в торговле и материальном снабжении, 5 – сельском хозяйстве, а 59,3 % занятых в непроеизводственной сфере работало в народном образовании, культуре, здравоохранении, социальном страховании, в области физической культуры и спорта, 12,9 % – в сфере жилищного, коммунального и бытового обслуживания. Рост городского населения в сжатом виде можно увидеть в таблице.

Таблица

Рост численности городского населения и населения г. Улан-Батор
в 1930–2012 гг., по декадам*

Год	Средний прирост	Численность населения на начальный период декады	Численность населения на конечный период декады
1930–1940	2,1	10,5	24,2
1940–1950	14,8	24,2	95,8
1950–1960	9,6	95,8	145,8
1960–1970	6,8	145,8	280,5
1970–1980	3,9	280,5	418,7
1980–1990	2,8	418,7	560,6
1990–2000	3,1	560,6	760,1
2000–2010	3,8	760,1	1112,3
2010–2012	4,4	1112,3	1287,1

Примечание: * – сост. по: [Статистическое управление... 2012].

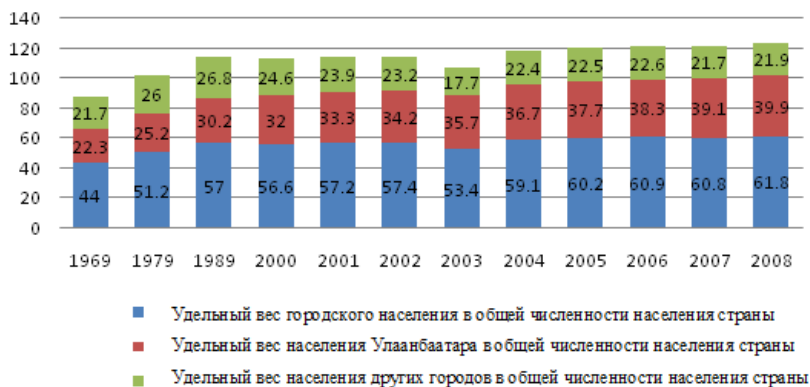
В 1940–1950 гг. средний прирост населения резко возрос до 14,8, а в 1980–1990 гг. упал до 2,8. Столь резкий спад связан с переходными процессами в экономике, политике и обществе Монголии, с экономическим кризисом, ростом безработицы и бедности, а также со снижением миграции из села.

Если, по данным переписи населения 2000 г., 56,6 % населения Монголии проживало в городской местности, то в 2008 г. – уже 61,8 %, т.е. прирост составил 5,2 пункта. За этот же период удельный вес населения Улан-Батора в общей численности населения страны стабильно рос, тогда как удельный вес населения других городов снижался. Вследствие падежа скота в конце 1990-х, начале 2000-х гг. и в 2003 г.

сельское население, понеся большой ущерб и потеряв средства к существованию, массово начало мигрировать в Улан-Батор и другие города, что повлияло на резкий рост населения столицы. Если рассмотреть средний чистый и механический прирост населения, то чистый прирост городского населения составил 1,6, тогда как механический – 2,2. Иными словами, механический прирост превышает чистый на 0,6 пункта. Это свидетельствует о том, что на прирост городского населения главное влияние оказывает миграция населения.

На основе данных переписи населения 2000 и 2010 гг. при сравнении 10-летней периодичности миграции населения очевидна, что за последние 10 лет миграция Улан-Батора выросла на 54,4 %, тогда как численность коренного населения – на 9,8 % [*Статистическое управление 2012*].

Данные всего городского населения показаны в сравнении с данными населения Улан-Батора за 1969–2008 гг. на рис. 1.

Рис. 1. Уровень урбанизации Монголии, 1969–2008 гг.

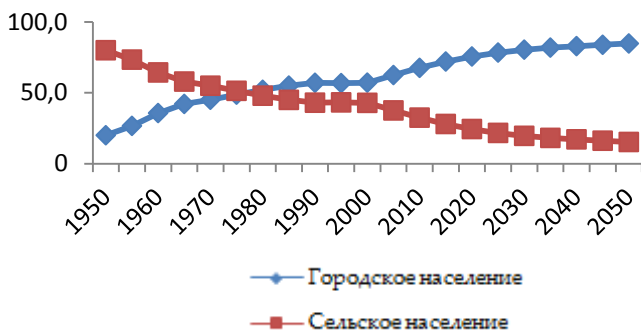
За последние 20 лет существенно выросли диспропорции в развитии городов и сел, сельские жители, имея ограниченные возможности для работы и жизни, в стремлении улучшить условия жизни и работы начали массово мигрировать в городскую местность, в том числе в Улан-Батор. Таким образом, в столице и ее окрестностях возникла чрезмерная концентрация населения, так называемое «расширение городского пояса». В исследовании «Процессы урбанизации», в котором было опрошено 1 тыс. респондентов в г. Улан-Батор, 62,9 % отнесли себя к коренным жителям (проживающими в городе на протяжении нескольких поколений, родившимся здесь или проживающими с малых лет), а 37,1 % – к мигрантам. В миграционном потоке, направленном в Улан-Батор, преобладает молодежь, в особенности молодые женщины (60 %). Тот факт, что

среди общего числа мигрантов 56,4 % составляют женщины свидетельствует о том, что вопросы миграции фокусируются вокруг женщин.

Таким образом, мы видим, что особенностью процесса урбанизации в Монголии является превалирование столицы как основного пункта миграции и концентрация населения в Улан-Баторе. Каковы же перспективы урбанизации в дальнейшем?

Одной из отличительных черт человечества XX–XXI вв. считается возрастающая урбанизация. По состоянию на 2014 г., более половины населения Земли (3,9 млрд. чел., или 54 %) проживает в городах. В 1950 г. 30 % населения земного шара было городским, а к 2050 г. это число увеличится до 66 % [World... 2015, p. 1]. Согласно подсчетам ООН в исследовании «Перспективы мировой урбанизации», к 2050 г. и в России, и в Монголии численность городского населения достигнет 80 %. Ожидается, что в России доля городского населения в общей численности населения увеличится с 44,1 % в 1950 г. до 81,1 % в 2050 г. В Монголии же этот процесс выражен острее: с 20 до 84,8 % в 2050 г. (рис. 2) [Там же].

Рис. 2. Тенденции урбанизации в Монголии (1950–2050 гг.), %

Соответственно доля сельского населения уменьшится с 80 до 16,2 %. На рис. 2 видно резкое увеличение численности городского населения с 2000 г. после крайне неблагоприятных природных условий 1997–1999 гг., приведших к повсеместному падежу скота и обнищанию скотоводов.

Эта «взрывная» урбанизация становится вызовом начала XXI в. для властей и общества и ведет к превалирующим над позитивными, негативным последствиям. В том числе приводит и к так называемой «периурбанизации», ведущей в бедных странах, по мнению автора теории погрешности урбанизации Майкла Липтона, к разделению общества не по классовым противоречиям между трудом и капиталом, и не между иностранным и внутренними интересами, а между сельским и городской классом. «Сельский сектор содержит большую часть бедных и большинство малозатратных потенциальных источников; но городской

сектор содержит большую часть организаций, силы и власти» [Beyond 1993, p. 5].

Действительно ли в Монголии происходит процесс урбанизации в настоящем ее смысле? Если учитывать такие критерии, как расширение пригородов и городов-спутников, интенсивный рост бизнеса, производства и обслуживания, то нет. Процесс урбанизации в Монголии тесно связан с государственной политикой и господствующей в данное время идеологией. В конце 1970-х гг. впервые в истории удельный вес городского населения превысил 50 %, до этого Монголия причислялась к странам с преобладанием сельского населения. В конце прошлого столетия 56,6 % населения Монголии проживало в городах, а уже в 2010 г. – 66,3 %. В 1969 г. население Улан-Батора составляло 22,3 % всего населения, а в 2010 г. данный показатель возрос до 41,4 %. На 2015 г., по данным Госкомстата, 66,4 % всего населения страны составляют городские жители. Из них, т. е. всего городского населения, 66,2 % живут в Улан-Баторе, единственном городе-миллионере. За ним с большим отставанием следуют крупные города: Эрдэнэт и Дархан. В самом населенном районе столицы – Баянгол плотность населения составляет 6975 чел. на 1 км², тогда как в Эрдэнэте эта цифра составляет 117, а в Дархане 30 чел. на 1 км² [Статистическое управление ... 2012].

Как считает исследователь С. Давааням, Улан-Батор, не являясь индустриальным, подобно крупным городам развитых государств, по численности населения, внутреннему рынку, образованию, медицинскому обслуживанию и другим критериям относится к крупному городу [2012, с. 106–112]. В последние годы чрезмерная концентрация населения ведет к актуальным проблемам чрезмерной социально-экономической централизованности: загрязнению воздуха, воды, почвы и шуму в городе, нагрузке на городскую инженерную и транспортную инфраструктуру.

Литература и источники

Идшинноров С. Краткая история города Улаанбаатар. – Улан-Батор: Уриа, 1994. – 153 с.

Идшинноров С. Социально-экономическая ситуация в Монголии на рубеже XIX и XX веков. – Улан-Батор: Изд-во Академии наук Монголии, 2001. – 108 с.

Майский И. Современная Монголия (Автономная Монголия начала XX в). – Улан-Батор: Согоо нуур, 2001. – 127 с.

Урангуа Ж. Монголия начала XX в. (1911–1919). – Улан-Батор: Монхийн үсэг, 2006. – 313 с.

Шишигт Н. Краткий очерк истории столичных жителей // Нийслэл Хүрээ 100 лет. – Улан-Батор: Үсэг, 2012. – 253 с.

Статистическое управление г. Улан-Батор. Статистические данные г. Улан-Батор. – Улан-Батор, 2012.

World Urbanization Trends 2014: Key Facts / UN, Department of Economic and Social Affairs, 2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esa.un.org/unpd/wup/Publications/Files/WUP2014-Highlights.pdf> (дата обращения: 06.08.2016).

Beyond Urban Bias / ed. by Varshney A. – London: Frank Cass, 1993. – 256 p.

Давааням С. Расселение городского населения Улаанбаатара и образование модели эйрпорт-сити в эколого-экономическом аспекте // Городская социология: теория и методология. – Улан-Батор: Адмон, 2012. С. 106–118.

INTRODUCTION. SUBURBS AND SUBURBAN STUDIES IN CONTEMPORARY RUSSIA

This paper reviews sources and directions of suburban growth in contemporary Russia and also Russian definitions of the term "suburb". The author shows that the geographical expansion of suburban studies beyond developed countries has emphasized the limited applicability of Anglo-American approaches and Western suburbanization theories. Following this argument the paper further assesses the state of suburbanization research in Russia. In particular, it shows that this research remains underdeveloped in spite of offering rich analytical prospectives.

Mkrtchyan Nikita

SUBURBAN AREAS OF RUSSIA: POPULATION DYNAMICS AND MIGRATION BALANCE

Suburban areas of 78 Russian region capitals were highlighted based on the methodology accounting of the existing administrative-territorial division in municipal regions and districts. Comparison of the population of suburban areas and regional centers in Population census of 2002 and 2010 shows that the increase of population in suburb leaves behind regional centers. Net migration of suburban population in 2012-2015, was mainly formed due to intra-regional migration.

Makhrova Alla

SEASONAL DACHA SUBURBANIZATION IN THE ENVIRONS OF RUSSIAN CITIES

The article analyses contemporary trends in seasonal suburbanization in 2006-2016 estimating its scale and regional features. General types of dacha suburbs of local, rayon and oblast cities are identified based on the analysis of available approaches to the typology of dachas. Expansion of dachas suburbs depends on central city population, the type of construction and the city functionality. Separate groups allocate capital, 'sub-capital', 'resort' types of dacha suburbs and intra-urban dachas.

Antonov Evgenii

LABOR MOBILITY OF THE POPULATION IN RUSSIA: FACTORS AND IMPACT ON LABOUR MARKETS OF SUBURBAN TOWNS

The research investigates the phenomenon of labor mobility as a form of adaptation to crises of the local labour markets (municipalities, cities). Based on the data of different sources (national population census, surveys of small business and employment) the geography and factors of labor mobility were reviewed. Suburban cities of the Urals, Siberia and the Far East and the impact of labour migration on their population were considered.

SUBURBANISM IN SIBERIA AS A MECHANISM OF THE POST-SOVIET TRANSFORMATIONS

The article is devoted to the analysis of the development of suburbanism as a way of life in the regional centers of the East of Russia. Development of suburbanism is considered on the basis of dachas, suburban settlements and the "private sector" of Siberian cities. The field observations data and interviews in Omsk, Barnaul, Irkutsk, Khabarovsk are the empirical basis of the article. A view on suburbanism as a mechanism of the post-Soviet transformation of cities and regional centers of provincial Russia is suggested.

Kazakova Anna

SUBURBAN AREA OF KALUGA: SYSTEM OF SETTLEMENT, TYPES OF INHABITANTS AND OPTIONS OF SUBURBANISM

The report is the presentation of the book "Suburban way of life in the modern Russian province. The social base, the problems and prospects of development", based on data from quantitative empirical studies of suburban zone of Kaluga. As the system of suburban settlement in Russian regions is heterogeneous, the analysis of its structure and dynamics, advantages and disadvantages, social types of population allows us to identify both regional specificity, as well as national trends in the formation of suburbanism.

Vinokurova Anna, Kostina Elena, Osmachko Nadezhda, Panfilova Anna

ISLAND TERRITORIES AS SUBURBS: RUSSKY ISLAND DEVELOPMENT PROBLEMS OF THE VLADIVOSTOK URBAN AGGLOMERATION

This article examines the key development problems of Russky Island as the biggest island suburb territory of Vladivostok. Condition and contradictions of modernization of the environment of the Island are analyzed in the context of social transformation and regional developments formed the Vladivostok agglomeration, nature of its geographical location, demographic, economic and cultural and community aspects of people's livelihoods.

Irina Koriukhina, Vera Kuklina

SUBURBAN GRAMMAR: SPECIFICS OF SPATIAL LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE SUBURB OF IRKUTSK)

The article is focused on examining Irkutsk city's suburb Molodezhnyi through the lens of organization of social space. The study is based on statistical and Internet data, and field studies – interviews and observations gathered in 2016-2017. The study resulted in the pronounced picture of housing diversity, which allows us to discuss existing significant differentiation of residents on social-economic base. According to the authors' opinion, the examined suburb serves as an example of the hybrid coexistence of different types of spaces.

TRANSFORMATION OF THE SUBURBAN ZONE OF KRASNOYARSK URBAN AGGLOMERATION

The work is the result of research, the main purpose of which was to identify the transformations of the suburban territory of the Krasnoyarsk urban agglomeration and to identify manifestations of complexation. The research included analysis of the commuting, the geography of cottage and dacha settlements, and the location of companies and organizations and their branches in periphery. The result of these analyses is the fact that the main source of transformation of the suburban territory is the population movement. The new population is the main consumer of services that changes the economy of suburban territory. The influx of new population in the suburbs increases the burden on the infrastructure of the territory. The use of an integrated approach to the development of urban agglomeration allows increasing the efficiency of the territory using.

Sheludkov Alexander

INDUSTRIAL VILLADGES, DORMITORY AREAS AND INNER PERIPHERY: FUNCTIONAL SPECIALIZATION OF THE TYUMEN SUBURBAN AREA

On the example of Tyumen suburban area the author explores the connections between the city and the surrounding rural settlements. For this purpose he analyses the structure of local budgets, the territorial distribution of indicators of economic activity and commuting worker flows. As the result the main directions of the functional organization of the suburbs are shown.

Breslavsky Anatoliy

ULAN-UDE: SCALE, SOURCES, SEGMENTS AND CONSEQUENCES OF SUBURBAN GROWTH

The article presents findings from research conducted in the suburbs Ulan-Ude, the capital of the Buryat Republic (Eastern Siberia). This case study shows that the formation of the suburban zone near Ulan-Ude was largely driven by rural migrants. Since most of them have low economic resources, this has emphasized the problems of poverty in the suburbs and the formation of squatter settlements. This bears certain resemblance with how suburbanization proceeds in many developing countries of the modern world.

Badaraev Damdin

INTERNAL MIGRATION AND CAPITALS OF MODERN BURYATIA AND MONGOLIA

The article is devoted to the analysis of problems, reasons and conditions of migration streams of the population from rural areas to the capitals of the

Republic of Buryatia and Mongolia. Migration is considered as a compulsory measure of resettlement and adaptation of villagers to city conditions of Ulaanbaatar and Ulan-Ude as a result of influence of the negative socio-economic factors connected with transition market processes of agro-industrial sector of the considered territories.

Zhalsanova Valentina

MIGRATION BEHAVIOR OF RURAL RESIDENTS OF BURYATIA: FACTORS AND TRENDS

The article examines the specifics of migration behavior of rural residents of the Republic of Buryatia. The main reason for the growth of rural-urban migration became, first of all, economic and social deprivation of rural population in conditions of worsening social situation but not the demand of the city for a new labor force, as it was during the Soviet period. The analysis of the sociological research data has shown that the lack of opportunities for future development in villages becomes one of the determining reasons for relocation to the city not only for young and middle generation, but also for rural retired people.

Nyamaa Galiimaa, Ouyunchimeg Bolormaa

INTERNAL MIGRATION TO SATELLITE TOWN BAGANUUR: SOCIAL AND ECONOMIC IMPACTS

The Democratic Revolution of the 1990s in Mongolia determined a number of economic, political and socio-cultural processes, including migration. Internal (urban) migration was reflected in relocation of a significant number of rural residents to cities, mainly to the capital of Mongolia, Ulaanbaatar. As the result, according to the statistics of 2016, 43 % (1396300 people) of the population of the country (3189997 people) live in Ulaanbaatar. The article examines the issues of socio-economic development of the satellite town of Ulaanbaatar – Baganuur, and also the processes of migration to this city. It is based on the authors' pilot study – the survey of 183 respondents from Baganuur.

Tsetsenbileg Tseveen, Khatanbold Oidov

PROCESSES URBANIZATION IN MONGOLIA

The paper examines urbanization in Mongolia on example of the capital Ulaanbaatar. Authors discuss the features of urbanization since the early 20th century, provides statistics illustrating the level and trends of urbanization, the main factors affecting the growth of urbanization in Mongolia.

Сведения об авторах

Антонов Евгений Викторович – кандидат географических наук, младший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии Российской академии наук (Москва, Россия), antonov@igras.ru.

Бадараев Дамдин Доржиевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), damdin80@mail.ru.

Бреславский Анатолий Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), anabreso5@mail.ru.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), vinokurova77@mail.ru.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), grigorichev@yandex.ru.

Дорофеева (Шапорова) Любовь Андреевна – Doctor of philosophy in urban planning and design, доцент кафедры географии и методики обучения географии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия), dorofeeva-la@yandex.ru.

Жалсанова Валентина Гуржаповна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), valyazhal@list.ru.

Казакова Анна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия), kazakova.a.u@yandex.ru.

Корюхина Ирина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), koritza77@mail.ru.

Костина Елена Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), kostinaeu2000@mail.ru.

Куклина Вера Владимировна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории политической географии и георесурсоведения Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия), vvkuklina@gmail.com.

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), almah@mail.ru.

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии Российской академии наук (Москва, Россия), Mkrтчan2002@ Rambler.ru.

Нямаа Галиймаа – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Института управления, бизнеса и гуманитарных наук Монгольского государственного университета науки и технологии (Улан-Батор, Монголия), ngaliimaa@yahoo.com.

Ойдов Хатанболд – PhD, ученый секретарь Института философии Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия), khatanboldo@gmail.com.

Осмачко Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), nv.o@mail.ru.

Оюунчимэг Болормаа – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Института управления, бизнеса и гуманитарных наук Монгольского государственного университета науки и технологии (Улан-Батор, Монголия), bolormaah@gmail.com.

Панфилова Анна Олеговна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), anna_pl.vl@mail.ru.

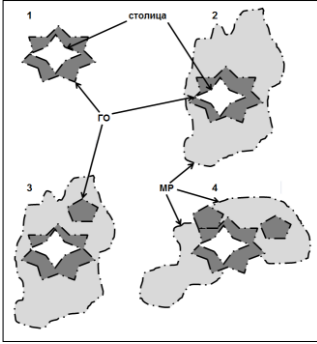
Цэвээний Цэцэнбилэг – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института философии Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия), tsetsenbileg@yahoo.com.

Шадрин Александр Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры географии и методики обучения географии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск Россия), shadrin1@kspu.ru.

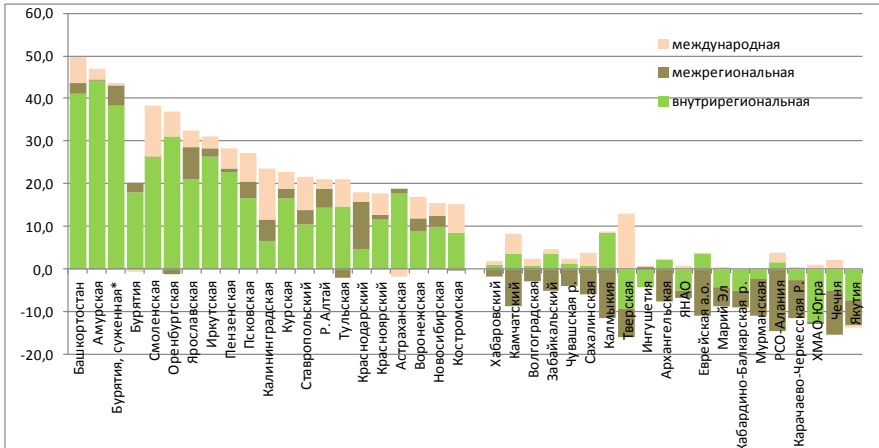
Шелудков Александр Владимирович – аспирант Института географии Российской академии наук (Москва, Россия), a.v.sheludkov@gmail.com.

Приложения

Приложение 1

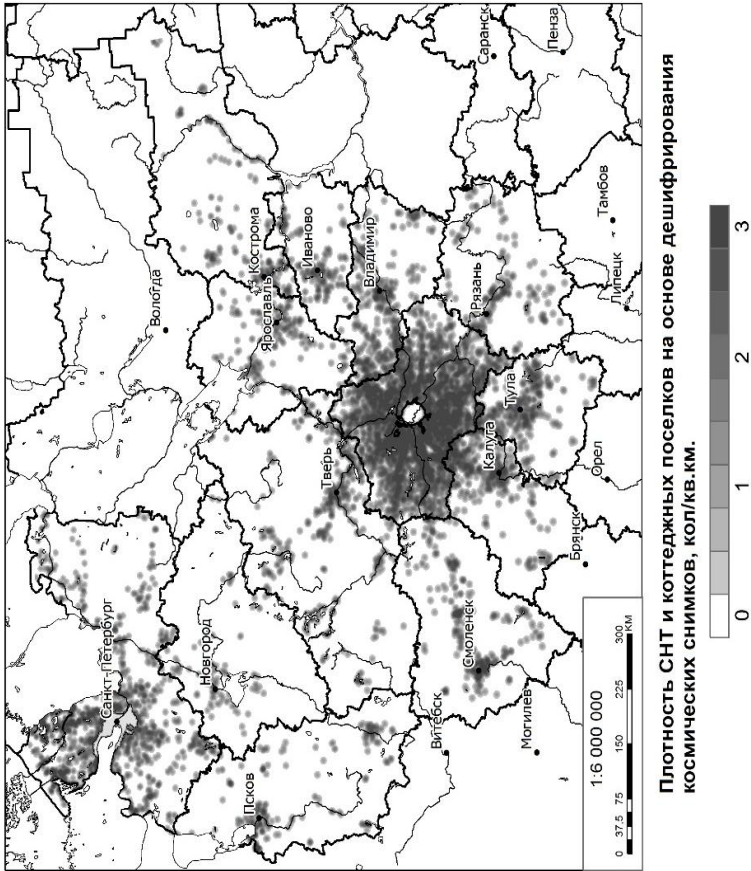

Рис. 1. Схема выделения пригородных территорий: 1 – территории, принадлежащие столичному ГО; 2 – территории, принадлежащие столичному ГО и 1 пристоличному району; 3 – территории, принадлежащие столичному ГО, 1 пристоличному району и 1 ближайшему ГО; 4 – территории, принадлежащие столичному ГО, 2 ближайшим районам и 2 ближайшим ГО

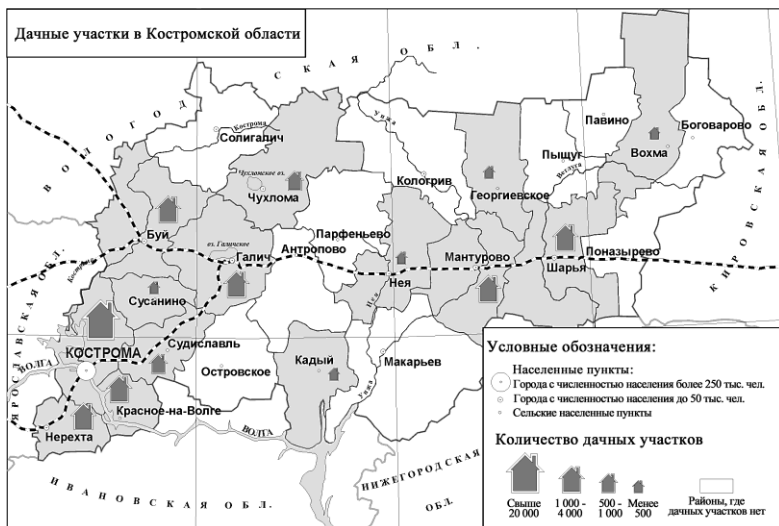

Рис. 2. Регионы-лидеры и аутсайдеры по показателю миграционного прироста населения пригородных территорий, в среднем за 2012–2015 гг. на 1000 (расчеты автора на основе [Численность... 2012–2016; Ростат...])

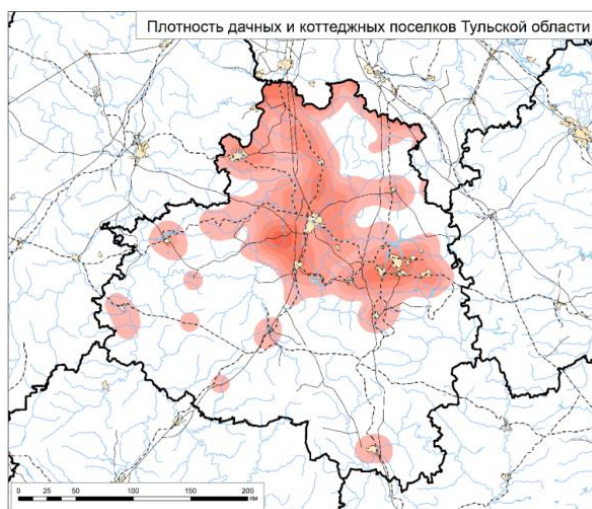
Примечание: не выделялись пригородные зоны для Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Ненецкого АО и Калужской области, по республикам Дагестан, Тыва, Чукотскому АО показатели в БДМО отсутствовали

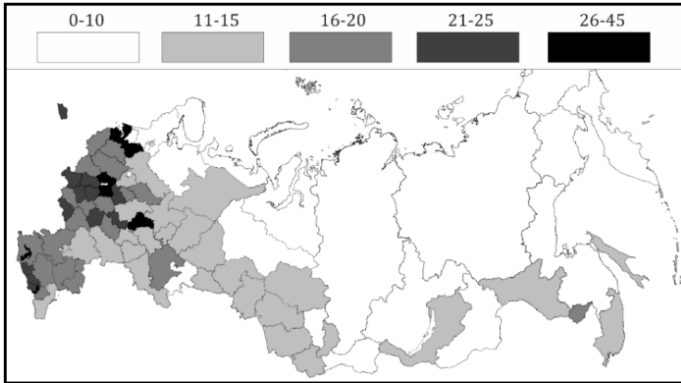
Рис. 1. Плотность размещения садовых и коттеджных поселков вне населенных пунктов (сост. по: [Махрова, Медведев, Нефедова 2016])

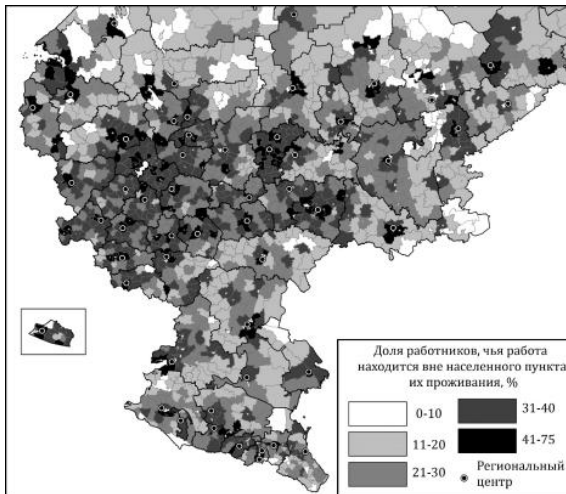
Рис. 2. Дачные участки в составе садово-дачных товариществ по районам Костромской области, 2013 (сост. по: [Аверкиева, Нефедова 2016])

Рис. 3. Плотность дачных и коттеджных поселков Тульской области

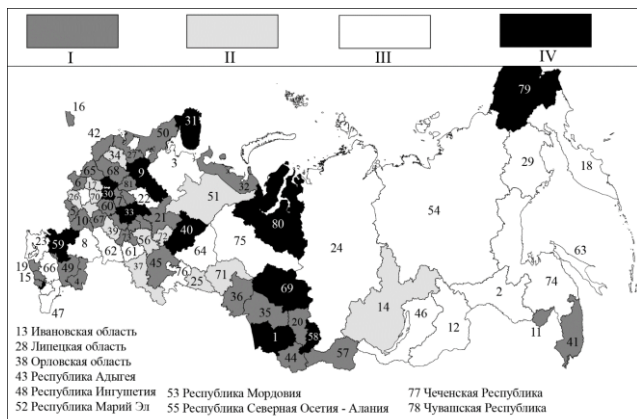

Рис. 1. Доля трудящихся, чья работа находится вне населенного пункта их проживания¹, % (сост. автором по данным ВПН-2010)

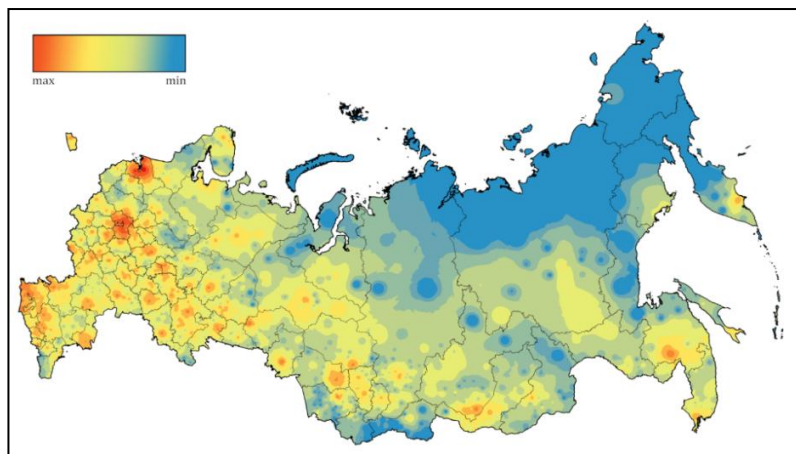

Рис. 2. Трудовая мобильность населения западной части РФ (фрагмент карты «Трудовая мобильность населения РФ») (сост. автором по данным ВПН-2010)

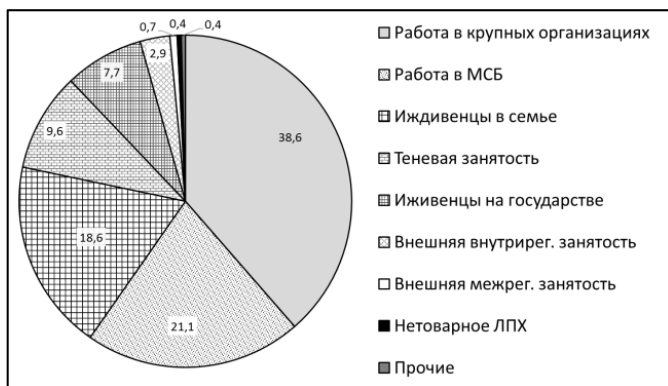
¹ Здесь и далее границы муниципальных образований приводятся по состоянию на 01.01.2015, данные пересчитаны с учетом административных преобразований Москвы и Московской области.

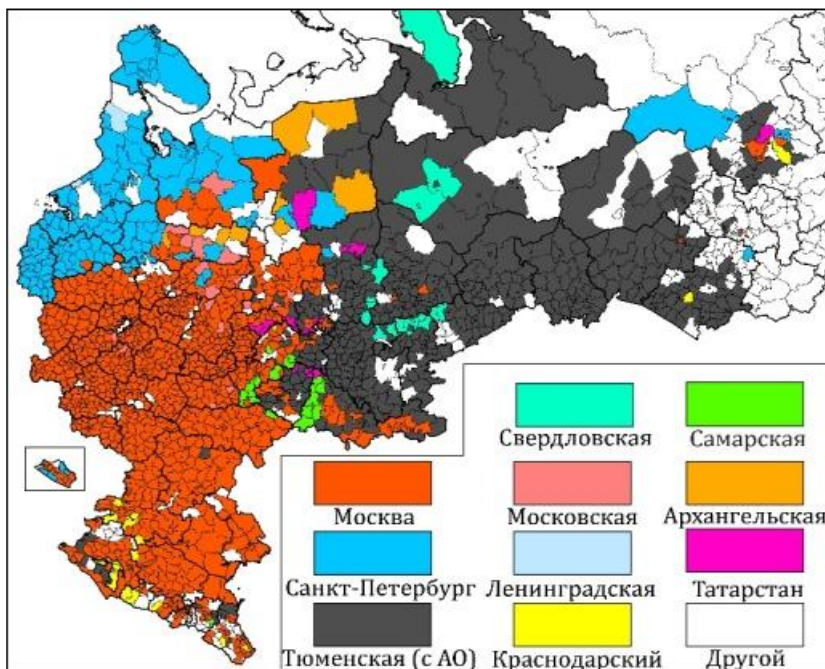
Рис. 3. Типология регионов РФ по трудовой мобильности населения. Расшифровку номеров регионов см. на карте, нумерация регионов по алфавиту (сост. автором)

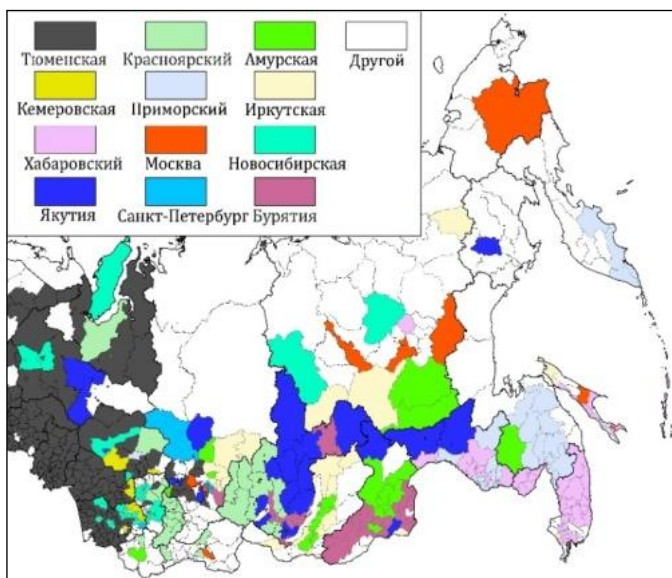
Рис. 4. Интенсивность трудовых миграций населения (в условной шкале) по результатам Всероссийской переписи населения (по месту выезда) (сост. автором по данным ВП-2010)

Рис. 5. Структура населения в трудоспособном возрасте по положению на рынке труда по городским округам Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2010 г. (рассчитано автором по данным ВПН-2010, СНДСМП-2010, ОНПЗ-2010, БД Мультистат)

Рис. 6. Первые места в направлениях межрегиональной трудовой миграции (сост. автором по данным ВПН 2010 г.)

Приложение 4

Рис. 1. Динамика относительного прироста городского и сельского населения Калуги, 2008–2016 гг.

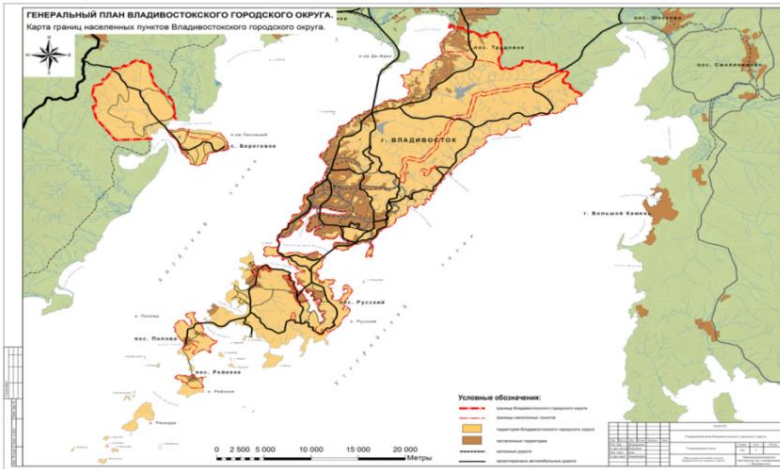

Рис. 1. Карта границ Владивостокского городского округа

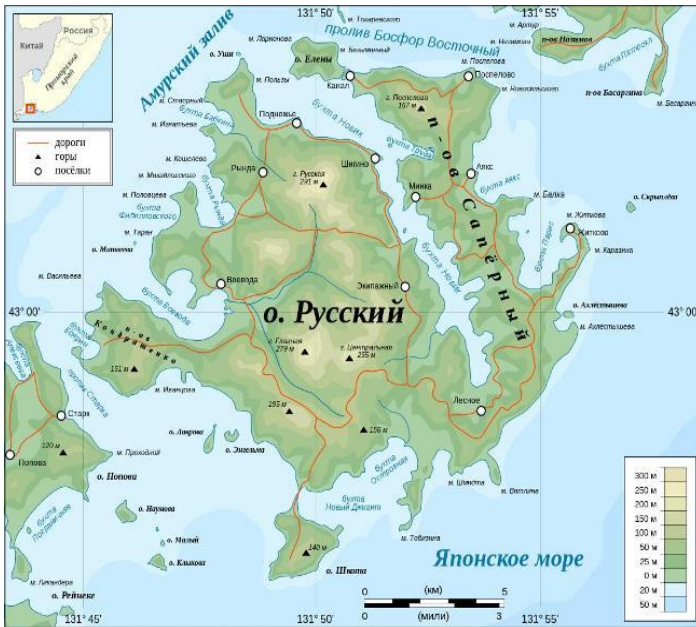
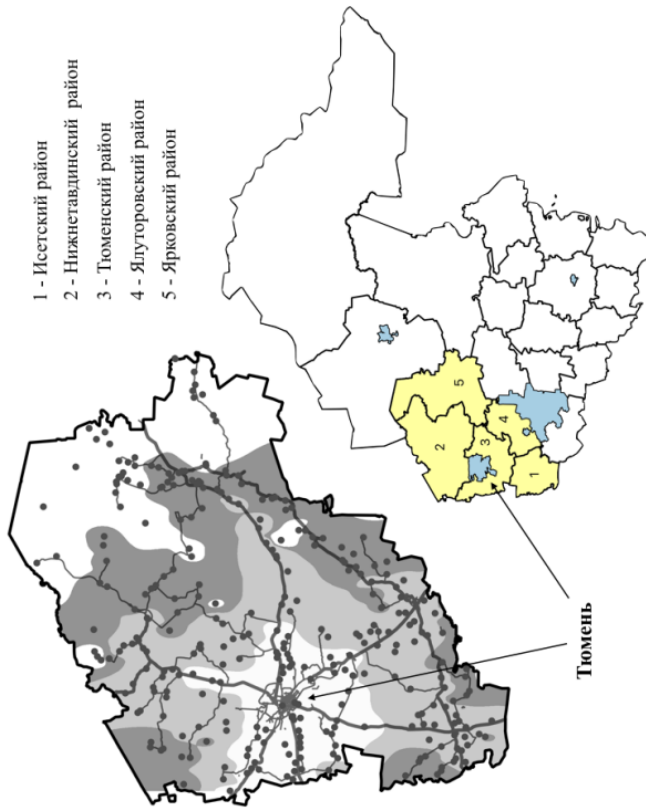
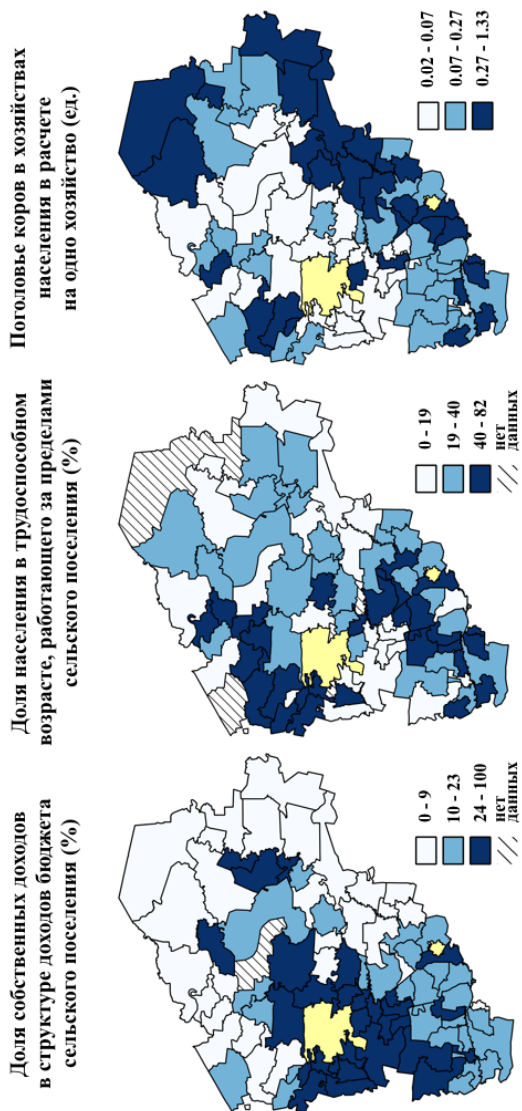

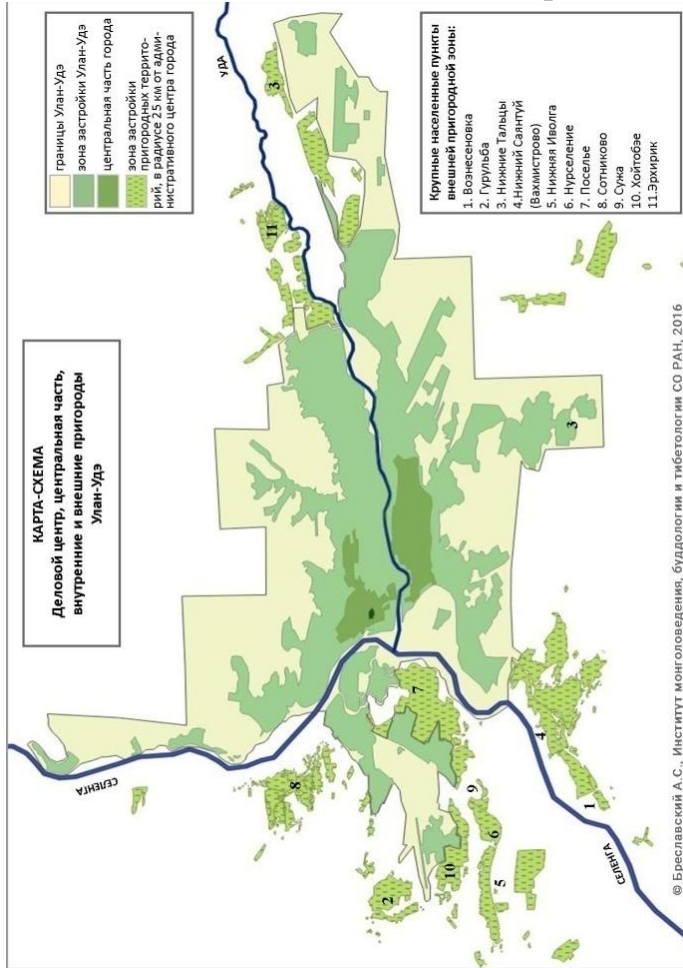
Рис. 2. Карта о-ва Русский

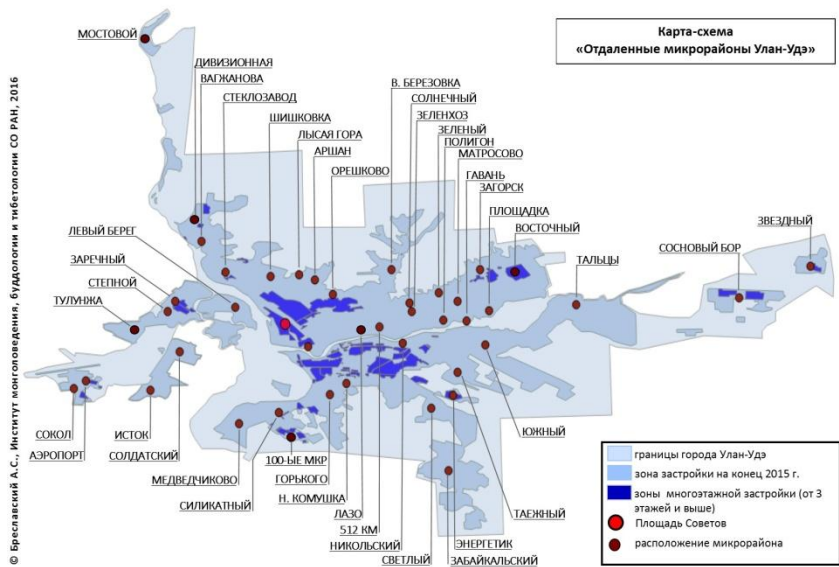
Рис. 1. Часовые зоны транспортной доступности населенных пунктов пригородной зоны Тюмени (от центра города) (сост. автором по данным Яндекс. Карты [2016])

Рис. 2. Территориальное распределение (квантили) показателей функциональной специализации пригородных поселений (сост. автором на основе данных Росстата, Правительства Тюменской области, муниципальных администраций)

Рис. 1. Деловой центр, центральная часть, внутренние и внешние пригороды Улан-Удэ, 2016

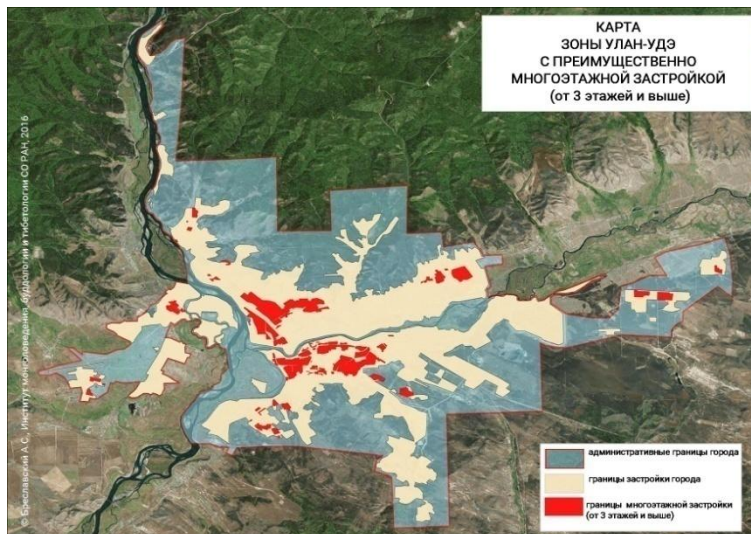
Рис. 2. Отдаленные микрорайоны Улан-Удэ, 2016

Рис. 3. Вид на один из отдаленных микрорайонов Улан-Удэ (Лысая гора), 2016

Рис. 4. Многоэтажное строительство в современном Улан-Удэ, 110–112 мкр., 2016

Рис. 5. Зоны преимущественно многоэтажной застройки Улан-Удэ, 2016

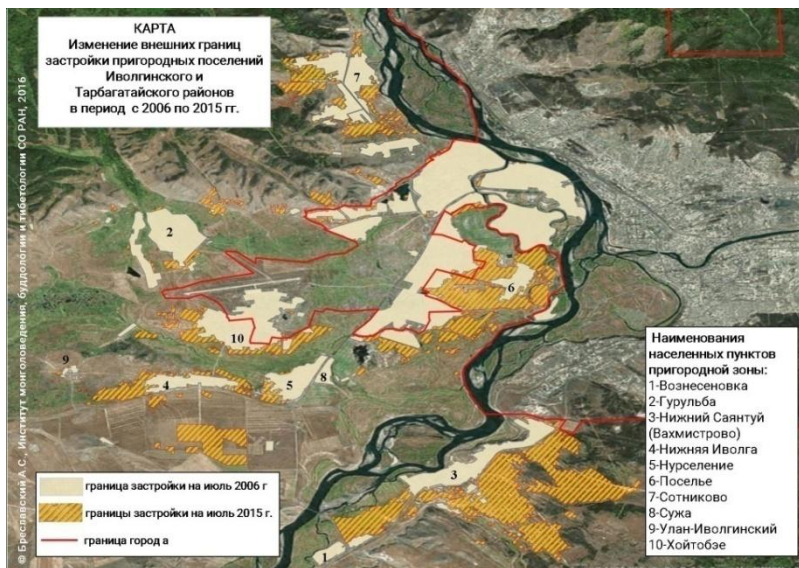

Рис. 6. Дачи и их переобустройство в Улан-Удэ, ДНТ «Ранет», 2016

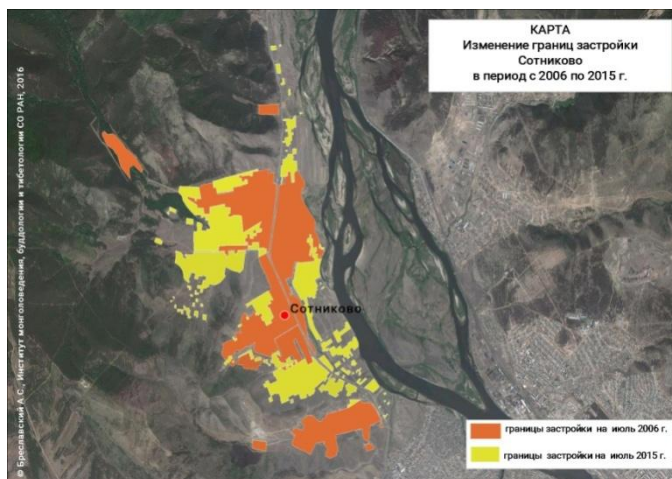

Рис. 7. Таунхаусы и коттеджи в Улан-Удэ, 2016

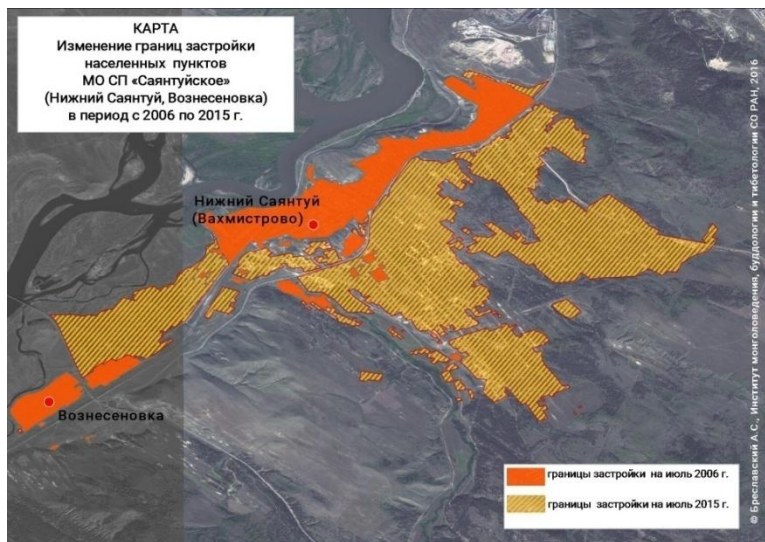

Рис. 8. Изменение границ застройки пригородных поселений Улан-Удэ на территории Иволгинского и Тарбагатайского районов Республики Бурятия, 2006–2015

Рис. 9. Изменение границ застройки с. Сотниково, 2006–2015

Рис. 10. Изменение границ застройки населенных пунктов МО СП «Саянтуйское», 2006–2015

Рис. 11. Типичный внешний вид пригородных сел Улан-Удэ (с. Нурселение, Иволгинский р-н, 2016)

СОДЕРЖАНИЕ

Бреславский А.С. Введение: пригороды и пригородные исследования в современной России.....	3
Раздел 1. Развитие пригородов в современной России: социально-демографический контекст	
Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс.....	26
Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация: дачные пригороды российских городов.....	37
Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России: факторы и роль для локальных рынков труда городов-пригородов.....	51
Раздел 2. Пригороды крупных российских городов	
Григоричев К.В. Субурбанизм в сибирских регионах как механизм постсоветских трансформаций.....	74
Казакова А.Ю. Пригородная зона Калуги: система расселения, типы обитателей и варианты субурбанизма.....	87
Винокурова А.В., Костина Е.Ю., Осмачко Н.В., Панфилова А.О. Островные территории как пригороды: проблемы развития о-ва Русский во владивостокской агломерации.....	98
Корюхина И.Ю., Куклина В.В. Грамматика пригорода: особенности пространственного языка (на примере пригорода г. Иркутска).....	106
Дорофеева Л.А., Шадрин А.И. Трансформация пригородной территории красноярской городской агломерации.....	124
Шелудков А.В. Индустриальные деревни, спальные районы, внутренняя периферия: функциональная специализация пригородной зоны Тюмени.....	135
Раздел 3. Улан-Удэ и Улан-Батор: внутренняя миграция и стихийный рост пригородов	
Бреславский А.С. Улан-Удэ: масштабы, источники, сегменты и последствия пригородного роста.....	148
Бадараев Д.Д. Внутренняя миграция и столицы современной Бурятии и Монголии.....	159
Жалсанова В.Г. Миграционное поведение сельских жителей Бурятии: факторы и тенденции.....	170
Галиймаа Н., Болормаа О. Внутренняя миграция в Баганур (пригород Улан-Батора): социальные и экономические факторы.....	179
Цэцэнбилэг Ц., Хатанболд О. Процессы урбанизации в Монголии.....	187
Abstracts	195
Сведения об авторах	199
Приложения	201

**ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ПРИГОРОДАХ?**

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Корректор *Г.В. Кашина*
Дизайн обложки *А.С. Бреславский*
Верстка, макет – *Д.Д. Дашинимаева*

Подписано в печать 25.05.2017. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 200. Заказ № 4.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.